

**А.А.
ЧИСТОВ**
**ПО
ТУНИСУ
И
ЛИВИИ**

А. А. ЧИСТОВ

ПО ТУНИСУ
И ЛИВИИ

Сотрудникам Кабинета
Восточной
Исторической библиотеки
с большой благодарностью
за оказанную помощь в
работе над этой книжкой

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1966

А. Чистов
Октябрь 1966

Москва

Ответственный редактор
Н. А. ИВАНОВ

Фотографии
А. А. ЧИСТОВА

Александр Александрович Чистов
ПО ТУНИСУ И ЛИВИИ

Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР

Редактор *Т. Г. Максимова*
Художник *В. И. Левинсон*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректоры *М. З. Шафранская и О. Л. Щагорова*

Сдано в набор 4/II 1966 г. Подписано к печати 23/IV 1966 г.
А-01471 Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,0. Усл. п. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,62
Тираж 15 000 экз. Изд. № 1452. Зак. № 268. Цена 35 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Индекс 8-2-1
213-66

ОТ АВТОРА

Основа этой книги — впечатления от поездки группы советских журналистов в Северную Африку. А точнее, непосредственные, личные наблюдения и краткие записи на ходу: в автобусе, у развалин древних городов, в музеях и мечетях...

Мы совершили путешествие по двум государствам северной части Африканского континента — по Тунису и Ливии. Если нанести наш маршрут на карту Африки, вы, пожалуй, разочаруетесь: «Так мало!».

Действительно, вся протяженность поездки, исключая воздушный путь от Москвы до столицы Туниса и от Триполи — столицы Ливии — до Москвы, составила чуть больше тысячи километров. Но на неведомых дорогах километры всегда кажутся длиннее.

Следуя своей журналистской привычке, мы старались увидеть в пути больше, чем это предусматривалось. Иногда без отклонений от разработанного ранее маршрута нам это удавалось. В результате появлялись новые торопливые строчки в записных книжках.

И слушать, и рассказывать об увиденном в дальних странствиях всегда интересно. Но когда возникает желание превратить такой рассказ в книгу, убеждаешься, что даже самых подробных записей в блокноте для этого недостаточно. И тогда к непосредственным впечатлениям постепенно начинают прибавляться сведения, почерпнутые из самых различных источников (даже короткое телеграфное сообщение из газеты берешь на заметку: может быть, пригодится).

Поездка наша проходила без каких-либо приключений. Передвижение и привалы чередовались по расписанию. Опытные водители автобусов и превосходно знающие свою страну гиды заботились о том, чтобы мы не сбились с до-

роги. А на остановках нас ждали забронированные номера в более или менее комфортабельных отелях.

Потеряло ли от этого наше путешествие свою привлекательность?

Может быть, немного и потеряло. Но вспомните, что писал Мопассан в своем путевом дневнике: «Путешествие — это своего рода дверь, через которую выходишь из знакомой действительности, чтобы перейти в действительность неизведанную, кажущуюся сном...».

Вот такой неизведанной действительностью и оказались для нас Тунис и Ливия. В поездке по этим государствам мы сполна испытали волнение от встречи с Африканским континентом, со странами, с которыми мы прежде были знакомы лишь заочно.

ПАРИЖСКИЙ ВРАЧ УДИВЛЯЕТСЯ..

Весной 1964 года открылось прямое регулярное авиасообщение Москва — Тунис. Командир воздушного лайнера ИЛ-18 летчик первого класса Василий Ефремович Цыганков первым пролетел по новой трассе. Расстояние между столицей СССР и столицей Туниса сразу резко сократилось: прежде воздушный путь из Советского Союза в Тунис проходил чаще всего через Париж.

Так летели и мы.

Не стану докучать излишними дорожными подробностями: когда вылетели, сколько пробыли в воздухе, долго ли ждали в Париже пересадки с самолета на самолет и тому подобное. Тем более что сведения эти уже устарели. Теперь расстояние от Москвы до Туниса ИЛ преодолевает всего за четыре-пять часов.

Однако, как это ни покажется на первый взгляд странным, наше знакомство с древними памятниками Ливии началось еще во Франции.

В конце XVII века в дар королю Людовику XIV из Ливии было доставлено более шестисот мраморных колонн. Их-то мы и видели, осматривая в Версале дворец и парк...

Времена, когда не возбранялось столь бесцеремонно распоряжаться сокровищами Северной Африки, давно миновали. Больше того, теперь даже французским коммивояжерам скрепя сердце приходится хлопотать о въездных визах в Тунисскую Республику.

Раньше состоятельные парижане, желающие продлить бархатный сезон или насладиться экзотикой, без всяких виз отправлялись на превосходные тунисские курорты точно так же, как на свой собственный Лазурный берег — в Ниццу или Монте-Карло. Сейчас они могут очутиться на

Африканском побережье лишь в качестве гостей-иностранцев, обменяв предварительно в банке франки на тунисские динары*.

На правах хозяев Департамент национального туризма Тунисской Республики красочными плакатами приглашает всех желающих (в том числе, разумеется, и французов) посетить «благоухающую невесту Магриба». На рекламных плакатах в одной из витрин на улице Опера — улыбающаяся девушка в национальной арабской одежде. Она держит на вытянутых руках блюдо с фруктами, позади нее синее море...

«Благоухающая невеста Магриба» — это Тунис. Арабы издавна называют Магрибом группу стран африканского Запада (аль-Магриб — «Запад»). К ним относят Алжир, Марокко, Тунис и Ливию.

Была у тунисцев грустная песня об их стране, о прекрасной невесте Магриба. В ней говорилось, что Магриб — священная птица. Грудь ее, тело — Алжир, левое крыло — Марокко, правое — Тунис.

«Грудь Магриба еще в крови от ран, — пелось в печальной песне, — а крылья не обрели пока могучей силы. На них еще висят обрывки цепей... Но ветер свободы залечит раны, солнце высушит слезы наши, и ввысь, в небо, поднимется вольная птица Магриб...».

...Аэропорт Орли. Через короткие промежутки времени, когда прерывается мелодичная музыка, мягкий голос диктора извещает о прибытии самолетов и о посадке на очередные рейсы. Не обращая внимания на окружающих, расхаживают в залах ожидания, движутся вверх-вниз по бесшумным эскалаторам состоятельные туристы из Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Швейцарии...

Мы им не попутчики. Из Парижа американцы торопятся в Нью-Йорк, англичане поджидают самолет, отлетающий в Мадрид, швейцарцы летят в Италию...

Но вот приглашают и нас пройти на посадку. Рядом со мной в салоне «Каравеллы» — француз средних лет, небрежно листающий свежие парижские газеты.

После взлета вынимаю сигарету, вопросительно поглядывая на соседа: не будет ли протестовать? Но тот на

---

* Во времена французского протектората денежной единицей в Тунисе был тунисский франк. В 1958 году в республике ввели свою денежную единицу — динар.

довольно чистом русском языке успокаивает: «Курите, курите!..».

Сосед мой — врач, терапевт. Родился в Париже, но родители его — выходцы из Западной Белоруссии, говорят по-русски и сына научили этому языку. Он очень рад такой неожиданной возможности проверить свои скромные познания в русском языке...

Весь путь — что-то около двух часов — мы говорили с врачом-парижанином о Франции, о Советской России, о Тунисе. — Бывал ли я в стране, именуемой «невеста Магриба»? О, не раз! Я ведь врач. А врачей там не хватает. Мой друг Анри (одно время я работал вместе с ним, а потом уехал учиться в Париж) решил отдохнуть. Он написал мне: «Выручай, замучился!..». Попросил на время заменить его. Я согласился. Коллегу нужно выручать, старого друга — тем более... Но я не пойму, что, собственно, тянет вас, советских людей, в эту страну? Она, поверьте мне, малопривлекательна. Там нет ничего интересного. Особенно после Парижа или даже Марокко. Вы были в Марокко? Не были?!

Сосед искренне сожалеет:

— О-о-о! Это сказочная страна. Экзотика! Касабланка — это Париж в восточном стиле. Там столько развлечений... «Терраса Мартини», пляжи «Гаити», «Майами», «Лидо», кафе, элегантные магазины (наш «Галери Лафайет» в миниатюре), пикантные таверны... Есть миленькие заведения не хуже тех, что у нас на Пигале... А в Тунисе, поверьте мне, вам будет просто скучно...

Он на минуту замолкает, прикуривает. По радио звучит воркующе-нежный голос стюардессы: «Мы пролетаем над Сицилией. Полюбуйтесь очертаниями берегов. Мерси!..».

Молча оборачиваемся к иллюминатору. Видимость хорошая. Хочется посмотреть Италию с птичьего полета, но соседу (он сидит рядом с круглым окошечком) это ни к чему. И он продолжает спрашивать меня о целях нашей поездки, не скрывая своего удивления, что журналисты из Советской России решили вдруг провести отпуск, путешествуя по таким, с его точки зрения, непривлекательным странам, как Тунис и Ливия.

Пытаюсь растолковать соседу, что любому человеку, и особенно журналистам, всегда интересно «открывать» для себя новые страны и государства, познавать обычаи, быт,

праны, культуру народов этих стран. Особенно тех, которые твердо стали на путь самостоятельного развития.

Врач из Парижа пожимает плечами: «Возможно, возможно...» — и сосредоточенно тычет сигаретой в пепельницу: засветилось табло — «Не курить!». Идем на посадку.

До приземления сосед молчит. К выходу направляется одним из первых, озабоченно проверяя, на месте ли у него паспорт.

Нашу группу сердечно встречают товарищи из советского посольства, представитель ТАСС, кинорежиссер из Тбилиси, снимающий документальный фильм о древних памятниках тунисской земли. Вопросы, расспросы:

— Ну как вы тут, в Тунисе?

— Ну а как там, Москва?..

И не знали никогда друг друга люди, и встретились-то первый раз в жизни, а посмотришь со стороны — будто давным-давно знакомы...

Врача-парижанина никто не встречает, если не считать представителей тунисской пограничной администрации. Когда я прохожу мимо, он делает вид, что не замечает меня и с улыбкой протягивает местным властям свой паспорт.

Позднее мне не раз вспоминалась беседа с этим французом. Конечно же, он был тысячу раз не прав, утверждая, что Тунис — страна скучная. Однако переубедить его вряд ли бы удалось. Разве втолкуешь ему, что в Тунисе нас интересовали не увеселительные заведения со стриптизом, а история страны и ее настоящее, ее люди и их дела, заботы, радости?..

Не шикарные парижские универсальные магазины, перенесенные в миниатюре на улицы Туниса, хотелось нам увидеть, а бурливые, оживленные закоулки медины*, услышать не синкопы твистов, а гомон, веселые возгласы торговцев, для которых сук** — это дом родной...

Нет, нельзя испытывать скуку и разочарование в стране, проделавшей долгий, трудный путь от финикийской колонизации и владычества римской империи, нашествий вандалов, французского протектората к полной независимости.

---

* М е д и н а (арабск.) — город. Так в Северной Африке называют старую часть города, «старый город».

** С у к — базар, рынок.

Мы были твердо уверены в этом еще в Москве, готовясь к дальнему странствованию. Мы убедились в этом, едва ступив на африканскую землю и увидев улыбки на смуглых лицах служащих тунисского аэропорта Эль-Луина.

ТУНИС — СТОЛИЦА ТУНИСА

В Москве, перед нашим отъездом, почти каждый, кто узнавал, что нам предстоит отправиться на Африканский континент, интересовался: «А вы не боитесь жары?..».

И по возвращении домой чуть ли не первым был все тот же «климатический» вопрос:

— Ну как там, очень жарко?..

До отъезда (никто из нас прежде в Африке не бывал) мы, естественно, ничего не могли ответить на подобные вопросы. Родных успокаивали, что летим не просто в Африку, а в Северную Африку. Друзьям объясняли, прибегая к географической карте:

— Видите, от Триполи до Рима — рукой подать. От Москвы до Сочи или до Сухуми, пожалуй, подальше. Там температура летом тоже бывает выше, чем в Москве, но это почему-то никого не пугает. Так что ж вы за нас-то беспокоитесь?..

Одним словом, держались бодро, хотя на всякий случай заглядывали в справочники, разыскивая среднемесячные показатели температур.

И вот первые шаги по африканской земле — от самолета к зданию аэропорта, первые километры — от аэропорта до гостиницы в центре города.

После Парижа разница, конечно, весьма ощутимая: воздух горяч. Но в малолюдном здании аэропорта настежь раскрыты двери, гуляет сквознячок и дышится легче. В автобусе — тяжелее. Поджидая нас, он раскалился на солнце. Рассаживаемся, переглядываясь: «Что поделаешь — Африка!..».

А выехали на шоссе с редкими пальмами на обочинах — влетел в раздвинутые окна ветер со Средиземного моря, и все успокоилось, заулыбались: «Терпимо!..».

Чтобы не возвращаться больше к вопросу о температурных колебаниях (они, действительно, с большой точностью зафиксированы в любых справочных изданиях),

свадку откровенно: конечно, и в Северной Африке жарко, особенно в глубинных районах, вдали от побережья, поближе к Сахаре. Что же касается прибрежных районов, то климат здесь почти ничем не отличается от Средиземноморского побережья Италии или юга Франции. Похож он и на климат нашего Кавказского побережья.

Однако даже настоящая африканская жара не мешала нам обстоятельно знакомиться со страной, любоваться ее памятниками.

Где было особенно жарко? Ну, скажем, для примера, в Кайруане. Но, вспоминая об этом белокаменном, раскаленном городе, вряд ли кто-нибудь из нас начнет свой рассказ с восклицания: «Ну и жара же стояла в Кайруане!..».

А вот о кайруанских ковровщицах, или о мечети Сиди-Окбы, или о кайруанском суке каждый найдет что вспомнить и рассказать...

Столицу Туниса — город Тунис — путешественники описывают по-разному. Мопассан писал, что арабы сравнивают ее с разостланным бурнусом: «Город простирается на равнине, слегка волнистой из-за неровностей почвы, так что местами над ней выступают края большого пятна, образуемого белесыми домами, над которыми высятся купола мечетей и башни минаретов».

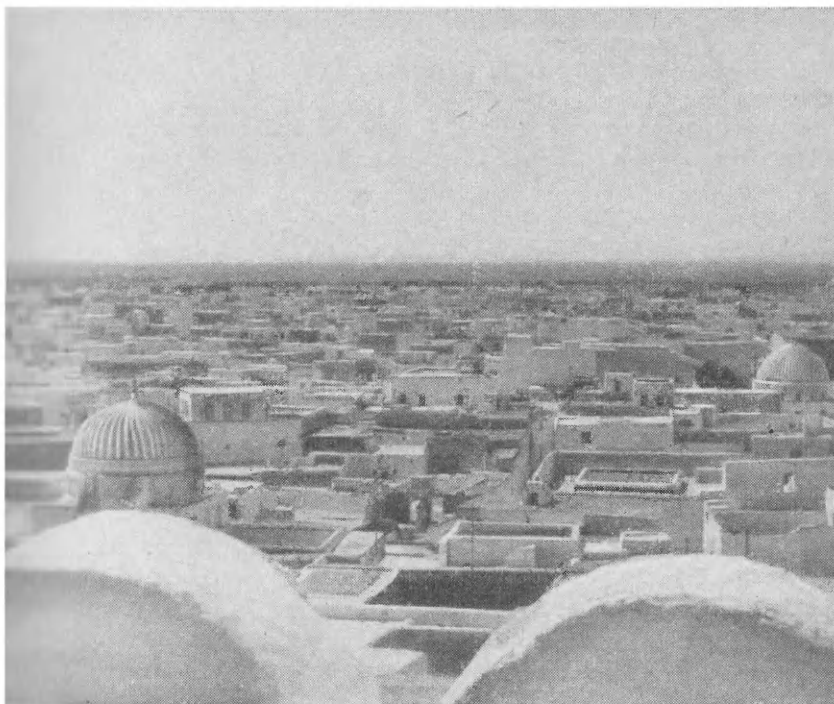
В описаниях наших современников появляется иное сравнение: Тунис, по их словам, расстилается на равнине белым покрывалом.

Чье восприятие ближе к истине?

Во многих городах мира есть такие возвышенности, которые будто специально созданы для приезжих гостей. С них открывается широкая панорама раскинувшегося внизу города: любуйся, всматривайся, запоминай!

В Москве — это Ленинские горы, площадка перед университетом, откуда так отчетливо виден древний Кремль, высотные здания, чаша Лужников. В Киеве — Владимирская горка с суровым изваянием Владимира Святого. В Париже — холм Монмартра с базиликой Сакре-Кёр. А в Риме — целых семь холмов. Выбирай любой, какой тебе нравится, и любуйся с высоты вечным городом!..

Есть такое место и в Тунисе — столице Туниса. Это Бельведер — зеленый парковый массив. На самом высоком холме парка построена знаменитая алебастровая беседка Кубба — памятник арабской архитектуры, воздвигнутый в XVIII веке.

Так выглядит город Кайруан, если подняться на минарет мечети Сиди-Окба.

Купол беседки поддерживают мраморные колонны, пол выложен керамикой. Причудливые ажурные узоры в восточном стиле украшают стены и купол. Керамическая мозаика чередуется с разноцветными стеклами — они превращают беседку в какое-то волшебное сооружение...

Отсюда-то мы и увидели город.

День был ясный, солнечный, и из беседки Бельведера за пестрым цветочным барьером перед нами открылась панорама города и его окрестностей.

Он бело-голубой, Тунис, или нет, скорее бело-розовый. Над плоскими кровлями сахарно-белых домов высятся купола мечетей, остроконечные минареты.

Позже мы узнаём, что вон то красивое здание — президентский дворец, а там, на южной стороне, виднеется

массивный каменный гребень римского водопровода. Позже, направляясь к развалинам Карфагена, мы проедем мимо того лагунного озера, на берегу которого и раскинулся город.

А пока для нас Тунис — город-незнакомец. Мы рассматриваем его в просветы между колоннами Куббы, стараясь познать «соль» премудростей арабских градостроителей, научившихся придавать своим городам какой-то особый, неповторимо восточный колорит.

Так же как в большинстве городов Магриба, в Тунисе две резко отличающиеся друг от друга части — европейская, с современными постройками, зеркальными витринами, отелями и кинотеатрами, и арабская — медина.

Наш отель находится в европейской части, в двух шагах от центральной магистрали города — авеню Хабиба Бургибы, бессменного тунисского президента. Посередине, между правой и левой проезжей частью авеню, тянется аллея с цветниками, скамейками. Здесь располагаются голосистые мальчишки — чистильщики обуви, здесь торгуют удивительно яркими и пахучими цветами, мороженым, прохладительными напитками.

Обсаженные пальмами широкие улицы европейской части города многолюдны, шумны. Мчатся автомобили, между которыми снуют велосипеды, мотоциклы, мотороллеры. На некоторых седоков смотришь с беспокойством: не запутается ли их белое арабское одеяние в спицах колес? В такси, в открытых лимузинах — туниски, прикрывающие лицо белым или черным покрывалом, редко — плотным, чаще — из кисеи.

Это чадра, или, как ее называют в Тунисе, ассаба. Официального закона, запрещающего женщинам носить ее, правительство республики не принимало*. Оно полагалось на силу морального убеждения, на сознание самих женщин и на то, что мужчины поймут всю нелепость этого древнего обычая.

— Недопустимо, — говорил президент Туниса Хабиб Бургиба, — чтобы половина населения была исключена из жизни и сокрыта как постыдная вещь.

И хотя на улицах тунисской столицы, не говоря уж о других городах, пока еще довольно часто встречаются жен-

---

* В январе 1957 года министр национального образования Туниса издал приказ, запрещающий носить чадру школьницам.

щины с закрытым лицом (но в модных французских бо-соножках), многие решительно порывают с затворничест-вом, сбрасывают ассабу. Особенно девушки. И взгляд у многих из них не настороженный, не испуганный, а радост-ный, счастливый...

Тунисские женщины в этом отношении отличаются от своих ливийских подруг: в Ливии женщин с неприкрытым лицом почти не встретишь. Там традиции держатся более крепко и законы ислама соблюдаются более рьяно.

Если в европейской части тунисской столицы приметы типичного восточного города не сразу бросаются в глаза (французы хозяйничали здесь три четверти столетия и построили немало современных домов), то в медине все его признаки налицо.

Сколько раз встречались в литературе описания этих лабиринтов тесных извилистых улочек, этого пестрого кру-говорота мавританских базаров! Кто не помнит сказок и легенд, достоверно и живо передающих неповторимые яр-кие краски, совершенно особый ритм, характерные черты арабских торговых центров?

И все-таки нужно увидеть своими глазами эту удиви-тельно притягательную картину. Только поначалу пока-жется, что все это придумано, инсценировано и мастерски поставлено искусным режиссером. Только в первый момент возникает сомнение: не для туристов ли разыгрывается здесь этот красочный спектакль, это эффектное зрелище?

Углубитесь подальше, сверните в сторону, где меньше людей, и вы поймете, что ошибаетесь. Вокруг вас размерен-ное, будничное течение жизни, привычной для всех обита-телей сука.

Они здесь трудятся, учат ремеслу детей, неторопливо пьют кофе, обсуждают последние новости, спорят, подсчи-тывают выручку, переключивают, перевешивают товар...

Поражают своей расцветкой ковры, свисающие перед входом в тесную каморку-лавочку. А сколько кропотливого, изнурительного труда вложено в них ковровщиком и его домочадцами, которые обитают тут же, в задней темной части магазинчика-мастерской!

Проходим мимо другой подобной же мастерской-лавоч-ки. За примитивным деревянным ткацким станком мальчу-ган. Его глаза плохо видят: в помещении полутьма. Мимо проходят завсегдакаи сука, туристы. Но мальчуган не смотрит на прохожих. Он работает...

Серебряные блюда, подносы, кофейники. По серебру изящный тонкий рисунок — птицы с пушистыми хвостами, гирлянды цветов. Кто с таким старанием гравировал эти изделия? Очевидно, вот этот тунисец, лицо которого избороздили морщины. Он безучастно смотрит на посетительницу сука, сидя на маленькой скамейке перед своими сокровищами, и покашливает: серебряная пыль дает себя знать...

Ряды верхнего платья. Чего тут только нет! По ассортименту можно детально познакомиться с арабской традиционной одеждой. Вот джебба (или джубба) — белая либо цветная рубашка с широкими рукавами (женщины украшают ее вышивкой). Вот гандура — хитон, который шьется из хлопчатобумажной, шерстяной или шелковой ткани. А это кашабая — накидка из плотной ткани.

Здесь можно разыскать все — от грубых холщовых фартуков до белого свадебного платья, от широких расшитых парчовых шаровар до маленьких шеший (фесок) — войлочных, которые носят простые люди, ремесленники, или шелковых, которые свидетельствуют об обеспеченности их обладателя.

Около одной из лавок суетится продавец: его товаром заинтересовались две скромно одетые покупательницы. Очевидно, мать и дочь.

Мать придирчиво выбирает платье для невесты, а та смущена — не решается примерить, подойдет ли ей к лицу этот богатый наряд. Ведь кругом столько любопытных!

Женщины скрываются в лавчонке и выходят из нее уже с покупкой. Продавец доволен. Он провожает покупательниц вежливыми поклонами. А девушка торопится прикрыть лицо, скрывая радостную улыбку: видно, обновка пришлась ей по душе.

Стучат молотки сапожников. Чувствуется резкий запах кожи, дегтя, ваксы, вара. Ловкие руки сучат дратву, острым ножом срезают кромку подошвы. И тут же готовая продукция: только что снятые с колодок сандалии без пяток, сапожки, туфли. Их не выставляют за зеркальными стеклами, а кладут прямо на землю...

Однако большинство посетителей сука проходят мимо сапожного ряда, не обращая внимания на «витрину»-выставку — они привыкли ходить босиком.

Нам рассказывали, что, даже по официальным данным (об этом сообщалось в журнале «Жен Африк»), 75 процен-

тов населения Туниса обуви не носит. Может быть, потому, что жарко? Нет, просто многим ее не на что купить.

Кажется, нет конца запутанным извилистым улочкам медины. Без провожатого здесь легко заблудиться. Медленно обходим ряд за рядом. Гончарный с множеством кувшинов, горшков, расписных глиняных вазочек самых различных размеров. Жестяной и медный, где стоит гул и звон от перестука молотков. Бредем мимо лавочек и прилавков с овощами и фруктами — пламенеют стручки красного перца, отливают синевой баклажаны, золотом — крупные апельсины. Инжир, финики, виноград — все дары садов и плантаций Туниса красуются на лотках, на столах, сбитых из грубых досок, или на земле.

Наверное, так было и сто, и тысяча, и много тысяч лет назад. Однако приметы современной цивилизации то и дело напоминают, что и сюда, в пестрый круговорот сука, вторгается двадцатый век.

Часть восточного базара тонет в полутьме под сводчатыми крышами. Непривычно чувствуешь себя на этих улочках, над которыми не голубое небо, а закопченные каменные своды. Приглядишься и замечаешь, что свет сюда проникает не через маленькие оконца, а из-под арочных сводов, где мерцают запыленные электрические лампочки и вытянутые люминисцентные трубки.

Заглядываешь в лавчонку торговца безделушками. На дешевых медальонах — голова царицы Нефертити, на брошках — финикийские ладьи. А на стекле ящика-витрины — портативный приемник на транзисторах, включенный на полную мощь.

Бережно укладывает на прилавок изумрудную гроздь винограда торговец фруктами в длинном сером халате. А рядом с прилавком на стенке кнопками прикреплены два портрета: президент Бургиба и вырезанная из журнала американская кинозвезда...

Держась за руль мотороллера, к багажнику которого привязаны не то фазаны, не то индейки, шагает тунисец, задрапированный в белую одежду. Бондарь присел на бочонок и потягивает из горлышка кока-колу. Старые цветастые журналы (тут и «Лайф», и «Сине-монд», и «Пари-матч») разложены на куске брезента по соседству с горой полосатых арбузов. Босоногие мальчишки не могут оторвать глаз от развешанных грязно-синих техас с молнией и медными бляшками...

Сколько таких контрастов на каждом шагу! И не знаешь — удивляться или воспринимать это как должное?

Возвращаемся из медины «домой», минуя ворота крепостной стены, которая отделяет европейскую часть города от арабской. Ворота назывались прежде французскими, а ныне — Морскими. Старое наименование понятно. А почему «морские»? Из беседки Кубба в парке Бельведер мы видели, что город лежит между двумя озерами, которые некогда были связаны с морем. Одно из них более полувека назад доходило до места, где теперь стоят ворота. Постепенно озеро мелело, вода отступала, его засыпали пески. Но ворота и по сей день именуются Морскими.

Все, что имеет отношение к периоду французского господства, в Тунисе стараются забыть. Поэтому изменились в городе названия улиц, площадей, бульваров. Одним возвращают их прежние имена, другим дают новые, арабские. И не только арабские. В ноябре 1965 года муниципальный совет города Туниса переименовал улицу Кольмар в улицу Ленина.

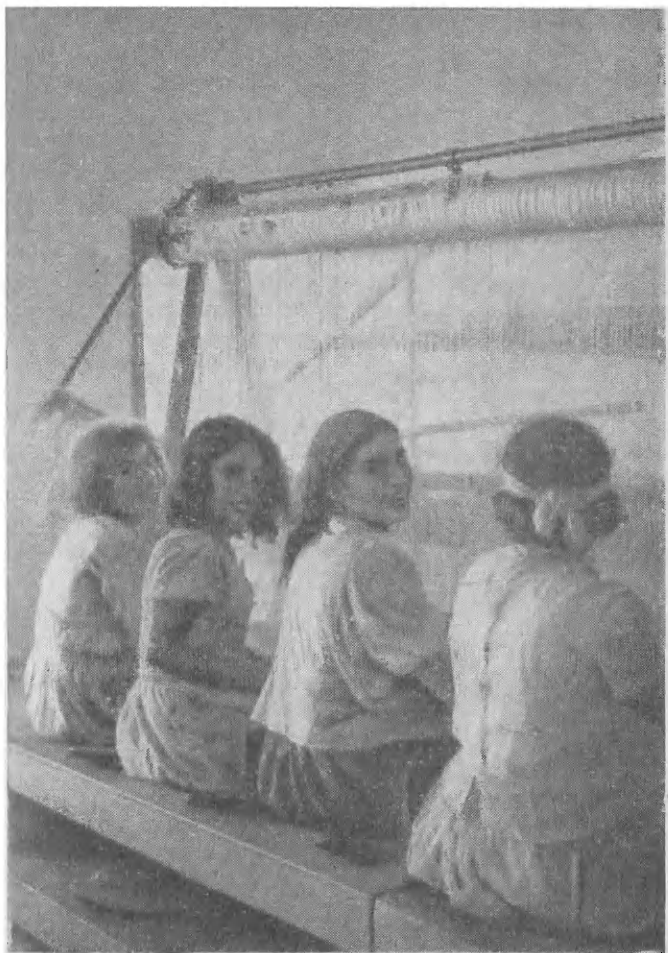
О том, как выглядела «невеста Магриба» в конце прошлого века, когда европейцы чувствовали себя здесь «как бы в самой Франции», рассказал один из путешественников. Он указал точную дату своего отъезда из итальянской гавани Палермо: 2 января 1898 года.

«После поверхностного осмотра моего багажа на таможне*, — писал этот путешественник, — я сел в коляску и поехал по широкой, прекрасно застроенной новыми домами улице. Вскоре справа показался католический храм красивой архитектуры, а напротив него окруженный садами дворец французского представителя в Тунисии.

Перед дворцом расхаживал по тротуару французский солдат с ружьем на плече. Далее, по обе стороны улицы, потянулись под арками галантерейные, гастрономические, книжные магазины, рестораны и кофейни; коляски парой неслись взад и вперед, а по тротуарам и под арками проходили толпы людей в европейских костюмах, среди которых раздавались крики мальчуганов, продававших полученные из Франции газеты. Словом, если б изредка не показывались смуглые, чалмоносные арабы в белых бурнусах, то нельзя было бы и подозревать, что находишься в африканском городе, в столице тунисского бея.

---

* На пристани Ла Гулетт близ Тунисса.

Ковровщицы Кайруана славятся своим мастерством

На самом конце улицы показались „Ворота Франции“, перед ними стояли извозчичьи экипажи... Проехав под аркой триумфальных ворот, я очутился на площади, на которой толпился разноплеменный люд. Это место находилось как раз на рубеже между туземным старым городом с одной стороны и новым французским кварталом — с другой. Таким образом, при выходе из отеля, в котором

я здесь остановился, мне стоило только направиться за ворота, и я обретался как бы в самой Франции, в недавно лишь возникшем квартале ее, а повернув за угол в другую сторону, я попадал в самые недра Африки, в старый туземный город, современный древнему Карфагену...».

Но времена меняются. Теперь настал черед самим арабам чувствовать себя полноправными хозяевами. На улицах их родного города чужеземцы стали появляться редко (туристы не в счет). Не осталось в нем ни «Французских ворот», ни французских солдат. Теперь можно и в бурнусах спокойно, без опаски, шагать по любой улице, по любому проспекту или переулку — и в медине, и в той части города, которую по инерции еще продолжают называть «европейской».

ЗДЕСЬ СТОЯЛ КАРФАГЕН

Редкий приезжий отказывается от возможности совершить эту экскурсию — всего 19 километров на северо-восток от тунисской столицы. На планах и картах конечный пункт такой поездки отмечен маленьким кружочком: «Carthage». Это Карфаген, знаменитый город, слава о котором пережила века.

Считается, что с основания Карфагена (814 год до нашей эры), с финикийской колонизации, тунисцы начинают свою национальную историю*. Раскопки, которые велись в течение трех лет, с 1944 по 1947, показали, что первыми поселенцами на территории древнего Карфагена были финикийские мореплаватели. Плавая вдоль побережья Африки, они выискивали удобные гавани, в которые, если застигнет буря, могли бы заходить их корабли.

Природой будто специально была создана одна из таких бухт, приглянувшаяся мореходам-колонистам из Тира и с Кипра. В глубине залива они основали город Карт-Хадашт, что в переводе означает «Новый город». Позднее он стал именоваться Карфагеном.

Римляне, поддерживающие с Карфагеном деловые контакты, увидели в нем серьезного конкурента и соперника.

---

* С началом финикийской колонизации историки связывают первые упоминания о Берберии, или Барбарии, — той части Северной Африки, что расположена западнее Египта.

Следствием обострившегося соперничества явились так называемые Пунические войны.

С Карфагеном связано имя прославленного полководца Ганнибала. По преданию, в храме Гадеса отец Ганнибала Гамилькар заставил девятилетнего сына поклясться в вечной ненависти к римлянам. Тот сдержал клятву. Благодаря одержанным войсками Ганнибала победам слава Карфагена, его расцвет достигли высшей точки. Армии Ганнибала прошли Испанию, Галлию, Италию и вплотную подошли к Риму. В истории военного искусства надолго сохранились переход карфагенян через Альпы, сражение при Тразименском озере, битва при Каннах.

Однако не прошло и столетия, как слава Карфагена закатилась. В третьей Пунической войне римские полководцы одержали победу.

Выполнить наказ сенатора-рабовладельца Катона, которым он заканчивал каждую речь в Сенате: «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен», римским legionерам и их наемникам оказалось не так-то просто. Целых три года приговоренный к смерти город упорно сопротивлялся. Трагедию Карфагена ярко описал известный французский историк Жюльен:

«Когда армия подошла к Карфагену, его городские ворота оказались запертыми, а крепостные стены усеяны метательными снарядами...

В течение тридцати дней объявленного перемирия народ Карфагена готовился к защите города. Предания свидетельствуют, что женщины жертвовали даже своими волосами, из которых плели веревки для катапульта. Кузнецы ковали мечи и пики. В укреплении оборонительных сооружений принимали участие старики и дети...

Первый штурм крепостной стены окончился неудачей. Войны Сципиона за двадцать дней и ночей перекрыли перешеек линией укреплений, тянувшихся от Тунисского залива, но Карфаген по-прежнему получал все необходимое с моря. Подход к гавани римляне решили преградить плотинкой, но карфагеняне открыли другой путь...».

Весной 146 года начался решительный штурм. Армия Сципиона захватила военный порт и постепенно, дом за домом, овладела нижней частью города. На следующее утро римляне подожгли город. Шесть дней и шесть ночей горел Карфаген. На седьмой день 55 тысяч горожан сдались на милость победителя, но многие предпочли смерть

позору. На глазах карфагенского полководца Гасдрубала, возглавлявшего оборону, его жена, одетая в праздничный наряд, бросилась с двумя сыновьями в огонь полыхавшего костра...

Карфаген пал. С бешеной яростью выполнили приговор Катона римские легионеры; от города остались груды развалин. Пепел развеяли ветры. Камни, из которых были сложены дома, занесли пески.

...Через две с лишним тысячи лет мы едем посмотреть на эти камни, бережно очищенные археологами от вековых наслоений.

Сразу после шумных улиц столицы автобус вырывается на пустынную равнину. Слева — Тунисское озеро. Оно мелководно. Важно, неторопливо разгуливают по нему розовые фламинго. У берега плавают утки и нырки.

В школьных учебниках истории говорится: Карфаген стоял на высоком берегу, уступом вдающимся в Средиземное море. Вот этот высокий берег, с которого открывается чудесный вид на сине-голубой морской простор. Узнаем по очертаниям уступ, описанный историками, и молча, замедлив шаг, идем к тому месту, где многие столетия назад разыгралась трагедия гордого Карфагена.

Там, где стоял Карфаген, и поныне все мертво. Пустыри на косогорах, чахлая, выжженная солнцем растительность, безлюдье. Даже туристов на удивление мало. Только море живет. Поднимешься на холм, на груды каменных плит — дух захватывает, если обернуться к нему лицом!

Вон там, где белеет парус стройной яхты, некогда бросали якоря карфагенские корабли, а позже разыгралось кровопролитное морское сражение, закончившееся гибелью города, обломки которого лежат перед нами.

Нелегкий труд ожидал здесь археологов. Тысячи тонн земли пришлось переместить, чтобы откопать редкие колонны (от большинства из них остались только основания) и полуразрушенные стены, изъеденные дождями и выщербленные ветрами, несущими сухой, колючий песок.

Колонны некогда обрамляли один из карфагенских храмов, носящий имя епископа Киприана*. Стены остались от бань, принадлежавших знатному римлянину.

---

* Храм был воздвигнут на месте казни Киприана, поборника христианской веры, обезглавленного за стойкую приверженность к ней в 258 году. 81 письмо Киприана сохранилось до наших дней. Это один из уникальных источников по истории церкви III века.

Наш гид Амади — сын тунисского адвоката, смуглолицый молодой человек с ослепительной улыбкой, подтянутый и предупредительный, — ведет нас к разрушенным аркам через заброшенный сад. В саду густые заросли кустарника, пожухлая от жары трава, низкорослые финиковые деревья. Над пахучими неведомыми нам цветами роятся мириады каких-то крохотных мотыльков.

Потом начинается кладбище: плиты с письменами, обломки саркофагов и надмогильных сооружений.

То ли археологи привели их в порядок, то ли разрушили, сметая безжалостно все, что говорило о жизни, пощадили вечный сон своих недругов, но среди карфагенских руин кладбище кажется наиболее сохранившимся уголком.

Мраморные колонны с коринфскими капителями, что поддерживали архитравы храмов Карфагена, мы вскоре увидели в городе Кайруане, а из рассказов тунисских старожиллов узнали, что остатки камней поверженного города пригодились строителям.

Плиты с высеченными на них эпитафиями и обломки саркофагов каменщики не стали трогать. Вряд ли украсили бы эти камни новые дома, портики, ступени медресе, постоянно напоминая живущим о тлении и смерти.

Из камней Бастилии делали баррикады, ими мостили площади. Обломки дворцов и храмов Карфагена помогли сложить фундаменты и стены новых домов в медине тунисской столицы. Плитам карфагенского кладбища суждено было остаться там, где они нашли свой покой, став безмолвными свидетелями прошумевших здесь кровопролитных сражений...

Может быть, так и полагалось по намеченным планам, может быть, гид Амади сам решил позаботиться о смене впечатлений, но было очень кстати сразу же после осмотра карфагенских развалин направиться в расположенное по соседству небольшое селение Сиди-Бу-Саид.

Это — живой музей, уголок старой мусульманской Испании, откуда ведут свое происхождение многие жители нынешнего Туниса.

На узких с крутыми поворотами улочках нашему автобусу не развернуться. Поэтому идем пешком, радуясь, что вокруг нас не омертвевшие камни, а жизнь — занятые своими будничными делами люди, чумазые ребяташки, которые при нашем появлении прекращают свои игры.

Пытаемся растолковать парнишке в разодранной морской тельняшке, откуда мы приехали. «Советский Союз» — не понимает. «Москва!..» — не знает такого города. И только напоминание о космосе, о Юрии Гагарине позволяет наладить контакт.

О Гагарине мальчик слышал.

Ослепительно белые аккуратные домики с голубыми крылечками и портиками. Окна с деревянными ставнями-решетками почти под самой крышей. Спрашиваем: «Почему так?».

Оказывается, и архитекторы, и строители довольно строго следуют исламским традициям, согласно которым посторонний взгляд прохожего не должен «осквернять» женщину.

Окна расположены таким образом, что туниска, находящаяся в доме, может смотреть через щели ставней на улицу, наблюдать тайком за тем, что происходит перед домом, но ее с улицы никто не видит.

Домик цирюльника. С узкого тротуара можно следить, как он священнодействует над клиентом. Брдобрей что-то оживленно рассказывает своей намыленной жертве, медленно водит бритвой. На очереди — никого...

По соседству маленькая пекарня. И тут «технология» у всех на виду. В шипящем масле на противне румянятся аппетитные, хрустящие колечки. Два усатых пекаря в белых фартуках весело и ловко орудуют над плитой — гирлянда поджаристых бубликов все увеличивается.

А в прогалинах между домами — крутые склоны, поросшие плющом, диким виноградником, и синее-синее море...

— Вы хотите искупаться? — раздается за нашими спинами голос Амади.

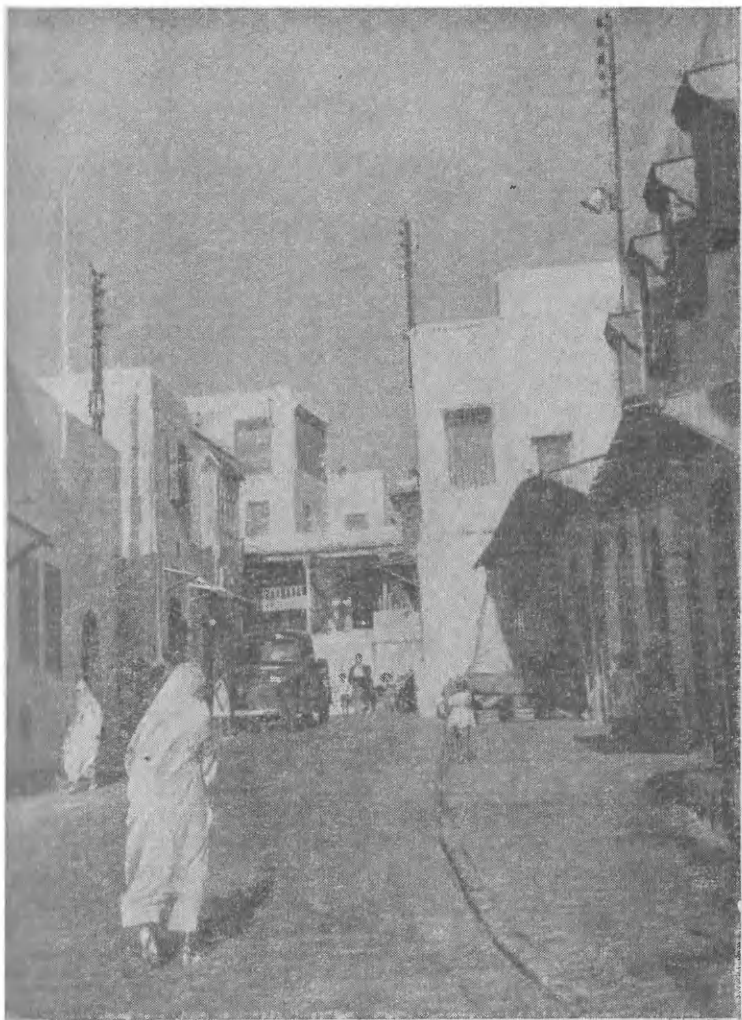
Он понимает: солнце припекает, а море, вот оно, рядом! И, не дожидаясь ответа, говорит:

— По пути в Тунис сделаем остановку. пляж тут замечательный...

...Посетив Карфаген, мы заглянули в далекую историю Туниса. Детальнее познакомиться с ней нам помогли залы Музея Бардо.

Музей называется так по имени местечка, расположенного в трех километрах от центра столицы.

Бардо печально знаменито тем, что здесь 12 мая 1881 года бей Туниса подписал договор, положивший на-

Улица Сиди-Бу-Саида — небольшого городка близ развалин Карфагена.

чало режиму французского протектората, превратившего страну в колонию. Эта церемония, граничащая с предательством родины (выражение «предатели из Бардо»

стало в стране нарицательным для изменников), происходила во дворце, где теперь размещается музей.

В моем блокноте записано: «Музей расположен во дворце бея Сиди-Мухаммеда Ламин-паши, низложенного 22 июля 1957 года. За это ему выплачивают компенсацию. Здесь двадцать залов — тронные, гаремные, кальянные...».

В музее бережно собраны национальные реликвии, произведения искусства. Двадцать залов бывшей бейской резиденции не могут вместить все экспонаты. При нас здесь шли работы: уплотнялись стеллажи и стенды, чтобы дать место новым фрескам, мозаикам, скульптурам.

Когда в Лондоне, в Британском национальном музее, оказываешься в зале Карфагена, испытываешь двойственное чувство. С одной стороны, хорошо, что англичане бережно хранят память о столь далеких страницах истории. Но тут же возникает вопрос: каким образом карфагенские реликвии оказались так далеко от Средиземного моря, на Британских островах?

И в Лувре, и в залах музея Ватикана, осматривая редчайшие собрания произведений искусства, иной раз тоже задумываешься: ведь к истории Франции или Италии некоторые из них прямого отношения не имеют. Как же попали они сюда?

Отличительная особенность Музея Бардо заключается в том, что здесь все свое, искони тунисское.

Богиня с ликом львицы, барельеф метателя копья, скульптурная группа «Бахус и пантера» — невозможно перечислить превосходные работы безвестных мастеров, которые по-своему видели окружающий их мир, людей, героев мифологии.

Музей Бардо — уникальное хранилище мозаик. Панно, узоры на полу и на стенах выполнены с большим мастерством. Поражает огромное панно, изображающее один из эпизодов странствования гомеровского Одиссея — его посещение острова Лотофагов (ныне — остров Джерба). Из сотен разноцветных керамических квадратиков создана эта картина. Время выщербило из панно отдельные кусочки. Они старательно дорисованы современными тунисскими художниками. Дорисованы столь искусно, что сразу это трудно заметить.

Увлекательные повести можно написать об отдельных экспонатах Музея Бардо.

...Буря застигла в открытом море корабль, на который несколько суток назад рабы погрузили мраморную колонну, предназначенную для украшения дворца знатного римского вельможи. Корабль затонул вместе с этим грузом. Не под римским небом, а в морской пучине нашла себе пристанище высеченная греческими ваятелями стройная колонна.

Это произошло несколько веков назад.

Чудом ли спасшийся моряк рассказал о кораблекрушении и рассказ его увековечили летописцы тех времен, или каким-то иным путем сохранилось предание о затонувшем судне, но только отыскали это место археологи, подняли с морского дна останки корабля и самой колонны.

Выщербленная, словно покрытая морщинами колонна стала тоньше, утратила свою стройность. Но мы можем провести ладонью по ее шершавой поверхности сегодня, здесь, в Музее Бардо.

Рядом — обломки затонувшего корабля. Затвердевшая словно камень деревянная обшивка, изъеденный ржавчиной и морской солью тяжелый якорь...

Есть в музее и карфагенский зал — в нем хранятся найденные при раскопках скульптуры, мозаики, одним словом — все, что языком ваятелей и зодчих может рассказать о родине Гамилькара и красавицы Саламбо, Гасдрубала и бесстрашного Ганнибала.

— Почему же французы не увезли с собой из Туниса эти редкостные реликвии? — спрашиваю я у Амади, когда мы выходим из музея.

Он вскидывает брови:

— К сожалению, они вывезли немало. И не только во Францию. Редчайшие драгоценности нашей древней страны можно увидеть и в Лондоне, в Британском музее. Реликвий Карфагена там, пожалуй, даже больше, чем здесь, в Бардо...

Напрасно я задал этот вопрос. Амади, которого мы уже привыкли видеть улыбающимся, становится серьезным и грустным.

НЕСКОЛЬКО ТУНИССКИХ ВСТРЕЧ

Как ни волновали нас памятники и произведения искусства далекой древности, хотелось познакомиться по-

ближе и с сегодняшним Тунисом. Поговорить с людьми, узнать, чем живет сейчас молодое независимое государство Магриба.

Начну со встречи, которая очень нас порадовала.

Не успели мы отъехать от аэропорта Эль-Ауина, как на разогретом горячим солнцем шоссе увидели знакомый всем нам «москвич».

Прильнув к окнам автобуса, мы следили, как плавно он катит по асфальтированной тунисской автостраде. Сидящий за рулем «москвича» молодой тунисец хотя и не понял, почему мы улыбаемся, тоже улыбнулся и приветливо помахал нам рукой...

Так в первый же день пребывания в Тунисе мы убедились в том, что между нашими странами установились деловые отношения, что мы торгуем друг с другом. Но не только развитие взаимовыгодных торговых связей сблизило страны. Советский Союз решительно поддержал стремление Туниса к национальной независимости. Об этом знают даже те, кто не умеет читать и писать. Вот почему простые тунисцы дружелюбно и гостеприимно встречают советских людей. Однако проявление подобной симпатии, как мы убедились, не всем приходится по вкусу.

— Один из представителей прессы, — сообщили нам, — просит уделить ему несколько минут. Он хочет взять интервью для своей газеты.

Встреча состоялась в нижнем холле гостиницы. Вертячий, гладко прилизанный молодой человек представился нам как сотрудник местной французской газеты. Ответы на первые общие вопросы он записывал без особого интереса. Ждем следующих. Оживляясь, журналист достает из внутреннего кармана аккуратно сложенную газету, раскладывает и разглаживает ее на низеньком полированном столике и с той же наигранной бодростью просит нас высказать свое мнение о ней.

— А чей это орган, на какого читателя газета рассчитана? — спрашиваем в свою очередь мы.

Интервьюер отвечает неохотно. Газета, мол, носит чисто информационный характер, политикой она не занимается. Чуть ли не главная ее задача — давать объективные отчеты о спортивных состязаниях.

А на первой же полбсе — бранный заголовок в адрес Кубы и Фиделя Кастро, информация о Советском Союзе, присланная из... Мюнхена.

— Ну, что вы можете сказать о нашей газете, господа? — допытывается молодой человек.

— Для того чтобы ответить, нужно по меньшей мере прочитать хотя бы один номер, — спокойно говорит кто-то из нас.

— О конечно! Я могу оставить вам газету. Но, может быть, вы все же скажете что-нибудь сейчас?

— Мы будем рады, если ваша газета сообщит своим читателям, что советские журналисты с большим интересом знакомятся с Тунисской Республикой, с трудолюбивым тунисским народом, которому они от всего сердца желают успехов в укреплении прочной национальной и экономической независимости их родины.

Корреспондент что-то бормочет, торопливо прячет блокнот и откланивается...

На другой день покупаем ради любопытства свежий номер этой газеты. Маленькая, набранная петитом информация о нашем приезде заверстана на третье полосе. Добрых слов в адрес тунисского народа мы в ней, разумеется, не находим.

А вскоре после этого состоялась встреча с нашими тунисскими коллегами, с одним из руководителей ассоциации журналистов Туниса Исмаилом Булахиа.

Своего клуба или просто комнаты для приема гостей у этого молодого союза нет. Нас проводят в кабинет редактора газеты «Аль-Амаль», в которой Исмаил Булахиа сотрудничает. Редакция помещается на третьем этаже жилого дома. В тесноватых клетушках-кабинетах уже пусто, рабочий день окончился.

Булахиа рад возможности ответить на гостеприимство, которое ему оказывали советские люди, когда в составе тунисской парламентской делегации он приезжал в СССР. Улыбаясь, Булахиа говорит отчетливо по-русски: «здравствуй», «хорошо» и «спасибо». Потом он рассказывает нам о печати Туниса, о ее роли в борьбе за национальную независимость, о трудностях, которые испытывают тунисские журналисты: не хватает помещений, квалифицированных кадров.

За окнами кабинета редактора «Аль-Амаль» давно стемнело. Душно, хотя резиновые лопасти вентилятора непрерывно вертятся. С удовольствием пьем пальмовый сок. Он густоватый, приторный, но, как ни странно, жажду утоляет.

А потом мы отыскиали в столице Туниса маленький уголок родной советской земли.

У ворот нас поджидали ребяташки — дети сотрудников советского посольства. По веселым мордашкам мы понимаем, что и они рады увидеть людей, говорящих на их родном языке.

Все здесь было замечательно, все волновало — советские журналы и газеты на столиках в холле, небольшой клуб, холодильник ЗИЛ с кувшином холодной воды...

Тунис стал независимым в 1956 году. А уже в следующем, 1957 году между СССР и молодым африканским государством было заключено торговое соглашение. После установления дипломатических отношений (в 1960 году) одновременно открылись посольства — наше в Тунисе и тунисское — в Москве.

И еще одна встреча.

На вечерних улицах оживленно. Много молодежи. Уличные кафе переполнены. Между столиками снуют проворные гарсоны. Мальчишки-чистильщики звонкими голосами зазывают прохожих. Щетки в их ловких руках мелькают с невероятной быстротой.

Чем дальше от центра, тем безлюднее. Все меньше и меньше машин. Погасли огни витрин, и от этого звезды засветились еще ярче.

Неожиданно на каменных ступеньках дома с потухшими окнами замечаем свернувшуюся калачиком маленькую фигурку. Прерываем громкую беседу, проходим мимо спящего, замедлив шаг, чтобы не потревожить сон мальчугана, не испугать его.

Эта встреча наводит на грустные мысли. Позже мы еще не раз и в Тунисе, и в Ливии увидим спящих прямо на тротуаре, в нишах, на ступенях оборванных и голодных людей, не имеющих ни работы, ни крова. Безработных в этих странах пока еще сотни тысяч... Это наследие колониального владычества.

«Когда мы добились независимости, — говорил президент Хабиб Бургиба, — мы оказались перед лицом нищеты, унаследованной от колониализма и многих веков упадка».

Спящий бездомный мальчик, которого мы увидели ночью на одной из тунисских улиц, — красноречивое подтверждение этих горьких слов.

КАЙРУАН— МЕККА ТУНИССКИХ МУСУЛЬМАН

Мекка... Перед глазами невольно возникают бредущие под палящими лучами солнца старцы с посохами. Паломники, припадающие к редким источникам, омывающие израненные ноги. Фанатики, слепо верующие, что за их страдания всемогущий Аллах простит им все прегрешения...

Раньше мы только читали о них, а в Тунисе нам удалось их увидеть.

У тунисских арабов, исповедующих ислам, есть своя Мекка. Это Кайруан.

Туда мы и держим путь, покинув на заре столицу, хотя верующих среди нас, естественно, нет.

До Кайруана 157 километров. Священный город стоит на перекрестке многих дорог. Они тянутся к нему с севера и с юга, из глубинных западных районов страны. В восточном направлении асфальтированное шоссе соединяет Кайруан с Сусом. По этой дороге мы направимся дальше, отдав дань кайруанским святыням.

Автобус ведет веселый бербер Мухаммед, рослый, широкоплечий. Ему 51 год, он истый мусульманин (ходил в Мекку!), не курит, не пьет. Приверженность к исламу не мешает ему, впрочем, то и дело с интересом поглядывать на открытку, которую мы прикрепили на ветровом стекле. На открытке — улыбающийся Юрий Гагарин и Герман Титов...

Шоссе сворачивает на юго-восток от Туниса. Минуем город Громбалля. Делаем остановку, чтобы потрогать руками огромные кактусы. Вдоль шоссе их целые заросли. Осторожно, обернув руку носовым платком, Амади срывает колючие плоды:

— Угощайтесь! Только будьте осторожны: в мякоти много тонких, почти невидимых игл, не проглотите их, это опасно!..

Пробуем. С чем их сравнить? Пожалуй, с не очень сладким, но и не кислым, пресноватым персиком.

Проезжаем Хаммамет. Здесь порт, рыбные промыслы. Шоссе долго бежит вдоль побережья. От моря веет прохладой. Недаром бывшие хозяева Туниса превратили этот уголок в «африканский рай», настроив на берегу роскошные виллы с цветниками, фонтанами, бассейнами. Дачи огорожены длинными побеленными заборами, коваными

решетками. Принадлежат они не тунисцам: здесь живут французы, американцы, англичане.

Затем шоссе постепенно уходит на юго-запад, в сторону от моря, в глубь страны. Растительности тут меньше, пейзаж однообразен: ровная, уходящая далеко к горизонту пустыня, выжженная солнцем. Десятки километров — ни одного селения. Только перед Кайруаном шоссе начинает постепенно оживляться. Автобус обгоняет торговцев, поторапливающих медлительных верблюдов. По обочинам — паломники, крестьяне, направляющиеся на кайруанский сук.

Считается, что семикратное паломничество в Кайруан заменяет правоверным один поход в Мекку. Аллах милостив. Он закрывает глаза на то, что путь при этом сокращается на сотни километров. Для грешников же — как-никак льгота!

Еще одна остановка. Амади приглашает нас осмотреть огромный каменный бассейн. Подробностей о его происхождении никто не знает. Почему он построен здесь? Кто и когда его строил? С какой целью?

Предполагают, что бассейну более тысячи лет, что возвели его во времена господства династии Аглабидов. В проспектах и на туристских картах он так и называется: «Бассейн Аглабидов».

Представьте на ровной открытой местности, в стороне от селений два каменных круга. Диаметр большего — выше ста метров, глубина — около пяти метров. По-видимому, бассейн использовали для сбора дождевой воды. По боковым трубопроводам она вытекала в отстойники. Отсюда ее можно было черпать, приподняв крышку, защищающую колодец от песка и пыли.

И вот мы в Кайруане. В городе более восьмидесяти мечетей, но рассказ следует начинать, конечно, с той, что носит имя Окбы ибн Нафи. Она величественна, монументальна. Именно к ней устремляются те паломники-мусульмане, которым не удастся добраться до Мекки.

С именем Окбы арабские историки связывают период решительного вторжения арабов на территорию нынешнего Туниса. Полководец Окба, трижды возглавлявший походы против берберских племен, достиг наибольшего успеха. Его третья экспедиция, как свидетельствуют летописцы, привела к окончательной победе: полновластными хозяевами этой части Магриба стали арабы.

Многие женщины Туниса уже не скрывают своего лица под чадрой.

В 670 году на обширной полупустынной равнине, очистив местность от диких зверей и пресмыкающихся, Окба ибн Нафи основал город Кайруан.

Историк ан-Нувейри в своих трудах цитирует изречение Окбы, которое приводится почти во всех описаниях этого древнего тунисского поселения: «Я построю город,

который будет служить оплотом ислама до окончания веков».

«Оплот» по-арабски — кайруан.

Внутреннее прямоугольное помещение мечети Сиди-Окбы весьма обширно. На каменном полу, устланном соломёнными циновками (молящиеся оставляют обувь перед входом, а от каменных плит веет холодом), в дни мусульманских праздников могут одновременно преклонить колена около семи тысяч верующих. Своды поддерживают сто восемьдесят колонн из оникса, порфира, мрамора. В глубине михраб — ниша из резного мрамора.

Под сводами полутьма — свет в мечеть проникает через семнадцать двустворчатых дверей, а для нас открыли лишь одну.

Трудно смотреть через эти врата-двери во внутренний просторный двор, вымощенный стершимися плитами, окруженный двойной галереей, которую поддерживают два ряда колонн: все вокруг бело, солнце слепит глаза.

Если выйти из центральных дверей и пересечь двор, упрусь в стройный и высокий минарет. Узкая винтовая лесенка (сто двадцать девять ступеней!) ведет на верхнюю площадку. Минарет господствует над городом и окружающей его безбрежной пустыней.

С площадки виден весь Кайруан. Внизу — плоские крыши, белые квадраты дворигов. От всего — от белых стен, белых домов, белых крыш — исходит какое-то сияние.

Кайруан — один из арабских городов, в котором нет европейской части. Здесь меина — весь город, пустынный и безлюдный в этот час: зной загнал все живое в тень, под белокаменные крыши. Вокруг ни души, только в одном из дворигов затеяли перебранку женщины. Крики долетают до самой макушки минарета, но женщин не видно: так уж хитро устроены эти дворики, что даже сверху ничего не разглядишь...

Вторая мечеть, куда нас ведет Амади, значительно меньше. Но у нее своя история, свои особенности. Именуют эту мечеть «Сиди-Сахаб», по-русски — «мечеть брадобрея пророка». Ее считают образцом декоративного арабского искусства. Славится она изяществом отделки, своими красками. Лестница из старинных фаянсовых изразцов ведет в длинный узкий дворик, окруженный галереей. На римские колонны опираются арки. Стены мечети украшены керамическими и эмалевыми мозаиками.

Выглядит она более «обжитой»: то в одном уголке, то в другом — молящиеся. Может быть, это потому, что в ней просто уютнее, чем в огромной мечети Сиди-Окба.

Через дворик проходим к святилищу. В тесной комнате, увешанной малиновыми коврами и знаменами, покоится, как говорят, гробница самого брдобрея.

Досадно, что подлинное арабское искусство соседствует здесь с дешевой мишурой позолоченных решеток, маленьких электрических лампочек — синих, красных, желтых. Но на верующих, преклоняющих колена и низко склоняющих голову перед гробницей, и лампочки эти действуют. Ведь такой иллюминации, таких красок ни в одном доме не увидишь. Даже в самом богатом.

Кайруан славится не только мечетями. Он знаменит своими коврами. Равных им по расцветке, рисункам, тщательности выработки найти трудно. Не случайно они пользуются на мировом рынке столь большим спросом.

Более двух тысяч прядильщиц и трех тысяч ткачих заняты в Кайруане ковровым производством. За год их умелые руки сплетают около 40 тысяч квадратных метров. Тонкости и секреты выделки ковров передаются из поколения в поколение. Девочки, едва научившись ходить, уже начинают помогать старшим, а подрастая, сами садятся за станки.

Есть в Кайруане специальная школа ковровщиц. В просторном темном помещении (оно мало чем отличается от сарая) установлены в ряд деревянные рамы. На них натянуты шерстяные разноцветные нити — основа. Через эту нитяную решетку, не прерывая работы, на нас поглядывают черноглазые девушки в платочках. Они сидят на низеньких скамейках плечом к плечу. Их ловкие пальцы выбирают из мотка нитку нужного цвета и почти мгновенно узелком закрепляют ее на основе. Потом другую, третью... Переплетаясь, нити постепенно образуют заданный рисунок.

Ковровщицам лет по четырнадцать-шестнадцать. Только в первые минуты они смотрят на нас недоверчиво, потом осваиваются, о чем-то переговариваются, пряча улыбки.

Одеты юные работницы бедно — на них скромные кофточки, пестрые юбки. А глаза сверкают, работа в ловких руках спорится...

— Хорошими мастерицами станут, — замечает сопровождающий нас старичок-сторож. — Стараются...

Старание девушек можно легко объяснить. Они довольны, что осваивают такую почитаемую в Тунисе профессию. Да и повезло им: желающих попасть в школу ковроткачества много. Поэтому не беда, что тесновато и мало света. Зато они приобретут специальность.

Правительство республики придает серьезное значение развитию коврового производства. Ведь это одна из статей экспорта Туниса, а каждая сотня динаров, заработанная на мировом рынке, дорога для государства.

Сук кайруанский несомненно отличается от столичного. В столице он более «цивилизованный». А здесь и товары погубее, и покупатели менее придирчивы. Корзины, пеньковые веревки, глиняные макитры. Бойкую торговлю керсином ведет сморщенный старичок в феске. Двух баранов, привязанных за рога обрывком веревки, ведет босой крестьянин. Над прилавком с разрезанными на ломти дынями и арбузами роятся жирные мухи...

В остальном кайруанский и столичный базары похожи. Та же пестрота нарядов, оживление, суета, путающиеся под ногами оборванные ребятишки. И, конечно, продавцов куда больше, чем покупателей. На улицах Кайруана редко можно встретить женщину. На сук идут с ребятишками отцы. За прилавками и за столиками небольшого кафе тоже мужчины. Мужчины играют в нарды и шашки. А женщин не видно...

В Кайруане мы не боимся заблудиться — город невелик и спланирован четко. В единственном кинотеатре (на вывеске значится — «Париж») идет какой-то египетский боевик. Вестибюль завешан старыми рекламными плакатами, засиженными мухами. У окошечка кассы — ни души.

В маленькой гостинице, рассчитанной всего на тридцать шесть постояльцев, мы не ждем никакого комфорта, хотя она и носит громкое название: «Сплендид-отель». Зато нас здесь потчуют настоящими национальными блюдами.

Как приступить к ним, не всегда ясно. Подали нам сочные жаренные в масле пирожки, похожие на чебуречки. Разрезаешь один, и на скатерть брызжет яичный желток. Это называется брик. Угощали нас жареной птицей с вареными огурцами и пахучими кореньями. Пробо-

В оазисе близ города Габес

били мы нечто вроде плова, но не из риса, а из какой-то особой крупы, похожей на саго.

Жарко ли в Кайруане? Стоял конец сентября, а термометр показывал в тени плюс 33 градуса, на пять градусов больше, чем в столице. Днем никуда не спрячешься от палящих солнечных лучей, а ночью, если прислушаешься,

доносится заунывный вой шакалов: сразу за чертой города расстилается безлюдная пустыня.

Шакалам здесь раздолье и простор...

МИР ПОД ОЛИВАМИ

Вы, очевидно, помните фильм итальянского режиссера Джузеппе де Сантиса. В нем бушевали человеческие страсти: люди любили, страдали, боролись с несправедливостью. Одного не было на крутых склонах глухой деревушки Калабрии или Сицилии, поросших оливковыми деревьями, — мира и счастья. Потому и картина называлась подчеркнуто сурово: «Нет мира под оливами».

И вот бегут, мелькают мимо нас оливковые рощи земли туниССкой. Италия отсюда близко. От крайней точки североафриканского берега до Сицилии через ТуниССкий (или Сицилийский) пролив — всего-навсего 150 километров. И оливковые деревья здесь точно такие же, как в Италии. Но чувствуют они себя тут вольготнее, хотя климат Туниса более суров. За ними ласковее ухаживают, их холят, оберегают. Потому что это государственное, национальное богатство.

«Оливковое дерево священо», — говорят туниССы. Мы поинтересовались: «Почему?».

Объяснение оказалось чрезвычайно простым. Оливковое масло горит. Оно дает свет. А огонь в древности всегда почитался как святыня.

ТуниССы очень бережно относятся не только к плодоносящим, но и к любым деревьям. Ведь они дают тень и прохладу в знойный день. А если дерево умирает, оно, сгорая, согревает холодными ночами кочевников. Когда весело пляшут огоньки костра, становится не только телу теплее, но и веселее на сердце.

Есть в Африке деревья, которые приносят человеку питательные, вкусные плоды. Кожура от плодов идет на корм скоту, ветви служат строительным материалом. А есть деревья и кормильцы, и труженики. Это эвкалипты. Они помогают людям, осушать земли, делать их плодородными.

Незадолго до нашего приезда по всему Тунису отмечался день деревьев. Это традиционный, ежегодный празд-

ник. Отличается он от других торжеств тем, что, встречая его, люди не усаживаются за стол с яствами и напитками, не надевают праздничных нарядов. Они берут заступы, оборачивают мешковиной нежные корни молодых саженцев и отправляются за «околицы» — на пустыри и поляны, к обочинам дорог. Каждый взрослый должен посадить в этот день хотя бы одно деревце.

Сколько же было высажено на этот раз? — спросили мы у Амади, проезжая молоденькую рощицу.

Около двух миллионов деревьев, — ответил тот.

Позже мы не раз еще увидим оливковые плантации и финиковые рощи. Но эта цифра — два миллиона посадок за один день! — нас потрясла.

Тунис — страна земледельческая. Сотни, тысячи лет поля, сады и плантации возделывались здесь примитивными орудиями. Тянулась по пашне соха за впряженным в нее верблюдом. Вручную ухаживали за посевами, размакивали зерно, косили траву, стригли шерсть.

Сжатую серпом пшеницу молотили на току джарушей — широкой, толстой доской из дерева, утыканной гвоздями или осколками острых камней. Джарушу иногда заменяла каррита — каменный каток, который выбивает зерна из колосьев...

Так писал Поль Себа, профессор тунисского лицея Карно, чья монография об этой стране издана в Париже в 1951 году. Много ли изменилось с той поры?

И много и мало. Древние земледельческие орудия пока можно встретить в любом уголке страны. Еще сотни тысяч гектаров пашни царапают деревянные сохи, еще низки урожаи, не освоены значительные площади. Но правительство республики уже сделало первые решительные шаги в аграрной политике, прежде всего пересмотрев сложившийся порядок владения землей.

На осенней сессии парламента в 1962 году президент Тунисской Республики Хабиб Бургиба заявил:

— Государство вмешалось в распределение и производство, с тем чтобы вести борьбу против отсталости. Без этого вмешательства произошла бы катастрофа.

К моменту ликвидации протектората в Тунисе существовали различные формы владения землей. Больше половины земли принадлежало частным собственникам, более четверти — общинам, остальная часть — мусульманским религиозным учреждениям и государству. Лучшие, самые

плодородные земли в стране захватили европейцы-колонисты, главным образом французы*. Если средний размер владения колониста составлял 385 гектаров, то на долю каждого феллаха приходилось в пятьдесят раз меньше.

В первый же год после завоевания независимости правительство ликвидировало общинные владения, затем хабусные (или вакфные), доходы с которых поступали в распоряжение мусульманского духовенства, конфисковало земли, принадлежавшие семье бея.

Сложнее обстояло дело с французскими колонистами. В 1957 году тунисское правительство выкупило у них 140 тысяч гектаров земли, в марте 1963 года — еще 150 тысяч. Обходилось это молодому государству довольно дорого, не говоря уже о том, что платило оно фактически за свои же искони тунисские земли. И вот 11 мая 1964 года Национальное собрание Туниса приняло закон о национализации остальных 350 тысяч гектаров земель, принадлежавших иностранцам.

«Тунисский народ, — писал журнал «Жён Африк», — более восьмидесяти лет эксплуатируемый колонизаторами, теперь преподал им урок, который они запомнят навсегда».

В ответ на такие решительные действия «насильников» Франция разорвала торговый договор. Экономике Тунисской Республики это нанесло ощутимый удар, но не заставило правительство пересмотреть закон: плодородные земли перешли в руки государства, а колонистам пришлось ретироваться.

Еще в начале 1962 года Национальное собрание республики утвердило первый в истории Туниса трехлетний план развития страны. По этому плану намечалось создать в стране широкую сеть сельскохозяйственных кооперативов феллахов-земледельцев. Государство предоставляло кооперативам ссуду для приобретения машин, скота, постройки домов, выдавало кредиты для покупки сортовых семян, удобрений. Ссуда погашается в течение двадцати лет. Как только кооператив рассчитается полностью с государством, его члены могут распределить между собой

---

* Земли в Тунисе они скупали за бесценок, но даже для выплаты незначительных сумм колонистам предоставлялась... двадцатилетняя рассрочка.

асмлю, машины, скот, постройки и стать самостоятельными хозяевами*.

Хозяйство в кооперативах ведется под руководством опытных агрономов. Специальные инструкторы по быту приучают людей пользоваться постельными принадлежностями, посудой. Они следят за чистотой в домах, за соблюдением элементарных санитарно-гигиенических правил.

В прошлом полунищие, безземельные арабы, многие из которых не имели даже крыши над головой, горячо поддерживают создание кооперативов.

Как-то мы проезжали мимо одного из новых кооперативных селений. Смотрим: повсюду вывешены национальные красные флаги с пятиконечной звездой и полумесяцем в белом круге. «Разве, — спрашиваем, — сегодня праздник?». «Нет, — отвечают нам. — Просто еще одна семья вселилась в только что построенный дом. А это не меньше, чем праздник!..».

Морскими путями в Тунис доставляют тракторы для сельскохозяйственных кооперативов, в том числе советские, марки «Беларусь». Правда, и тут возникает проблема: машины можно закупить, а где взять людей, умеющих управлять ими? Хотя тракторов в стране еще очень мало**, механизаторов не хватает.

Вспоминают такой случай. В кооперативе приобрели трактор. Показали наскоро одному из крестьян, как заводить машину, переключать скорости, тормозить. А через какое-то время трактор выбыл из строя. Оказалось, что заправлять трактор горючим научили, а вот, что требуется еще и масло заливать, подсказать феллаху забыли...

Серьезные планы намечены тунисским правительством и освоении новых земель. За три года предполагалось поднять 600 тысяч гектаров целины. Эти работы должны были производиться либо кооперативными хозяйствами, либо специальными управлениями по освоению земель.

---

* Летом 1965 года, накануне национального праздника Тунисской Республики — Дня победы, президент Хабиб Бургиба торжественно объявил о выполнении трехлетнего плана национального развития и подписал закон о введении в действие нового четырехлетнего плана социального и экономического развития Туниса на 1965—1968 годы.

** В 1949—1952 годах в сельском хозяйстве Туниса насчитывалось всего 6717 тракторов.

Помогают тунисцам и наши соотечественники. Вот что рассказывал Анатолий Трофимович Вознюков, руководитель группы советских специалистов, работавших в Тунисе на строительстве гидротехнических сооружений:

— В нашу задачу входило производство изысканий и составление проектов сложного гидротехнического комплекса, состоящего из четырех плотин, а также массива орошения и осушения площадью 90 тысяч гектаров. За год наша группа провела изыскания на двух водохранилищах и одновременно развернула работы на двух других.

Чтобы составить представление о масштабах советской экспедиции в Тунисе, достаточно сказать, что после завершения всех объектов, над которыми она работала, будет преобразен северный район страны. Те области, в которых почти половина плодородных земель не используется, получают главное, в чем нуждаются все районы Северной Африки, — воду.

Многие тунисцы, живущие на территории, где вела работы наша экспедиция, получили возможность трудиться. Они изучают новые для них специальности, учатся обращаться со сложными машинами.

В ходе работ крепнет дружба между советскими специалистами и рабочими и инженерами Туниса. Тунисцы с большой теплотой отзываются о наших людях и высоко ценят их братскую помощь. Вспоминается, как в небольшом городке Мензель-Бургиба во время праздничной демонстрации сотни жителей остановились около дома, где мы жили, и долго приветствовали нас...

Советские инженеры и техники почти два года вели изыскания в районе озера Ишкель, на впадающих в него реках. Подготовительные работы, необходимые для строительства гидротехнических и гидромелиоративных сооружений, были завершены на месяц раньше установленного срока.

Осенью 1964 года тунисцы тепло проводили на родину большую группу наших гидротехников и мелиораторов. Но часть из них осталась. По просьбе тунисского правительства советские геологи, топографы, буровые мастера и гидрологи должны были произвести дополнительные изыскания для составления рабочих чертежей строительства плотин и водохранилищ на реках Резала, Эль-Азас и Бен-Хасем.

Живописен второй по величине
город Туниса Сфакс.

Вплоть до 1961 года в горном районе Туниса на берегах реки Кассеб крупные французские фирмы «Коин» и «Белье» вели проектно-изыскательские работы по созданию водохранилища. Здесь предполагалось соорудить

арочную плотину и гидроэлектростанцию. Но французам не удалось довести дело до конца.

Советские инженеры из Московского института Гидропроект имени академика С. Я. Жука представили свой проект строительства гидроузла, который был одобрен и получил высокую оценку правительства Тунисской Республики.

ЧЕРЕЗ СУС В МОНАСТИР

Территория Тунисской Республики делится на крупные административно-территориальные единицы — областные вилайеты (вилайя джихавия). Центр одного из таких вилайетов — Кайруан. На востоке от него другой вилайет — Сус с одноименным центром, портовым городом. К нему мы и направились.

К кайруанским мечетям мы ехали по одной дороге, уезжаем от них — по другой. Однако разницы между ними почти нет. Если бы не дорожные указатели, отмечающие, сколько километров осталось до Суса, мы не поверили бы, что едем здесь первый раз.

И до Кайруана и после него пейзаж удивительно однообразен: пустыня и редкие островки зарослей кактуса. Лишь появление первых пальмовых рощиц говорит, что близко море. Значит, и Сус недалеко.

Так оно и оказалось. Вскоре вдоль шоссе потянулись фруктовые сады, замелькали домики. Наконец, поворот влево. Въезжаем в Сус.

Это — третий по величине тунисский город. После Кайруана и безлюдной дороги он кажется чуть ли не гигантом. Промышленный, рабочий город, город-труженик, экономический центр северной части прибрежной полосы Туниса. Этот низменный район страны именуется Сахель (по-арабски — «побережье»). Хотя здесь и не так сухо, как в Кайруане, и благодаря близости моря дыхание Сахары не столь беспощадно, однако для многих сельскохозяйственных культур и эти условия мало подходящи. Лишь оливковое дерево тут чувствует себя привольно. Не случайно в Сахеле растет около половины всех вечнозеленых олив Туниса.

Высота этих масличных деревьев колеблется от четырех до двенадцати метров. Даже низкорослые оливы —

клад для тех, кто их выращивает. В мякоти плодов — более 50 процентов не высыхающего под палящими лучами солнца оливкового (или, как его чаще называют в быту, прованского) масла.

Часть плодов консервируется: гурманы получают деликатесные маслины. Из семян готовят деревянное масло (оно находит применение в мыловаренной промышленности). Жмых идет на корм скоту, древесину используют в строительстве, а также мастерят из нее различные сувениры.

В морском порту Суса деловито разворачиваются подъемные краны, трещат лебедки. Подъезжают и отъезжают автофургоны. Отсюда в разные страны отправляются тысячи галлонов прованского масла, соленые маслины, консервированные оливки. Отплывают от причалов Суса суда и с другими дарами тунисских садов: с цитрусовыми, финиками, виноградом.

Еще в первом тысячелетии до нашей эры из этого финикийского порта уходили корабли, груженные сафьяновыми кожами и губками. Они и поныне остаются предметом тунисского экспорта, но по сравнению с оливками, высоко ценящимися на мировом рынке, их доля стала значительно меньшей.

В гавани Суса большие и малые суда, а в стороне от причалов, складов и пакгаузов на деревянных мосточках, подоткнув платя, стирают белье женщины в пестрых платках.

Центр города (европейский квартал) не менее оживлен, чем центр столицы. Здесь много магазинов, кафе, ресторанов. Матросы с французских, итальянских, немецких торговых судов, сходя на берег, устремляются сюда, чтобы «прополоскать» горло, полюбоваться пестрыми одеждами женщин, подивиться причудливым очертаниям сусского рибата*, зубцы которого четко вырисовываются на фоне голубого неба.

Рибат Суса — один из самых древних в Тунисе. Он воздвигнут в VIII веке.

...Из рук в руки переходила земля, на которой стоит нынешний Сус. Храм римлян, построенный при императоре Траяне, разрушили в IV веке вандалы. Христиане восстановили его. А через триста лет осадившие город арабы

---

* Р и б а т — крепостная сторожевая башня.

под предводительством Окбы, знакомого нам по истории Кайруана, вновь сравнивали храм с землей. Чтобы защитить город от пиратских набегов, вокруг Суса возвели прочные крепостные стены.

Реставрирован сусский рибат в 1952 году. Но уже не для того, чтобы воины-монахи несли в нем неусыпную дозорную вахту, а как достопримечательность. С того времени рибат «берут штурмом» лишь любознательные туристы.

Теперь Сус становится центром нарождающейся промышленности Туниса. В 1959 году здесь поднялись корпуса единственного в стране завода пластмассовых изделий. В цехах завода производятся полиэтиленовые мешочки для выращивания рассады, пластмассовые шланги для орошения полей, предметы домашнего обихода. Условия труда здесь значительно лучше, чем на частных капиталистических предприятиях.

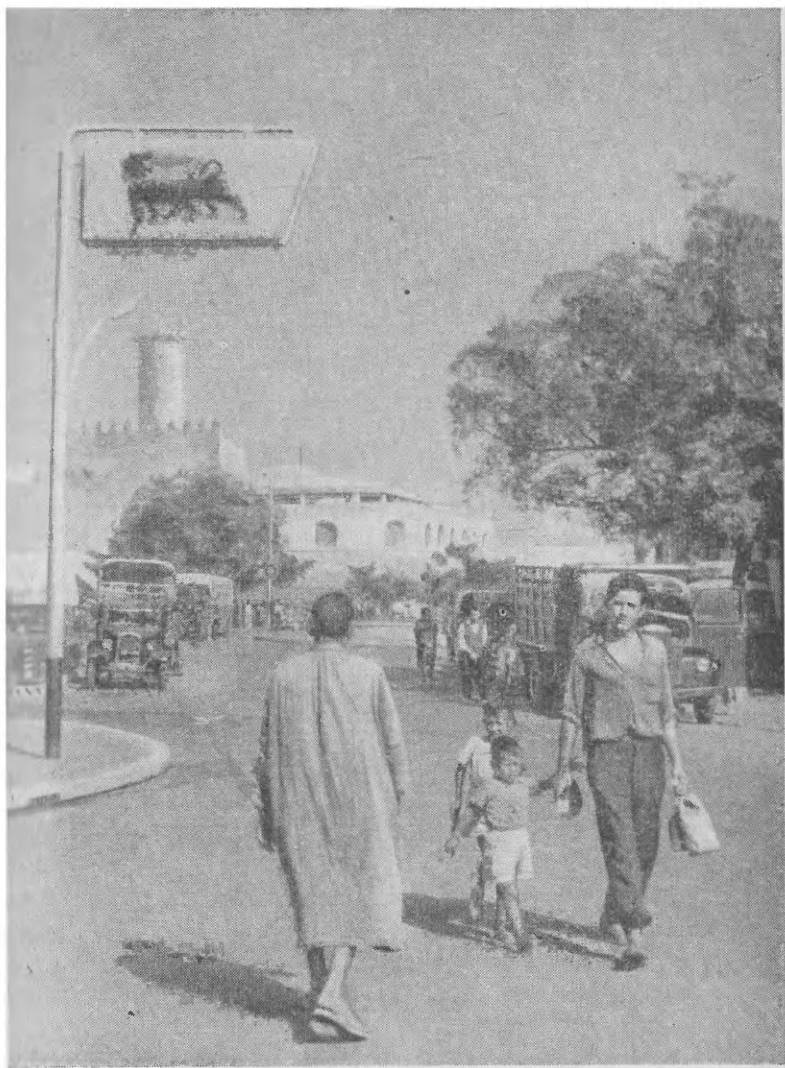
В окрестностях Суса издавна было широко распространено ремесленное ткачество. А сейчас тут развивается текстильная промышленность. Неподдалеку от города построена прядильная фабрика «Сахель» — предприятие с просторными, светлыми цехами, новейшим оборудованием, лабораториями, удобными и чистыми бытовыми помещениями. Строилась фабрика по проекту, разработанному при участии специалистов из Польской Народной Республики. Оборудование здесь тоже в значительной части польское. Но весь технический персонал свой, местный. Многие технические работники обучались и проходили практику на родственных польских предприятиях.

Строится в Сусе и крупный машиностроительный завод.

Едем дальше.

— Кроме Каср ар-Рибата, — вещают в микрофоны гиды с передних сидений туристских автобусов, — в Сусе сохранились и другие памятники древности. Это мечети Бу-Фатата и Сиди Али Аммор... Вы сможете увидеть здесь остатки финикийских крепостных стен, римские бани, дома знатных вельмож, византийские укрепления и христианские катакомбы...

...Город, куда мы направляемся, миновав Сус, носит название «Монастир». По-русски это звучит почти как «монастырь» и потому настораживает: «Опять в древность, под каменные, сумрачные своды, в суровые обители. отрешенные от мира?..»,

По дороге на кайруанский сул

Монастир — это веселый, солнечный городок на самом берегу моря, пятый порт страны. Здесь чудесный песчаный пляж и благодать для рыболовов. Прямо из номера отеля «Рибат», в котором запланирован наш очередной «привал», можно босиком, в купальных костюмах пробежать несколько метров и нырнуть в теплые волны.

Как ни велик контраст между нищетой во многих районах страны и роскошью таких отелей, его можно оправдать. Не от легкой, беспечной жизни строят тунисцы подобные комфортабельные гостиницы. Туризм — одна из существенных статей дохода в национальном бюджете. На VII съезде правящей социалистической дестуровской * партии в октябре 1964 года подчеркивалось: «Съезд считает необходимым поощрять национальное ремесленное производство и туризм».

Монастир — один из уголков страны, где резкий контраст (роскошь рядом с нищетой) особенно бросается в глаза. На первый взгляд, здесь все создано для того, чтобы блаженствовать, предаваясь полному отдохновению. А на самом деле это торговля, обыкновенная торговля природными дарами страны на валюту, на золото...

Туристский сезон окончился. Пустынны пляжи, покоятся в чехлах барабаны на эстраде казино с окнами-витражами, с балконом, откуда открывается вид на безлюдную в это время года набережную. Мало народа и в отеле «Рибат», по соседству с которым находится летняя резиденция президента Хабиба Бургибы: Монастир — его родина.

Отель расположен на окраине города. Слева — море, справа от шоссе — пустынные холмы. Под вечер мы отправляемся автобусом в сам Монастир, население которого не превышает двадцати тысяч жителей.

Есть в городе предприятия по переработке оливкового масла, развито рыболовство, жители занимаются добычей морских губок. Но Амади ведет нас не к рыбацким шаландам, а в ...экзотический ресторан-грот. Он расположен у самой воды. Соленые морские брызги долетают до столи-

---

* Дестур (арабск.) — «конституция». Партия (до 1964 г. называвшаяся Новый Дестур — ОДП) возникла в 1934 г. Она возглавила движение за национальное освобождение Туниса, а после завоевания независимости провозгласила своим курсом создание «дестуровского социализма». ОДП следует отличать от существовавшей в 1920—1956 гг. партии Старый Дестур.

ков-бочонков. С большого сачка капает вода: если захотите, сачок погрузят в море, выловят рыбу и отправят ее на кухню. Повара молниеносно приготовят из нее блюдо по нашему заказу.

Монастир — уютный приморский городок. Под пальмами — столики кафе, по тенистым аллеям прогуливаются пары. Оживленно перед входом в кинотеатр «Караван сасля».

Вечер наступает удивительно быстро — словно торопится. Нырнуло побагровевшее солнце в голубой залив Хаммамет — и сразу со всех сторон чернота обступила город. В Африке мы не первый день, но в Монастире эта смена дня и ночи, как нам показалось, происходит как-то особенно неожиданно.

Только что красным шаром рдело над морем солнце, а на небе уже появилась луна. Еще несколько минут — и луна стала ярче солнца, спрятавшегося за морской горизонт. И сразу мгла вокруг — черная, густая мгла. Только в море светится призрачное отражение луны.

Мурлыча что-то себе под нос, Мухаммед и в этой крошечной тьме уверенно ведет автобус. Не смущают его круглые повороты, когда море оказывается то слева, то справа, то опять слева. Не страшны водителю и слепящие фары малолитражек, мчащихся навстречу: дорога ему хорошо знакома.

Впереди, справа, «у самого синего моря», забелели купола. Это наша «резиденция». В соседнем дворце за оградой темно. Президент, должно быть, в столице. А в наших окнах зажигаются огни, и от этого ночь становится еще чернее.

ЭЛЬ-ДЖЕМ — СФАКС

От Монастира, продолжая путешествие по стране, движемся дальше вдоль побережья. На картах эти места сплошь покрыты зеленой краской: здесь вольготно финикам, оливам, цитрусовым.

Прежде чем выбраться на магистраль Сус — Сфакс (эта прямая 129-километровая дорога убегает на юг), минуем зеленый городок Джеммаль, поселок Зерамбик. Чем дальше от побережья, тем горячее ветер, влетающий в окна автобуса.

В Сфакс из Монастира ведет и другая прибрежная, более «прохладная» дорога — через Махдию, Ксур-Эссаф, Джебениану. Но Мухаммед не случайно выбирает «жаркую» магистраль.

Неожиданно наш автобус останавливается на пустынном голом месте. Впереди — деревянная арка, а за ней каменное кольцо амфитеатра, окружающего арену.

Это Эль-Джем. Так по имени тунисского селения называется ныне один из древних памятников — римский коллизей, постройку которого относят к III веку.

В Тунисе не раз приходят на память строки Маяковского о водопроводе, сработанном еще рабами Рима. Мы видели его на окраинах тунисской столицы. Рабами Рима создана и эта трехъярусная чаша-воронка.

Как строилась каменная машина? Сколько рук потребовалось, чтобы возвести шестьдесят аркад, расположенных друг над другом тремя рядами, обрамленными коринфскими полуколоннами и увенчанными стеной с пилястрами?

Руки двадцати тысяч рабов прорыли глубоко под землей тоннель, соединивший чашу коллизея с каменоломнями. Месяцы, годы, сгибаясь под тяжестью груза, рабы перетаскивали по нему камни, из которых постепенно складывались ярусы амфитеатра.

Коллизей Эль-Джем (древнее его название — Фисдрус, или Тисдрус) сохранился лучше, чем коллизей в Риме. По своим размерам и вместимости тунисский коллизей лишь немного уступает итальянскому. Шестьдесят тысяч зрителей одновременно могли наблюдать происходившие на арене бои гладиаторов.

Подковы рядов были некогда облицованы розовым мрамором. На специально отведенных местах восседали знатные римляне. Изредка сюда приезжал сам император. Для него устраивалось особое представление: выпущенные на арену разъяренные голодные львы терзали обреченных на смерть христиан...

Холодом веет от камней Эль-Джема. По хорошо сохранившимся ступеням поднимаемся на самый верх амфитеатра. В лабиринтах переходов к галереям и ложам легко заблудиться. Маленькими выглядят внизу фигурки торговцев коврами, поспешивших сюда, завидев автобус.

Много веков прошло с той поры, когда амфитеатр оглашали возбужденные крики римлян, рычание зверей, вопли измученных, истерзанных людей. Пуст, безлюден сегодня

каменный эллипс, возникший неожиданно перед нами на пути из Монастира в Сфакс.

«В этой стране познаешь глазами, что такое история...» — вспоминаются справедливые слова Мопассана.

По равнинным районам Сахеля от Эль-Джема до Сфакса — второго по величине тунисского города — 75 километров.

— Обязательно посетите оливковые плантации, — советуют вам, узнав, что вы направляетесь в Сфакс.

— Побродите по причалам порта. Ведь Сфакс — это наши морские ворота.

— Непременно познакомьтесь с ловцами губок. Это очень интересный промысел...

К каждому совету стоит прислушаться. Немало их в путеводителях-проспектах, где подробно описан «неповторимый облик» города.

В Сфаксе господствует отчетливо выраженный архитектурный стиль Арабского Востока. Дома и улицы современные, но по-своему. Несмотря на «молодость» построек, в них сохранены традиционные элементы восточной архитектуры: сводчатые арки, зубчатые стены и башни, резьба по камню на изящных балконах, портики и дворы, выложенные цветными керамическими плитками...

Центр оживленный, нарядный. Много цветов, зелени. Полицейскому на перекрестке приходится нелегко: потоки транспорта и пешеходов движутся непрерывно.

Из-за того что восточный облик присущ и центральной части города, здесь нет такого резкого перехода от европейских кварталов к кварталам медины.

Сфакс — узел девяти шоссежных дорог. В страдную пору сбора урожая по ним непрерывным потоком идут автофургоны с оливками. Вокруг города на десятки километров раскинулись зеленые плантации.

Пятнадцать-двадцать лет терпеливо ждет земледелец, пока посаженное остролистое деревце начнет плодоносить. Все эти годы он лелеет его, бережно окапывает, зорко следит, чтобы на нем не завелись вредители. Ведь это дерево должно и кормить и поить его.

Наиболее распространенный в Тунисе сорт оливок — шемлали. Овальные черные плоды шемлали весят в среднем по грамму и в каждом — четверть грамма масла. Всего в стране насчитывается около тридцати миллионов оливковых деревьев. Сколько же они могут дать масла!

Производством оливкового масла занято около двух тысяч предприятий. Они не похожи друг на друга и очень различны по своим размерам. Одни унаследовали от прошлых времен допотопные каменные жернова, приводимые в движение полуслепшим ослом, погоняемым по кругу, другие оснащены более современными механизмами.

Но делают они одно и то же: сначала перемалывают плоды в однородную черную массу, а затем извлекают из нее под прессом бурю маслянистую жидкость. Жидкость отстаивается, фильтруется и тягучей струей заполняет тысячи, сотни тысяч бутылок, на которые наклеиваются этикетки: «Сделано в Тунисе».

В Сфаксе и в его окрестностях несколько таких предприятий. К ним с ноября до марта из Ла Хрибы и Джебенианы, Ла Хеншы и Мензель-Шакры идет непрерывный поток фургонов и повозок, груженных плетеными корзинами, плотно набитыми оливками.

Набережная Сфакса обращена к проливу Керкенна, названному так по имени ближайшего острова. В прибрежных водах, куда не доплывают радужные нефтяные пятна от судов, стоящих у причалов, хозяйничают ловцы губок.

У них нелегкий труд. Сколько требуется сноровки, каким наметанным и зорким должен быть глаз, чтобы рассмотреть на морском дне семейство губок! Если обнаруженное сборище велико, вылавливают лишь самые крупные губки, остальные не трогают: пусть подрастут.

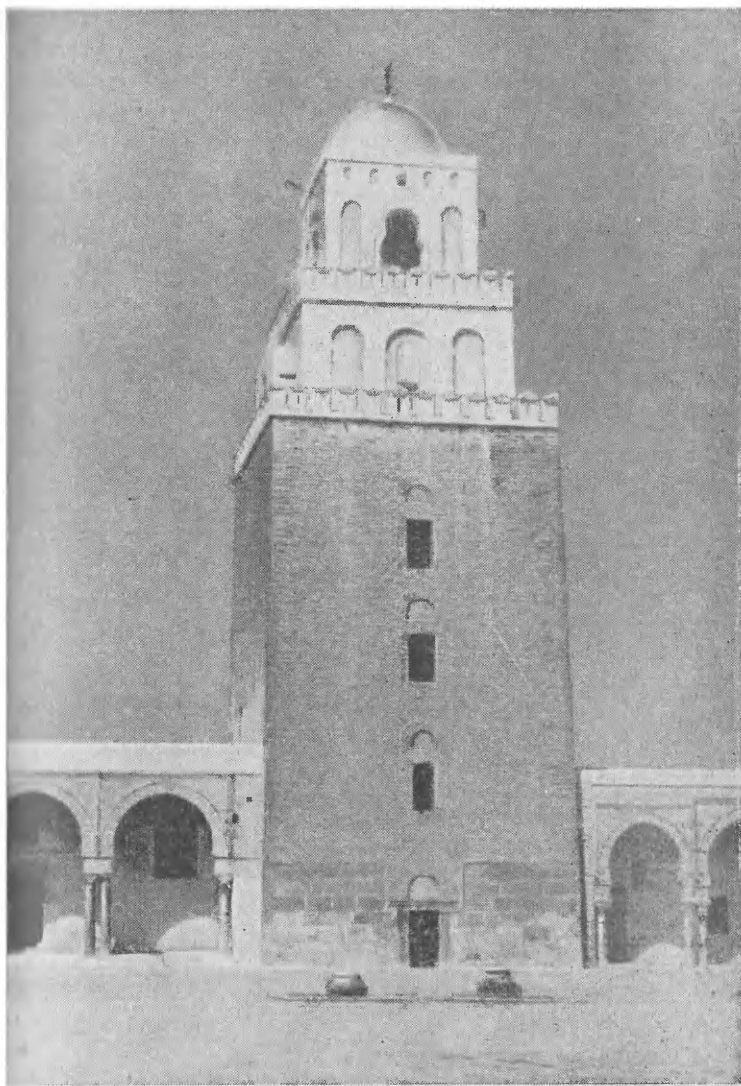
Лов ведется обычно с небольшого суденышка, экипаж которого состоит из трех-четырех человек. Их орудие — камака, острога с пятью острыми зубцами.

Есть в Сфаксе небольшой литейный завод. На окраинах города мы видели ослепительно белые соляные пирамиды: в лагунах восточного и северного побережий большие запасы соли.

Покидая Сфакс, вспоминаем напутствия. Советы пригодились. Но мы почувствовали себя неловко, когда на следующий день в Габесе нас спросили:

— Вы были в Сфаксе? Надеемся, вам успели показать ценнейшую коллекцию римских мозаик в тамошнем музее? Удалось ли вам познакомиться с химическими предприятиями — ведь суперфосфат и серная кислота вывозятся из Сфакса в разные страны...

Приходится искренне сожалеть: на все никак не хватает времени.

Минарет мечети Сиди-Окба

САХАРА РЯДОМ

Когда говорят: «Сахара» — перед глазами сразу возникают желтые пески, причудливые гребни волн-барханов, медленно плетущиеся караваны, бедуины в белых бурнусах...

Когда вы слышите: «В Сахаре...» — на память приходят разные истории и приключения, сопряженные с тяготами и бедствиями, с мужеством и отвагой.

Столетиями живут предания и легенды о Сахаре. О ней написано много книг и исследований, научных трудов и приключенческих романов. У безмолвной пустыни свои суровые законы, свои жестокие требования к человеку, который отважится вступить в ее царство. Нелегко приходится ему, даже если он вооружен самыми совершенными техническими средствами. Мощный мотор автомобиля-внедорожника может заглохнуть навсегда, когда кончится горючее (автозаправочных станций здесь не найдешь). Если сядут батареи радиостанции, а запасных в багаже не окажется, связь с внешним миром будет прервана. И тогда только чудо может спасти людей...

В городе Тунисе мы смотрели видовую кинокартину, широкоэкранную, цветную. Она была несколько однообразной. Летит над Сахарой вертолет; увидев стаю зверей, он снижается и преследует их своей тенью, шумом моторов, а затем снова поднимается, и тогда безграничное безмолвие песков становится еще более осязаемым.

Однако реакция зрителей-тунисцев на эту, казалось бы, скучную «прелюдию» к художественному фильму, ради которого, собственно, они и пришли в кино, была несколько неожиданной. В зале стояла тишина. Отчетливо слышался голос диктора, скупко комментирующего то, что происходило на экране. Напряженно следили за полетом медлительного вертолета зрители-арабы.

Где-нибудь в Соединенных Штатах или во Франции этот короткометражный фильм, очевидно, не произвел бы такого впечатления. Но здесь, в зале тунисского кинотеатра, сидели люди, которые хорошо знают, что такое пустыня и сколь опасно шутить с ней.

Чтобы представить себе облик Сахары, достаточно очутиться в одном из оазисов. Здесь можно сполна ощутить контраст между безжизненным царством песков и неожиданным, поистине райским уголком, где в тени деревьев ве-

село щебечут птицы, журчит вода, под тяжестью плодов гнутся финиковые пальмы...

Как бы парадоксально ни звучало это утверждение, оно справедливо. Даже в энциклопедическом африканском словаре написано: «Большое количество оазисов — характерная особенность Сахары».

Характерная особенность! А не просто мираж, видение усталого, измученного путника.

Мы получили возможность близко познакомиться с настоящим оазисом во время пребывания в городе Габесе.

«Территория Туниса, вытянутая в меридиональном направлении, достигает на юге пустыни Сахары», — прочитали мы в географических справочниках.

Чувствуется ли это в Габесе? По его улицам, естественно, не бредут караваны, их не засыпают самумы. Габес — порт, расположенный на берегу одноименного залива. Это конечный пункт приморской железнодорожной магистрали, шпалы которой проложены на довольно твердой почве. И все-таки близость Сахары по каким-то незаметным приметам здесь явственно ощущается.

Близость относительная, разумеется, если измерить ее километрами: пески Уэд-Бель-Хашеб, где нет ни дорог, ни селений, находятся в 80 километрах на юго-восток от Габеса.

В оазис Шенини, что за Габесом, мы отправляемся на запряженных конными парами пролетках. Чувствуем себя несколько неловко, пересекая на этом древнем виде транспорта город. Экипажи, покачиваясь на рессорах, идут цугом, растянувшись вдоль всей улицы.

Езда на лошадях не просто развлечение для туристов, а необходимость.

За чертой города асфальт кончается. Кавалькада сворачивает на узкую дорогу, по которой автобусу, действительно, не проехать.

Лошади рысцой семяют вдоль садов, протянувшихся по склонам Уэд-Габеса*. Но вскоре пролетки останавливаются: дальше не проедешь. Тропинка ведет на холм, откуда можно получше рассмотреть оазис.

---

* Уэд (арабск.) — «река». В пустынях и полупустынях так называют русла и долины временных водостоков. Берега Уэд-Габеса зеленовато-желто-розовые. Здесь тянутся буйные заросли олеандра и мирта, перемежаясь с кустами золотистого дрека.

Поднимаемся гуськом. Под ногами шуршат то ли ящерицы, то ли змейки. По обочинам — буйная сорная растительность, колючки. Идти жарко, хотя подъем не так уж крут. Зато когда взбираемся на площадку холма, оазис как на ладони.

В низине широко раскинули свои кроны с перистыми листьями финиковые пальмы. Тут же вечнозеленые оливы, гранаты, цитрусовые. На склонах пощипывает траву ослик. Меж пальм в зеленом раздолье резвятся босоногие ребятишки...

А по другую сторону холма, до самого горизонта — песчаный простор и ничего живого. Там раскаленный песок — здесь буйный растительный мир. Там — смерть, здесь — жизнь...

Габес не похож на те тунисские города, с которыми мы познакомились до него. По-провинциальному скромный, рабочий городок. В предвечерние часы его окраины многолюдны. Возвращаются домой после трудового дня портовики, железнодорожники, виноделы. Стайками в выцветших синих халатах с большими портфелями шагают из школы ребятишки. Самые маленькие, увидев нашу кавалькаду, бегут вприпрыжку рядом с пролетками, выкрикивая: «Турист! Турист! Бонжур!..», и строят нам рожицы. Школьники постарше, хотя и косят глаза в сторону экипажей, но идут с подчеркнутым равнодушием.

И снова захотелось сравнить «век нынешний и век минувший». Что писал о Габесе путешественник, отрывок из путевых заметок которого мы привели выше? Какими он увидел вот эти, возникшие перед нашим взором места в конце прошлого века?

«Оазис Габес, — читаем на пожелтевших страницах, — может считаться образчиком оазисов великой пустыни, растилающейся недалеко от ворот Габеса. Среди огромного леса финиковых пальм, на пространстве всего оазиса рассеяны многочисленные виноградники, сады, огороды, поля и целые рощи смоковниц и других цветущих плодовых деревьев. Огромные кактусы тянутся изгородями, сгораживая желтеющие поля и покрытые плодами плантации миндальных и померанцевых деревьев; вьющиеся растения местами обвивают не только ограды, но и самые жилища туземцев; лозы винограда вьются по стволам пальм, образуя вместе с другими растениями целые заросли, в которых щебечет и носится бесчисленная, пестрая птичья рать.

...Часами мы любовались жизнью, кипящей в густых зеленых зарослях Габесского оазиса. В них можно всегда натолкнуться на ядовитых змей, а под сухими чешуйками стволов финиковой пальмы, так же как в глиняных стенах мазанок, гнездятся опасные скорпионы и ядовитые пауки.

Но как ни прекрасен оазис Габеса, но и его, подобно всем другим оазисам великой пустыни, мало-помалу засыпают пески...».

В этом описании почти все совпадает с тем, что увидели и мы. А что не совпадает? Чем отличается настоящее от прошлого? Читаем дальше:

«Белый лес пальм, среди которого разбросаны группы белых домиков, окруженных фруктовыми садами и невысокими стенами, высится среди желтоватой пустыни, через которую пробивается неширокая струя Уэд-Габеса... На берегу нас встретили первые французские солдаты, и вид этих красных шаровар и синих мундиров, резко выделявшихся на желтоватом фоне песчаного побережья, подействовал на нас особенно хорошо; мы чувствовали, что, вступая теперь на почву Туниса, уже находимся под охраной могущественной Франции, а не бессильных представителей „тени Аллаха на земле...“».

Так вот на чем держалось французское владычество в Тунисе, вот как смотрели европейцы на тех, кому по праву должна была принадлежать эта земля. Далее путешественник сообщает:

«...Не мудрено, что с пришествием французов в Тунис около Габеса начал нарождаться новый промысел добывания пестро окрашенных птиц, шкурки которых уже начали вывозиться в Европу...».

Цели, которые преследовала «могущественная Франция», беря на себя «охрану» Туниса, выражена в этом скромном признании довольно ясно. Пестрые птички — и те пошли в дело, и этой статьей дохода, как видно, не пренебрегли прежние хозяева страны, считавшие себя «благодетелями».

Вспоминая поездку в Уэд-Габес, отчетливо вижу и зеленые сады оазиса Шенини, и желтоватый фон песчаного простора. Хорошо, что на этом фоне уже давным-давно не выделяются «красные шаровары и синие мундиры» французских солдат. Лишний раз убедиться в этом — большое удовольствие.

НА ОСТРОВЕ ЛОТОФАГОВ

Так назвал Гомер в своих «Странствованиях Одиссея» Джербу — небольшой остров в Средиземном море. Слово «лотофаг» связано с названием прекрасного цветка: лотос. Отведав эти цветы, спутники Одиссея, как свидетельствовал Гомер, погрузились в безмятежное сладостное забвение.

Лотосы и по сей день растут в прибрежных лагунах Джербы. Их нежной красотой любят путешественники из разных стран. Подобно гомеровским героям, они тоже испытывают удивительное состояние. Им кажется, что они очутились в каком-то волшебном царстве покоя и блаженства. И дело тут, конечно, не в одних лотосах, а во всей окружающей природе, необычайно чистом целительном воздухе, неторопливом, размеренном ритме жизни.

В том, что Джерба — один из самых привлекательных и живописных уголков Туниса, сходятся все без исключения путешественники. Такое редкое единодушие объяснить нетрудно. Джерба «завораживает» европейцев своим покоем, какой-то безмятежной тишиной.

Хотя пляж «земли лотоса» действительно превосходен, мы предпочитали спешно переодеваться, перезаряжать фото- и кинокамеры и занимать свои привычные места в автобусе. Каждый день нас ждали небольшие путешествия по острову. Небольшие потому, что площадь Джербы всего 500 с лишним квадратных километров — 25 километров от одного берега до другого. Здесь нет ни причалов, ни подъемных кранов, ни пакгаузов, не слышно гудков теплоходов и дизельэлектроходов: у побережья сушатся рыбацкие сети, иногда слышатся тихие всплески весел, шелестят камыши...

Славятся на Джербе своим искусством гончары. Особенно знаменит великолепный мастер Бен Гуль. Редкие туристы и путешественники не заглядывают в его мастерскую в местечке Геллала.

Маленький одноэтажный домик. Вдоль деревянных побеленных известью стен — образцы изделий из обыкновенной глины.

Сначала даже не верится, что она обыкновенная.

Может быть, мастерам с Джербы известен какой-то особый секрет ее приготовления, ее удивительной пластичности и вязкости?

Бен Гуль не слышит вопроса. Подпоясанный кожаным фартуком, он привычными ловкими движениями слегка нажимает на деревянную ножную педаль. Размеренно вертится каменный диск (чуть побольше, чем у кустаря-точильщика, только перевернут этот диск горизонтально).

Мягкие руки Бен Гуля прилепывают к диску глиняный бесформенный комок. Кружится вокруг оси каменная круглая подставка-столик, вертится вместе с ней глиняная масса. Бережно придерживает гончар этот скользкий комок, чтобы он не сорвался, не соскочил с круга. Легкое прикосновение рук, почти неуловимые для глаза движения пальцев заставляют глиняный комок постепенно изменять свою форму, приобретать изящные тонкие линии.

Проходит несколько минут, и глиняная масса (можно отщипнуть кусочек и убедиться, что она ничем не отличается от самой обыкновенной глины) превращается в удивительно стройный узкогорлый кувшин с изящной ручкой...

Со стороны кажется, что все это делается очень просто, что для этого вовсе не требуется какого-то особого мастерства. Нажимай себе педаль, чтобы вертелся каменный диск, и придерживай то снизу, то сверху, то посередине этот бесформенный глиняный комок.

Но истинное мастерство как раз и отличает эта кажущаяся легкость и непринужденность.

Рассказывают, что один из западногерманских фабрикантов — владелец предприятий керамических изделий — пытался заманить Бен Гуля в ФРГ, пообещав ему высокий заработок и другие блага. Но тунисский гончар с острова Джерба наотрез отказался. Ему не захотелось расставаться с родиной, его не прельстили обещанные сотни или тысячи марок.

Побывали мы на Джербе и в гостях у старого смотрителя маяка, волею судьбы всю свою жизнь привязанного к морю.

В стороне от пляжа «Сиди Маре» с его разноцветными «грибками» и шезлонгами из цветного пластика, на пустынном берегу высится сложенная из белых кирпичей круглая башня. Слева от нее — небольшой одноэтажный каменный домик с крылечком, справа — склад-сарай.

На дворе перед маяком играют ребятишки (семья у смотрителя большая). Старшие сыновья, засучив рукава, копаются в моторе старенькой автомашины, из сарая доносятся кудахтанье кур.

Амади получает от хозяина маяка разрешение: желающие могут подняться. Узкая лесенка крутым винтом ведет на самый верх башни — к сложному сооружению из зеркал-отражателей мощного дугового светильника. Блестят начищенные маховички и рукоятки, пахнет разогретым маслом.

«Одним духом» взобраться сюда невозможно. Преодолешь десять, двадцать ступенек — и уже кружится голова. Передохнув, двигаемся дальше — виток за витком по бесконечной лесенке спирали.

Наконец, достигаем площадки, узким венчиком опоясывающей вершину маяка. Она огорожена металлическими перилами. Посмотришь вниз — захватывает дух. Нам что-то кричат снизу, но голоса сюда не долетают...

Однажды на Джербе мы увидели поселение, чем-то напоминающее те времена, когда наши предки едва научились делать соломенные крыши над головой, добывать огонь и пользоваться трезубцами, охотясь за рыбой.

Перед нами — беседки-хижины без стен: четыре столба и крыша из пальмовых листьев. Вместо кроватей — сооружения из ветвей и травы, соломенные подстилки...

Казалось, что мы очутились вдруг в древнем заброшенном стойбище дикарей, тем более, что кругом не было ни души. Но тут же возникло сомнение. Как объяснить, что стойбище огорожено вполне современным забором, а у входа красуется довольно распространенное в нашем веке объявление: «Посторонним вход строго воспрещен!».

Упоминание об этом странном, на первый взгляд, поселении можно найти в описаниях многих путешественников, побывавших на Джербе. Одни склонны считать, что это вполне безобидное пристанище «дикарей», понимая под этим довольно многочисленное «племя» курортников, встречающихся и у нас в Крыму или на Кавказе, лишенных по каким-то причинам возможности пользоваться благоустроенными санаториями и гостиницами. Другие — они ближе к истине — объясняют не совсем обычные условия пребывания на таком превосходном курорте просто «чужацеством» богатых туристов: «Им, очевидно, надоел комфорт первоклассных отелей. Вот они и „оригинальничают“, поселяясь в древних хижинах...».

В действительности же на благоуханном острове Джерба за «цивилизованным» забором находят себе пристанище так называемые нудисты.

«Наш дом — наша крепость...»

Это не религиозная секта. Это не фанатики, ищущие спасения от дьявольских наваждений и соблазнов в утробном, заброшенном уголке земного шара. Это не вегетарианцы XX века, довольствующиеся вместо мяса плодами и кореньями. Это состоятельные, богатые люди, изобретающие для себя от безделья развлечения изысканные, особенные, «щекочущие нервы».

«Нудизмом» увлекаются представители аристократических кругов не какой-то одной страны, скажем, Франции, Англии или Западной Германии. У них есть свой междуна-

родный клуб. Вступающие в него независимо от гражданства, будь то мужчина или женщина, отвергают всякую одежду.

Членам «клубов обнаженных», если они живут в Европе, приходится нелегко. Попробуй продемонстрировать свою принадлежность к «нудизму», прогуливаясь по Оксфорд-стрит или Елисейским полям!

В Лондоне, правда, нашли выход. Здесь открыли несколько «специализированных» кинозалов, на экранах которых демонстрируются эротические и порнографические фильмы. Некоторые лондонские кинотеатры показывают исключительно «нудистскую» программу — своеобразный отчет о деятельности «клубов обнаженных».

Однако кинолента и экран не могут удовлетворить «нудистов». Им нужен простор. Тогда-то и выискивается удобное во всех отношениях место вроде тихого и безлюдного берега острова Джербы, где можно вволю насладиться точным соблюдением «нудистских» правил...

По свидетельству очевидцев, приезжающие в этот лагерь постояльцы оставляют за забором не только свои автомашины, но и все принадлежности туалета, которыми пользуется ныне живущее на земле человечество.

Вместо плавок выдаются набедренные повязки из пальмовых листьев. Франки, фунты стерлингов, доллары переводятся по «нудистскому» курсу в... ракушки. В ресторанах и барах этого поселения за крепкие напитки и коктейли расплачиваются не бумажными купюрами, а натуральными ракушками с присохшими к ним песчинками.

По календарю — октябрь. Пусто вокруг. «Нудисты» давно дома. Одинока и сиротлива заброшенная танцевальная веранда. Около бара — пустые ящики с посудой из-под крепких напитков, с бутылочками кока-колы. Тонкий слой песка занес пол хижин, спрятанных под непрочным покровом пожелтевших лиственных крыш...

Еще одно утро на Джербе. До завтрака выхожу за ворота отеля «Дар Фаиза» (он находится в городке Хумт-Сук). Удивительная тишина. Только песок скрипит под ногами. Солнце уже взошло, но через плотную листву старых платанов, образующих аллею, его лучи пробиваются с трудом. Иду не торопясь. Навстречу — ни души.

Но вот из одного переулочка вышел юноша в белой рубашке с портфелем в руках. Следом за ним появились еще двое. Куда они идут?

Оказывается, рядом с нашим отелем — новая школа. На школьном дворе уже собираются группками одноклассники. Прямо на ступеньках у входа в одноэтажное белое здание школы уселись трое ребят. На коленях у одного — раскрытый учебник. Мальчишки спокойно и деловито что-то обсуждают. К ним подходят другие...

Иду дальше и встречаю все новых и новых школьников. Солнце поднимается выше, скоро зазвонит звонок, приглашая юных граждан Джербы в классы...

«Там мир и счастье дарит людям море», — говорится о Джербе в одной из тунисских песен.

Густав Флобер писал об этом острове: «Воздух здесь такой сладкий, что он заставляет держаться в отдалении саму смерть».

Мальчишки, которых я видел у здания школы на платановой аллее, может быть, и не знают, что писал об их родном острове французский писатель Густав Флобер. Но мне припомнилось еще одно изречение, соединяющее воедино понятие и о воздухе, и о счастье: «Счастье, как воздух. Когда дышишь, — его не замечаешь. Но попробуй отними у человека воздух, и он сразу почувствует, какое это великое благо — дышать!..».

Ребята с Джербы полной грудью вдыхают воздух острова лотофагов: ведь бризы с моря долетают и до порога этой новой школы.

ПЛЕМЯ ГОЛУБЫХ ХАЛАТИКОВ

Голубой цвет — самый распространенный и самый почитаемый в Тунисе после белого. Это не удивительно. Он не так поглощает солнечные лучи. Он не слепит глаза, отражая эти лучи. Он успокаивает...

Голубой цвет был избран в Тунисе для школьной формы. Большинство тунисских ребятишек, которым республика дала возможность и право учиться, носят голубые халатики.

«Возможность» и «право», если они касаются образования, — слова, имеющие для тунисского народа большой и глубокий смысл.

В книгах о Тунисе часто цитируют изречение генерального резидента Франции Пейрутона: «Мы (французские

колонизаторы. — А. Ч.) не хотим иметь технических специалистов с высшим образованием, мы не хотим создавать будущих безработных... Нет более серьезной ошибки, как плодить образованных людей, чтобы затем оставлять их без места».

«Плодить» людей образованных и даже просто грамотных в стране, где колонизаторы чувствовали себя полновластными хозяевами, им не хотелось, разумеется, не из гуманных соображений. И тут словами и делами командовала чистейшая корысть.

Пейрутон произнес эту принесшую ему печальную известность тираду в феврале 1935 года. «Подтекст» ее раскрывает сухая статистика. Даже при существовавшей двадцать лет назад промышленной отсталости Туниса на одного тунисского инженера приходилось 85 французских!

В 1949 году в государственных средних учебных заведениях страны обучалось всего 2962 тунисца-мусульманина, из них лишь 186 девушек...

И вот, пересекая почти через двадцать лет страну с запада на восток, мы то и дело встречаемся со школьниками, одетыми в одинаковые голубые халатики.

Проблема народного образования, подготовки собственных кадров — одна из самых острых тунисских проблем, и решается она правительством весьма последовательно и энергично.

В Тунисе широко развернулось строительство школьных помещений. Пусть не очень приспособленных, тесноватых (при французском протекторате и таких не строили), но почти в каждом селении нам показывали школу-новостройку. Да мы и сами легко отыскивали их, обнаруживали по веселым ребячьим голосам, по голубым халатикам, мелькавшим около приземистых низких зданий.

Тунисское правительство весьма щедро выделяет средства на нужды народного образования. Цифра, которую мы приведем в подтверждение сказанного, может удивить статистиков и учителей самых цивилизованных стран мира.

Двадцать пять процентов — четвертая часть всего государственного национального бюджета — расходуется сейчас в Тунисе на просвещение!

Подобная щедрость вполне объяснима.

Если страна начинает жить самостоятельно — прояви заботу о собственных национальных кадрах, перечеркни

решительно и навсегда договоры с корыстными «покровителями» и их специалистами, которые еще вчера командовали на твоей земле, как на своей собственной.

Поскольку с режимом протектората покончено, нужно заменить инженеров, техников, специалистов с французскими паспортами, отбывающих из Туниса восвояси.

Поэтому-то тунисское правительство не жалеет средств на образование. Пусть, считает оно, как можно больше девочек и мальчиков сядут за парты. Пусть грызут они ранее недоступный для них гранит наук, учатся писать и считать! Время летит быстро — тем, кому было десять лет, когда пришла независимость, сейчас двадцать! А те, кто сейчас надел голубые халатики, не успеешь оглянуться, как станут инженерами, врачами, педагогами и строителями. Вернее, могут стать, если помочь им в этом.

Мы видели в Тунисе лаконичные кадры кинохроники: толпа детей перед сколоченной наспех из досок трибуной. Внимательно слушают они, что говорит седовласый депутат национального собрания. После митинга возникает суматоха. Из тюков вынимают школьные портфели и сумки, раздают учебники, тетрадки: «Берите, дети, берите! И учитесь хорошо!.. Эти сумки и тетради вам вручаются бесплатно. Вашим отцам и матерям ничего не придется платить за них. За них уплачены народные деньги, все расходы берет на себя государство. Оно не скупится, только учитесь старательнее!..».

И в тунисской столице, и в Кайруане, и в Сфаксе, и на Джерже, заглядывая на сук, мы видели новые если не ряды, то прилавки, которых еще двадцать лет назад невозможно было обнаружить в базарной сумятице.

Тут торгуют школьными принадлежностями. И не беда, что портфели невзрачны на вид, а учебники основательно потрепаны — отцы не проходят мимо, ребята не сводят глаз с круглых, как мячики, глобусов, с настоящих, несамодельных сумок с блестящей металлической застежкой.

Если придешь с такой сумкой в школу, разве можно не слушать учителя, болтать с соседом, смотреть безучастно в окно?..

Отцы, очевидно, угадывают мысли своих босоногих детей и решительно проходят мимо обувных рядов: босиком в школу можно прийти, а без сумки?..

И сокровища с блестящей застежкой бережно уносятся с базара домой...

Прибавилось работы в портняжных рядах. Работа вроде и не сложная, а спрос большой. Рядом по соседству открылась новая школа. И шьются из дешевой материи цвета светло-голубого тунисского неба халатики для девочек и мальчиков, которые отправятся в эту школу, будут учиться, а потом, когда вырастут, станут инженерами и пойдут на завод — его фундамент только что заложили тут же, неподалеку...

Еще несколько цифр. В 1955/56 учебном году начальную школу в Тунисе посещали всего 250 тысяч детей. Иными словами, из каждых трех за парту садился всего лишь один.

В конце 1963 года в начальных школах занимались уже 605 тысяч ребят. Сколько же пришлось за семь лет выстроить школ и классов? Но их строили и продолжают строить и в городах, и в селениях. Нам часто встречались в пути эти новые белые здания, притихшие, пока идет урок, и взбудораженные гамом, когда наступает перемена.

В таких не очень крепко сбитых одноэтажных белых домиках нет широких коридоров, как в наших школьных зданиях. И осенью, и «зимой» во время перемен ребята выходят из классов не на огороженные штакетником дворы с натянутой волейбольной сеткой, со столбами с баскетбольными «корзинами», а прямо на улицы, на проходящее рядом шоссе.

Наш автобус притормозил около одной из таких школ в минуты перемены. И тут же мы очутились в центре внимания. Десятки пар пронизательных ребячьих глаз изучали, что мы за люди и зачем пожаловали сюда. Девочки дичились, держались в стороне, а мальчишки быстро осваивались, и беда обрушивалась на тех из нас, кто протягивал кому-нибудь из тунисских школьников значок с изображением спутника или Кремлевской башни! Его тут же окружали, упрасивали, взывая к справедливости, кричали: «А мне! А мне!..».

В Сфаксе, в шумной центральной части города, запомнились чинно шагающие по тротуару девочки в голубых халатиках. Им нужно было перейти площадь. Робко остановились они у перекрестка, посматривая на светофор. Но полицейский, регулирующий движение, заметив их раньше, чем зажегся зеленый свет, решительно перекрыл движение потока машин. И голубые халатики спокойно, с достоинством пересекли оживленную улицу.

Взрослые смотрели на них с ласковой доброжелательностью. Шоферы улыбались и приветливо помакивали им, высовываясь из кабин: «Шагайте, шагайте!.. Мы можем и подождать!..».

Осенью 1964 года в Тунисской Республике за парты уселись 627 тысяч мальчиков и девочек. К этому учебному году открылось свыше девятисот новых классов, но помещений все еще не хватает...

Не хватает и своих, тунисских учителей. В 1964 году около тысячи французских педагогов продолжали вести занятия в тунисских школах, заключив частные контракты. Но постепенно их заменяют учителя, свободно говорящие по-арабски. Они лучше понимают пытливые, чуткие взгляды ребятишек. Давно ли и они вот так же тесно сидели за сколоченными наспех партами?..

Племя светло-голубых халатиков — мальчишки и девочки Тунисской Республики, племя новое, молодое — идет в наступление. В многовековой истории страны такого еще не бывало. Этому наступлению радуются все — и старики, глаза которых уже почти не различают цвета, и те, кто сам не так давно покинул стены школы.

Люди разных возрастов видят в ребятах, надевших ученические халатики цвета тунисского неба, надежду и будущее своей родины.

СЛОВО БЕРЕТ МАРИМБА...

Переезжая из города в город, осматривая памятники древности и другие достопримечательности Туниса, мы испытывали двойственное чувство. Впечатлений накопилось много, и все же чего-то недоставало.

Стало понятно, почему здесь так бережно относятся к молодым оливковым рощам, так высоко ценится мастерство ковровщиц и гончаров, строителей школьных зданий и топцов губок. Нас уже не удивляли комфортабельные отели, построенные по соседству с бедными, выложенными из грубых каменных плит домиками. Мы дружески беседовали с тунисскими журналистами, торговцами сука, мастером гончарного дела, смотрителем маяка, официальными представителями и малышами-школьниками...

Но какие-то стороны быта для нас так и оставались не-раскрытыми. Винить в этом было некого. Заранее включить в программу нашей поездки какое-нибудь народное празднество просто не было возможности. Попробуйте угадать заблаговременно, когда состоится в том или ином селении свадьба, либо другое торжество, имеющее традиционный обрядовый характер.

Но нам все-таки повезло. Как-то вечером Амади сказал:

— Вы, очевидно, никогда не бывали на арабской свадьбе. Хотите пойти?

— Конечно!..

— Тогда я постараюсь получить согласие на то, чтобы вы присутствовали на празднике. Сегодня вечером две семьи устраивают здесь свадьбу.

И Амади, вежливо поклонившись, удалился.

После ужина, когда день быстро сменяется ночью, Мухаммед занял свое место за рулем автобуса. На этот раз он повезет нас не в музей и не в древнюю мечеть, а на свадьбу.

Причудливыми, фантастическими кажутся заросли кустарника, выхваченные из крошечной тьмы лучами автомобильных фар. Сказочным великаном выглядит стог сена, похожи на богатырские щиты заборчики у домиков. А проехала автомашина — и снова чернота вокруг, таинственная, настораживающая...

Сначала нам надо отыскать дом жениха. Даже опытному Мухаммеду это удается с трудом. Он останавливается раз, другой, расспрашивает редких в этот час прохожих. Но до самого дома мы так и не смогли доехать. Жилище, где обитает семья жениха, находится в стороне от дороги. Гуськом следуем за Амади. Он легко ориентируется и тут, в закоулках между огороженными изгородью белыми домиками.

Довольно просторный двор (жених, как говорят, из богатой семьи) тускло освещен фонарями. Безмолвные фигурки любопытных ребятишек, сидящих на корточках, суetyающиеся силуэты — тени взрослых. Навстречу нам, явно смущенный, выходит молодой человек в белом почти до пят одеянии. Он не знает, как выразить свою радость. Ведь это столь приятная для него неожиданность: гости из далекого Советского Союза сочли возможным посетить его в такой торжественный и радостный день!..

Жених готовится в доме родителей к встрече со своей суженой. Заглядывают сюда, давая советы и наставления, близкие и дальние родственники, соседи. Невеста в это время томится в «неведении» в родном доме.

Амади хорошо известны все тонкости свадебного обряда, и он ведет нас прежде всего именно в дом жениха.

Честно говоря, мы не знаем, что в подобных случаях полагается делать гостям. Поступаем так, как действовали бы и на свадьбе наших соотечественников. Произносим обычные слова поздравлений и пожеланий, вручаем юноше один из московских сувениров. Принимая его, жених горячо и искренне благодарит нас, улыбается, с поклоном пожимает всем по очереди руки.

Некоторое время после этого задерживаемся во дворе: для нас заботливо выносят все имеющиеся в доме скамейки. Затем, по сигналу Амади, неторопливо выбираемся к автобусу.

Теперь надо поздравить невесту.

Мухаммеду опять приходится тормозить за несколько кварталов от дома. Но расспрашивать прохожих, где находится этот дом, нет никакой нужды. К нему тянутся чуть ли не все окрестные жители.

Основное торжество, опять же, по неписаным, но невыблемым традициям, разворачивается во дворе дома невесты.

Тут гораздо светлее. Можно разглядеть многочисленных гостей-зрителей, расположившихся в несколько рядов вдоль ограды дворика. Здесь заранее расставлены низенькие скамейки.

Соседям и просто зевакам, которые пришли в этот темный сентябрьский вечер поглядеть еще на одну свадьбу в родном селении, хозяева и организаторы праздника скучать не дают. Пока в доме обряжают невесту, а жених суетится и волнуется за несколько километров отсюда, гости слушают музыку, смотрят танцы, посмеиваются над шуточками остролова — свадебного заводилы.

Эта ответственная роль поручается далеко не всякому. Тут требуется неистощимый запас энергии, острословия и просто незаурядная физическая выносливость.

Несмотря на свою солидность и тучность — широкий нестрый пояс обтягивает могучую талию, бронзовое полное лицо лоснится — «заводила» весьма подвижен. Послушно двигаются за ним по кругу, подыгрывая в такт его под-

прыгиваниям, музыканты. Тоже изрядно утомившиеся, они тем не менее честно стараются отработать свой хлеб. А распорядитель (по всей вероятности, неизменный, «штатный», без которого не обходится ни одна свадьба), даже не глядя на них, дирижирует. Выкрикивая хриловатым голосом свои шутки-прибаутки, он движется вдоль рядов зрителей. Там, где этот толстяк останавливается (продолжая, впрочем, пританцовывать и дирижировать), раздается взрыв смеха, слышатся возгласы одобрения.

Около нас он задерживается дольше обычного, энергичнее командует оркестрантами, не поворачиваясь к ним, старательнее топчет запыленными босыми ногами.

Мы дружно аплодируем ему, одобрительно покачиваем головами в такт барабанам и флейте. Заводиле это приятно. Улыбка на его лице расплывается все шире.

Когда он продвигается дальше, наших женщин приглашают посетить дом, навестить невесту. Мужчины остаются во дворе: нам входить в дом невесты или хотя бы взглянуть на нее строго-настрого запрещается.

Приходится довольствоваться личным знакомством с одним женихом.

Женщины направляются к крылечку и скрываются внутри дома. Впечатление у них от этого визита осталось довольно тягостное. Изолированную от окружающих, измученную приготовлениями к обряду девушку они нашли сидящей перед тускловатым зеркалом, бледную как смерть, почти в полуобморочном состоянии. Ее наряжали, украшали, хлопотали вокруг нее, а она даже не шевелилась.

Когда ей сказали: «Тебя пришли поздравить твои сестры из далекой страны — Советского Союза...», невеста на какое-то мгновение приоткрыла сомкнутые веки, хотя ей запрещено в этот день смотреть на кого-либо из окружающих (она откроет глаза только тогда, когда встретится с женихом), и подобие улыбки появилось на ее губах. Наши женщины поставили перед ней на столик красную коробочку — духи «Красная Москва». Невеста еще раз улыбнулась, кивнула головой в знак благодарности и снова закрыла глаза.

— Сколько лет невесте? — поинтересовались мы.

— Восемнадцать.

— Она уже окончила школу?

— Она неграмотна, — последовал ответ.

А перед домом продолжалось буйное веселье. Толстяк-

затейник по-прежнему шлепал босыми ногами по пыльному квадрату двора в такт грохочущему там-таму. Зрители все так же одобрительно отвечали на его шутки.

Близилась ночь. Пройдет еще немного времени, и в раскрытые ворота введут разукрашенного верблюда. Юноша поможет своей невесте взобраться в притороченный к горбам верблюда шатер и под приветственные крики всех присутствующих на свадьбе увезет девушку из родного дома к себе. Увезет навсегда.

Выходим со двора в еще более погустевшую черноту. Мухаммед включает фары, и сразу же на яркий свет слетается мошкара. Она вьется, кружится в лучах. Прижимаясь к заборам, прикрывая глаза рукой, тунисцы дают дорогу нашему автобусу.

В «Альджазире» все давно спят. Шелестят за окнами отеля набегающие на песок волны Средиземного моря. А в ушах еще слышится дробный стук барабана, пронзительный свист флейты...

Вспоминается и другой вечер, и слышится музыка, похожая на ту, что звучала на свадебном торжестве.

В Кайруане нас пригласили на концерт самодеятельных исполнителей народных плясок. Выступали они на небольшой открытой площадке, на плотно утрамбованной земле. Справа от нас сидели музыканты. Играли они старательно, с каким-то самозабвением: два барабанщика, флейтист и еще один музыкант — инструмент, на котором он играл, сделан из высушенных тыкв и носит красивое название — маримба.

Танцы произвели на нас большое впечатление. Сначала плавные, медленные, с покачиванием и вращением бедер, потом все быстрее, быстрее и, наконец, вихревые, почти исступленные, но сохраняющие тот же рисунок.

В репертуаре самодеятельных кайруанских танцоров некоторые номера — синтез хореографии, акробатики и жонглирования. Танцоры словно соревнуются друг с другом, внося в один и тот же танец что-то свое. Лучше это удастся опытным плясунам — их тут, видно, хорошо знают и встречают одобрительными возгласами. Стараются не отставать от них и совсем юные, начинающие танцоры.

Но вот на площадку выходит араб, возраст которого сразу определить трудно. Лицо в морщинах, но он подвижен, упруг, ловок. Выступление его недаром приберегают

к концу. Он пускается в пляс с установленным на голове узкогорлым кувшином. Один круг, второй, третий, резкие повороты, плавные приседания, а кувшин словно приклеился, не шелохнется...

Шумными аплодисментами награждают танцора-виртуоза. А у него в запасе, оказывается, еще более сложный номер. На голову водружается кальянный самоварчик, не бутафорский — дымящийся. И снова под аккомпанемент барабанов, флейты, маримбы демонстрируется затейливая пляска. Кальян едва покачивается, движения танцора уверенны, четки.

Самодельный концерт заканчивается массовой пляской — на площадку выходят все участники. Они движутся по кругу, приближаются к нам и настойчиво приглашают наших женщин принять участие в общем веселье. Как тут отказаться? Может, и не по всем правилам, но старательно, присматриваясь к партнерам, они выделывают вслед за ними те же необычные па.

Кайруанцы восторженно бьют в ладоши, подбадривают. На их лицах широкие улыбки. А барабаны бьют чаще, чаще, темп пляски все ускоряется...

Пусть грохочут и здесь, в Кайруане, и над всей тунисской землей не ружейные залпы, не пушечные выстрелы, а дарбуки* и там-тамы. Это хорошо, что гости из далекой страны не чуждаются непривычной для них музыки, незнакомых для них плясок. Это хорошо, что сегодня вместе с арабами из древнего Кайруана они танцуют так весело! И пусть говорит, пусть поет маримба!..

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ГОСПОДИН МОЛЬЕР!..

В столице, кроме ярких рекламных киноплакатов, мы видели скромные афиши городского театра. До завоевания независимости своих национальных театров здесь никогда не было. Гастролировала лишь одна профессиональная французская труппа. И ставила она, естественно, французские пьесы.

---

* Д а р б у к а — род бубна.

Смотрели их также преимущественно французы.

— Теперь же, — рассказывает директор тунисского Дома культуры Рафик Саид, — у нас работают две профессиональные национальные труппы — при городском театре и радио Туниса. Эти молодые коллективы успели завоевать популярность. Большим успехом у зрителей пользуется пьеса «Хади Клүф». Спектакль «Калигула» в постановке известного тунисского актера Бенайеда успешно прошел не только на национальной сцене, но и в парижском «Театре наций».

Деятели искусств Туниса стремятся сделать театр доступным народу. В 1963—1964 годах в стране открылось несколько клубов и залов, которые используются для театральных постановок. Ставят их главным образом любительские коллективы учебных заведений.

— А всего в стране, — сообщил Рафик Саид, — действуют уже более десяти любительских театральных трупп. Одна из них создана при нашем Доме культуры. Она поставила «Юбилей» А. П. Чехова. Спектакль с большим успехом прошел в столице, а затем был показан и в других городах страны.

Весной 1964 года в Тунисе проводилась первая в истории культурной жизни страны Неделя театра. Профессиональные и любительские коллективы ставили спектакли, искусствоведы читали лекции по истории театрального искусства, рассказывали о творчестве виднейших драматургов.

У энтузиастов распространения в народе театрального искусства много трудностей. Одна из серьезных помех состоит в том, что пьесы, как правило, пишутся на французском или литературном арабском языке. Основная же масса населения не знает ни того, ни другого и говорит на диалекте. Государство поощряет драматургов, пытающихся создавать пьесы на языке, понятном народу, и на темы, взятые из жизни народа.

Иногда приходится «пускаться на хитрости». Действие комедии Мольера «Школа жен» постановщики тунисского Национального театра перенесли... в Тунис, в городок Сиди Бу-Саид. Персонажам знаменитой мольеровской комедии дали арабские имена, и диалог они ведут на местном диалекте...

Знакомы ли тунисцы с литературой и искусством Советской страны?

Культурные связи между Тунисской Республикой и СССР развиваются успешно. В ноябре 1963 года здесь была проведена неделя советской культуры. На выставке демонстрировались книги, фотографии, репродукции с картин советских художников. С огромным успехом в дни недели выступил в Национальном театре тунисской столицы, а затем в Сусе и Сфаксе прославленный коллектив нашей «Березки».

А через год, в ноябре 1964 года, жители столицы Туниса бурно аплодировали ансамблю танца Советской Армении. «Армянские песни и танцы импонируют тунисцам, поскольку они своей музыкальностью и ритмом во многом напоминают тунисские народные танцы и песни», — заявил генеральный директор информационного агентства ТАП Мухаммед Сгаль.

В последние годы тунисские газеты и журналы все чаще публикуют информацию о культурной жизни СССР, а также помещают на своих страницах переводы произведений советских писателей. Например, популярный в стране журнал «Фаиза» и газета «Ас-Сабах» напечатали на арабском языке рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека». Газеты познакомили тунисцев с романом Алексея Толстого «Петр Первый», с «Тарасом Бульбой» Гоголя.

В одном из октябрьских номеров 1964 года журнала «Фаиза» появилась знакомая нам фамилия: «Валентина Николаева-Терешкова». Журнал напечатал ее рассказ «Вселенная — открытый океан»...

Большой интерес проявляет тунисская общественность, интеллигенция страны к советскому киноискусству. В январе — феврале 1965 года в течение нескольких недель на экранах кинотеатров столицы Туниса демонстрировались наши фильмы: «Сорок первый», «Оптимистическая трагедия», «Судьба человека». С успехом прошел здесь широкоэкранный фильм «Повесть пламенных лет».

«Совершенство и правдивость», — так оценил в своем выступлении по радио советское киноискусство тунисский критик Хамади Бен Мабрук.

Летом 1965 года в одном из лучших кинотеатров тунисской столицы — «Глоб» открылась неделя советских фильмов. На экранах двенадцати тунисских кинотеатров демонстрировались фильмы: «Живые и мертвые», «Тихий Дон», «Девчата», «Я шагаю по Москве», «Гамлет», «Девять дней одного года», «Чистое небо»...

А почти одновременно на экранах кинотеатров СССР шел цветной фильм «Страна древней культуры», рассказывающий о богатейшем культурном наследии Тунисской Республики, о раскопках древнейших городов страны — Карфагена, Утики, Дугги... Снял этот фильм народный артист Грузинской ССР Георгий Асатиани, тот самый, с которым мы встретились, ступив на землю Туниса...

Национальная кинематография в Тунисе только-только зарождается. Киностудия выпускает главным образом короткометражные документальные фильмы: о первых сельскохозяйственных кооперативах, о памятниках древней культуры, о национальных ремеслах, традициях, обычаях...

Мне довелось, например, увидеть цветную короткометражную картину об арабской свадьбе. Надо сказать, что изображена эта свадьба куда более пышно и торжественно, нежели та, на которой мы благодаря нашему гиду Амади присутствовали.

Тунисским кинематографистам большую помощь оказывают работники кино Социалистической Чехословакии. В 1964 году они совместно с тунисскими коллегами поставили документальные фильмы: «Под знаком Нептуна», «Сокровища Махди», а также фильм «Остров Гомера», во всем своем величии запечатлевший уже знакомую нам красавицу-Джербу.

ДОРОГА

Наш путь из Туниса в Ливию совпадал с маршрутом знаменитых чехословацких путешественников Иржи Ганзелки и Мирослава Зикмунда, назвавших свою трехтомную книгу о странствиях по Африке удивительно точно: «Африка грез и действительности».

«Африка грез» — это то, о чем много лет назад, будучи мальчишками и девчонками, многие из нас мечтали, зачитываясь тоненькими, опечатанными на серой бумаге выпусками журнала «Вокруг света».

«Африка действительности» — это то, что мы увидели своими глазами, став взрослыми и научившись отличать реальность от экзотических приукрашиваний.

«Автомобилиста, покидающего Тунис в восточном направлении, — писали Ганзелка и Зикмунд, — из города на прибрежное шоссе выведет сияющий белизной трехметровый указатель с надписями:

„Сфакс — 269 километров;
Триполи — 761 километр;
Каир — 3086 километров“».

Что такое по нашим представлениям 761 километр, отделяющий столицу Туниса от столицы Ливии? Всего лишь на сто километров больше, чем от Москвы до Ленинграда, почти столько же, сколько от Киева или Минска до Москвы...

Сфакс остался позади, Габес тоже. Значит, Ливия уже близко.

С острова Джербы, соединенного с материком узкой насыпной дамбой протяженностью 7 километров, уезжаем ранним утром. Солнце еще прячется где-то за морским горизонтом. В туманной дымке очертания прибрежной шоссейной дороги, обрамленной пальмами, силуэты белых куполов нашей гостиницы.

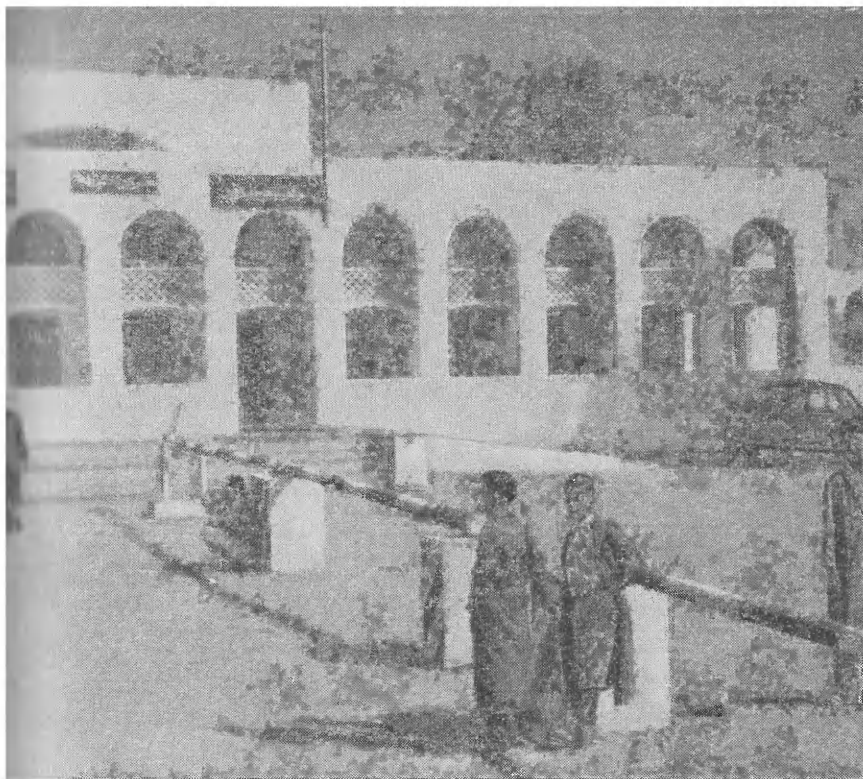
Вот и полоска дамбы. Прощаемся с Джербой, любимемся спокойной розовато-синей гладью воды.

Но так бывает не всегда. Рассказывают: подует с моря порывистый ветер, пригонит на дамбу пенистые волны, и автобус мчит прямо по воде, вздымая фонтаны брызг и облака водяной пыли...

Мухаммед, сдвинув поглубже с затылка на лоб фуражку с черным лакированным козырьком, уверенно сворачивает на дорогу. Это уже материк. Шоссе ведет к границе с Ливией.

Но и на материке тихо. Мотор автобуса поет свою привычную песню, убаюкивает, успокаивает. А бывает иначе. Вслед за нами, примерно через месяц, этот же путь проделала другая группа советских путешественников. Им пришлось труднее: машина продвигалась медленно. Сильный ветер нес песок — мелкий, сухой, въедливый. Он пробивался во все щели автобуса, лез в глаза, скрипел на зубках. Из-за песчаных заносов на дороге возникли заторы. Как у нас где-нибудь на Алтае переметает дороги снежная поземка, так и здесь пески Сахары, поднятые порывистым ветром, засыпают полотно шоссейной магистрали, заставляют шоферов притормаживать и двигаться медленно, едва обгоняя редких путников-арабов, закутанных до самых глаз. Они то и дело, останавливаются, подставляя колючему ветру спину, и снова идут вперед, низко наклонив голову...

На дорогах Северной Африки свои ветры.

На тунисско-ливийской границе.

Весной из Сахары дует знойный ветер «гибли» (в Египте его называют «хамсин»). Он приносит тонкую песчаную пыль. Когда ветер стихает, ее слой оседает на 4—6 миллиметров. Нелегко приходится всему живому, когда дует «гибли». Песок раскален, он подогревает поток воздуха. И тогда температура даже в тени поднимается до плюс 50 градусов Цельсия. Пыль проникает в поры кожи, и она трескается. Рот сохнет. Человек испытывает нервное возбуждение, головную боль, головокружение.

Этот ветер ускоряет созревание фиников*, но часто оказывается губительным для посевов.

---

* Арабская пословица гласит: «Финиковая пальма должна иметь ноги в воде и голову в огне».

Нас «гибли» не тронул. Было начало октября, стояли погожие дни.

Последние километры, и впереди показывается граница Ливии. Тунисские пограничники взяли наши паспорта, чтобы сделать необходимые отметки. Прячемся от палящего солнца в тени небольшого павильона напротив белого здания пограничной комендатуры.

Солнце поднимается все выше и выше. Облокотившись на полосатый пограничный шлагбаум, нас с любопытством рассматривают чернокожие ребяташки в потрепанных, выцветших халатиках. Наконец из комендатуры выходят пограничники. За руль автобуса усаживается новый шофер.

На прощание Мухаммед фотографируется с нами, пожимает каждому руку, не совсем точно повторяя на русском языке приветствие, усвоенное им за время нашей совместной поездки: «Бодрое (вместо «доброе») утро!».

Он машет нам рукой, пока автобус, миновав полосатый шлагбаум, выезжает на дорогу и набирает скорость.

И вот государственная граница позади. Мы на территории Ливии. Здесь те же оливы с серебристой листвой и толстыми узловатыми стволами, те же гигантские колючие кактусы, те же пески и солончаки, то же не требующее ухода дикорастущее богатство: куда ни погляди — колышется, шелестит на ветру похожая на наш ковыль трава альфа (эспарто).

В Тунисе ее густые пучки можно встретить всюду, особенно в степных районах. Альфа пригодна для многих целей. Она служит кормом для неприхотливых верблюдов. Из нее плетут корзины, туфли, бечевки. Но главным образом ее применяют для производства бумаги, искусственного шелка, заменителей кожи. Бумага из альфы ценится очень высоко. Англичане, например, даже печатают на ней денежные знаки.

Зеленую массу альфы выдергивают и пучками складывают для просушки (обычно занимаются этим женщины). Затем пучки прессуют и небольшими тюками отправляют в порт.

Иногда альфу предварительно обрабатывают на месте. Искрошенные на мелкие кусочки стебли подвергаются химическому воздействию. Полученную массу выбеливают и прессуют в круглые лепешки с ладонь величиной. Они-то и служат полуфабрикатом для бумагоделательных фабрик.

Все это мы узнали еще в Тунисе. А в Ливии вновь увидели альфу.

Иногда попадаются вдоль дороги невысокие акации, деревья без листвы — тамариски (или тамариксы). Поодаль от шоссе выискивают себе корм верблюды.

А вот и финиковая пальма. Точно так же как в Тунисе, ливийские арабы ценят и почитают ее. Высота финиковой пальмы достигает 20 метров. Увенчанная шапкой больших перистых листьев длиной до 3 метров, она дает феллаху и пищу*, и строительный материал, и тень для утомленных путников, и спасительную прохладу для посевов. Дары ее используются почти без остатка, даже косточки от фиников не пропадают. Растиолченные и поджаренные, они заменяют беднякам дорогой ароматный кофе.

Существует такая арабская легенда.

Когда бог вылепил тело Адама, подобное своему телу, на руках его осталось немного глины. Подумав, он раскатал ее меж пальцев и сделал ствол пальмы...

Недаром арабы, когда им необходимо срубить дерево, говорят не «срубить», а «убить» пальму.

На семисоткилометровом пути от тунисской столицы до Триполи нам часто встречались приметы, общие для всей Северной Африки.

Вот по шоссе, прижимаясь к самому его краю, движется небольшой обоз: навьюченного верблюда ведет за узду шагающий рядом араб, позади женщина, бедно одетые ребята. Погонщик с двумя верблюдами идет по асфальту городской улицы. Они приближаются к знакомому всем автомобилистам столбику со знаком «Р» — стоянка. Из глубин земных недр верблюд вытягивает бадью с драгоценной водой...

...Первым ливийским городом, в котором мы сделали остановку, была Зуара (примерно 15 тысяч жителей). Здесь нам предстояло выполнить погранично-полицейские формальности, получить окончательное разрешение на въезд в Триполи.

В полицейской карточке, которую каждому из нас предстояло заполнить, есть графа: «Ваше вероисповедание».

---

* С двадцатилетнего возраста одна финиковая пальма дает до 100—250 килограммов фиников в год и до 10 литров сока «лагби» в день.

Что писать?

Кто-то с легким сердцем поставил против этой графы решительный прочерк. Остальные последовали его примеру.

Когда первый паспорт с заполненной карточкой оказался перед сержантом-пограничником, тот, вместо того чтобы поставить печать, заколебался. Потом протянул владельцу обратно и паспорт, и анкету и начал что-то горячо доказывать по-арабски. Мы ничего не поняли из его объяснений и заволновались. Со вторым паспортом повторилось то же самое.

Однако вскоре все выяснилось. Пограничники просто-напросто не понимали, как может человек, умеющий читать и писать, не иметь никакого вероисповедания?

Не знаю, как удалось внести ясность в этот вопрос и объяснить, что означает прочерк в анкете. Но в конце концов застучали штемпеля и оформленные «краснокожие» паспорта с гербом СССР вернулись в наши руки.

От границы через Зуару до Триполи путь проходит по территории одной из бывших трех провинций Ливии — Триполитании*.

Площадь Ливии во много раз больше площади Туниса. Но 98 процентов ее просторов занимают необитаемые пустыни и полупустыни (в Ливии на квадратный километр приходится менее одного человека). И люди, какими бы они ни были выносливыми и закаленными, не в силах подчинить своей власти пустыню, обжить ее, напоить влагой.

Поэтому столь неравномерна плотность населения в различных частях страны. Прежняя провинция Триполитания занимала 260 тысяч квадратных километров. Это менее пятой части всей Ливии. Но здесь, на узкой приморской полосе оазисов от Зуары до Мисураты, сосредоточено 60 процентов населения страны.

Такая неравномерность легко объяснима. Оазисы спасают людей от голодной смерти. Хотя промышленность в Ливии развита очень слабо, тут легче найти хоть какую-нибудь работу. Большинство предприятий, подчас крохотных (достаточно сказать, что 90 процентов из них насчитывают всего-навсего до пяти человек), сосредоточено

---

* До апреля 1963 года страна делилась на три провинции — Триполитанию, Киренаику и Феццан. После государственной реформы Ливия стала единым государством, а не федерацией, как прежде.

именно в районе Триполитании. На севере этой части страны находятся лучшие земли. Правда, и поныне значительная их часть все еще принадлежит итальянским колонистам, которые ведут капиталистическое хозяйство, используя дешевую рабочую силу батраков*.

АРАБСКАЯ ФАТА-МОРГАНА

В книге «Некоторые сведения о Ливии», которую написал владелец газеты «Иль джорнале де Триполи» Мухаммед Мурабет, есть такие строки: «Немногие города мира имеют более живописный вид, чем тот, который открывается взору путешественника, приближающегося к Триполи со стороны моря...».

В красочном, иллюстрированном цветными фотографиями проспекте прелести и красоты Триполитании описываются возвышенно и поэтично. В итальянском варианте проспекта говорится, например, следующее:

«Не только сладость от ласкающего взор пейзажа и мягкого морского климата, от очарования, возникшего среди пустыни оазиса...

...Не только ясный блеск сияющих мечетей, разнообразие и пестроту музеев, величественную зону археологических памятников...

...Не только комфорт современного цивилизованного города, с его стадионами и развлечениями...

Но все это вместе предлагают вам *Триполи и Триполитания*».

В конце приводятся стихи безымянного поэта времен далекой древности. Они звучат примерно так:

Тот, кто увидел пустыни лик,
Кому родина милая снится,
На всю жизнь мечту сохранит:
Лишь бы снова сюда возвратиться!..

Правда, на оборотной стороне этой глянцевой рекламы содержалась весьма прозаическая информация о том, сколько можно ввезти в страну табачных изделий (мак-

---

* Ливийцы получили по мирному договору 1947 года лишь те земли, которые принадлежали итальянскому государству или фашистской партии. Земли, принадлежавшие итальянским колонистам, в основном так и остались за ними.

симум — 200 граммов!), сколько летных часов от Триполи до Нью-Йорка (с посадкой в Милане и Риме), до Амстердама, Дамаска, Парижа...

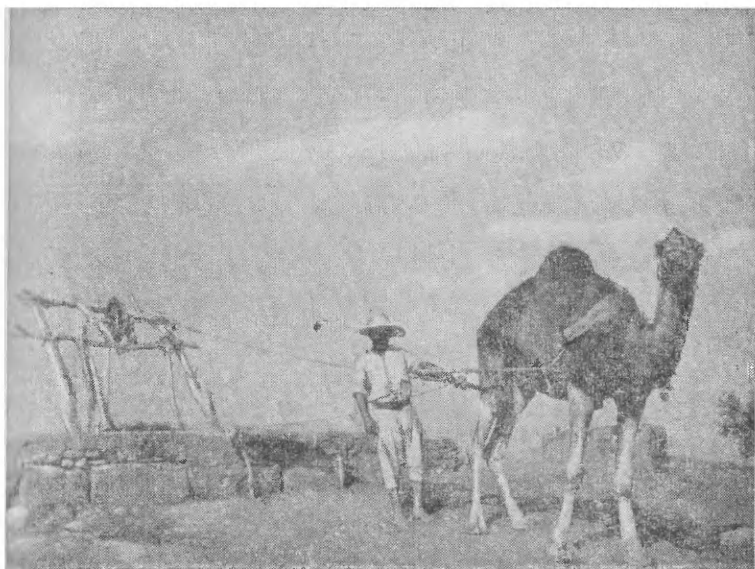
Но тут уж ничего не поделаешь: поэзия для тех, кто видит Африку страной грез, а суровые таможенные правила для тех, кто неизбежно сталкивается с будничной действительностью. Легко представить себе, какое впечатление производит этот город на морских путешественников, глаза которых успевают привыкнуть к однообразию безграничного водного простора. Ведь перед ними Триполи появляется неожиданно и сразу, а подступы к городу, его окраины остаются невидимыми.

Мы приближались к ливийской столице не по морю, а по суше. Поэтому для нас Триполи не сразу засверкал всеми красками. Его окраины отнюдь не сказочны. И все-таки, когда автобус свернул на асфальт чистенькой набережной (она изгибается полукружием, окаймляя синеголубую бухту, и потому панорама города разворачивается удивительно живописно), невольно вспомнилось меткое сравнение Ганзелки и Зикмунда. По их словам, Триполи возникает перед взором человека, проделавшего длинный путь через безжизненные пустыни, словно фата-моргана.

Из унылых, пустынных районов выезжаем на дорожку-аллею, обрамленную рослыми эвкалиптами. О близости большого города говорит все более и более оживленное движение транспорта, мелькающие за заборами виллы с телевизионными антеннами на крышах. А неподалеку от этих вилл теснятся друг к другу лачуги и хибарки из листов жести, фанерных ящиков, старых автомобильных кузовов. Такие домишки называют бидонвилями..

Контраст поразителен. За какие-то считанные минуты вы переноситесь из безлюдного царства безмолвных песков в шумный, сверкающий белизной домов и позолотой куполов мечетей оживленный, пестрый город, живописно расположенный на террасах, спускающихся к заливу Малый Сирт. Силуэты минаретов, крепостных зубчатых стен — и тут же современные широкие улицы, чем-то напоминающие Рим, с фешенебельными отелями, respectable банками, магазинами, витрины которых «кричат», зазывая покупателей.¹

Красочен растительный наряд Триполи. Вдоль улиц выстроились стройные пальмы и кипарисы, белые, розо-

Так добывают драгоценную воду и в Тунисе, и в Ливии.

ые и красные олеандры. На набережной растут аккуратные, словно под гребенку подстриженные зонтичные лавры. Их кроны тесно смыкаются, образуя сплошную зеленую крышу, защищающую пешеходов от обжигающих солнечных лучей.

Слов нет, Триполи очаровывает поначалу неожиданными, ослепительно яркими красками. Возникнув после пустынного ландшафта, как мираж, на редкость эффектно и выигрышно расположенный вдоль лазурной бухты, этот город вызывает в первые минуты знакомства удивление и восторг.

Но через день-другой такая красивость перестает волновать. Присмотревшись внимательнее, начинаешь относиться к ней с каким-то недоверием. Многие кажется чуждым декоративным — бутафорским.

Остановились мы в гостинице «Мехари»*, расположенной на набережной. «Мехари» внешне непохож на евро-

---

* Мехари (или мегари) — порода верблюда-дромадера, которая ценится арабами за быстроту хода.

пейские гостиницы и отели. Низенькое белокаменное здание. Узкий вестибюль, крышу которого поддерживают колонны-столбики, напоминает линию кают корабля. И окна-иллюминаторы в нем такие же, как на океанском теплоходе. А над вестибюлем возвышаются два купола: один побольше, другой поменьше — полукруглый, похожий на купол мечети, только без полумесяца на макушке.

Эмблема отеля — горделивая фигура белого верблюда со всадником-арабом на фоне зеленых пальм.

Для ливийцев верблюд — друг и помощник. Особенно для тех, кто продолжает вести кочевой образ жизни. А таких, как мы убедились, еще немало — почти треть населения. В стране слабо развиты современные транспортные средства. И потому медленно движутся и поныне из одних районов Ливии в другие верблюжьи караваны, утопая в песках, проходя по тропам, проложенным еще древними римлянами.

«Мехари» стоит в море на сваях, и архитектор не случайно сделал в вестибюле круглые оконца, похожие на корабельные иллюминаторы. По его замыслу, отель строился в виде огромного парохода. В него можно войти не только с набережной через вестибюль-каюту, подкатив на автомобиле к площадке перед парадным входом. «Мехари» доступен и со стороны моря.

Прямо над водой, словно на палубе, расставлены столики ресторана. Тут же расположена танцевальная площадка. Под ней начинается тоннель. Он выложен красивыми кафельными плитками, а в стенах, чередуясь с мозаичными картинами, вделаны большие аквариумы: медленно шевеля плавниками, проплывают за стеклом золотые рыбки, выползает из причудливого грота большая черепаха, перебирая клешнями, ковыляет через водоросли краб...

Если пройти по этому тоннелю и подняться вверх по лестнице, вы окажетесь среди тенистых двориков с журчащими фонтанами в мозаичных водоемах. По ажурной деревянной изгороди свешиваются гроздья цветов акаций. Под ногами — морская галька. Вы вдыхаете опьяняющий аромат олеандров, над вами роем кружатся птицы с ярким оперением.

Впрочем, в номерах гостиницы нельзя сказать, чтобы было очень уютно и комфортабельно. После заката солнца сюда устремляются размалеванные и взлохмаченные деви-

цы, за которыми плетутся лысые коммивояжеры из Италии и интенданты с американской военной базы.

Этот отель — одна из частей пышного триполийского фасада, в свое время старательно приукрашенного итальянскими колонизаторами, чтобы спрятать от глаз иностранных гостей экономическую отсталость страны, нищету и бедность кварталов, в которых живут арабы.

...В первый же вечер отправляемся бродить по набережной, сворачиваем к центральной части города, ярко освещенной огнями реклам. Рассуждаем, гадаем, спорим: какие другие виденные нами прежде города внешне напоминает Триполи? Кто-то утверждает, что он похож одновременно и на Ялту, и на Ленинград. Другие говорят, что это скорее Сочи и немножко Сухуми. Третьи, не беря в расчет его приморское расположение, называли наши среднеазиатские города — Бухару, Ташкент, Алма-Ату...

Обратно в отель идем молча. Вспоминаем, что от Невского проспекта, сочинской или ялтинской набережных нас отделяют несколько границ и тысячи километров, и нам становится грустно. Триполитанские красоты как-то неожиданно ступшеваются, меркнут.

ТРИПОЛИ СКВОЗЬ ВЕКА

В течение многих веков Ливия служила европейцам воротами для проникновения на Африканский континент. Провинция Римской, затем Османской империи, недавняя колония Италии — таковы тяжкие этапы истории ливийского народа.

Многовековая история Ливии как бы прошла перед нашими глазами, когда мы осматривали триполийский музей, разместившийся в большом старинном здании, сливающимся с испано-турецко-арабской крепостной стеной.

В музее много залов, но посетителей в них почти нет. Тысячи экспонатов рассказывают о древней и современной Ливии*. Стенды, витрины, комнаты, воссоздающие

---

* В далекой древности Ливией греки называли всю Африку. Географическое название «Ливия» существует, таким образом, больше двух с половиной тысяч лет. Оно встречается в трудах историка Геродота, который объединял под этим названием всю Северную Африку, кроме Египта.

обстановку и быт арабов и берберов, коллекции предметов обихода, одежды, украшений, оружия. Отдельные залы посвящены природе страны: гербарии, чучела нежных га-зелей и гигантских змей, редчайшие экземпляры африканских бабочек...

Поднимаемся наверх, на плоскую крышу, чтобы полюбоваться панорамой залива. Повсюду национальные флаги — красно-черно-зеленые с белой звездой и полумесяцем в центре, — в Триполи отмечался день конституции. На средиземноморской глади покачиваются стройные яхты с яркими, разноцветными парусами — оранжевыми, зелеными, голубыми...

Слева — бухта, морские причалы, шумная портовая улица. Под нами — крепостная площадь с итальянским названием «Пьяцца Кастелло». Справа — та часть Триполи, которая постепенно переходит от современных кварталов в старый город. Разграничивает старый и новый город крепость. Всего лишь несколько десятков лет назад арабы-кочевники разбивали здесь свои шатры, вели бойкую торговлю верблюжатинной и овечьей шерстью. Ныне здесь тоже протянулись длинные ряды торговых палаток и лотков, но торгуют арабы теперь и зажигалками, и орлоновыми кофточками, и автоматическими ручками.

Много веков назад процветал на севере Африки крупный торговый центр — город Эя. Теперь этого города вы не найдете ни на одной карте. Но о том, что он действительно существовал когда-то, свидетельствуют сохранившиеся до наших дней памятники. Один из них — многое повидавшая за добрый десяток столетий, крепко устоявшая, несмотря на кровопролитные, разрушительные войны, арка Марка Аврелия, возвышающаяся в старой части нынешнего Триполи.

Здесь редко можно увидеть двухэтажные дома с небольшими балконами, с деревянными резными галереями, выступающими прямо над улицей. Арабская часть Триполи — запутанный лабиринт узких, словно щели, улочек со слепыми, без окон, одноэтажными домиками, прилепившимися друг к другу. Свет в такие дома проникает только через приоткрытую дверь. В невероятной скученности живут в них ремесленники, рыбаки, мелкие торговцы.

С тыльной стороны арки Марка Аврелия в миниатюрной чаше бьет фонтанчик воды. К нему припадают утолить жажду и продавец, спешащий на сук к своему прилавку, и

босоногие мальчишки, возвращающиеся вприпрыжку из порта в тесные каменные дворики старого города; около нее присел отдохнуть, опираясь на тяжелую клюку, старый-престарый бербер. Лицо его испещрено глубокими бороздами морщин. Сколько повидал он на своем веку, сколько испытал!..

Мимо тысячелетней арки вприпрыжку бегут смуглые черноволосые девочки в белых легких платьицах. Две погасывают мороженое в вафельных кулечках, а остальные с завистью поглядывают на них... Когда наводишь фотоаппарат, девчужки взвизгивают, отворачиваются, прячутся друг за дружку. Хаули — кусок шерстяной материи, широкую накидку, скрывающую женское лицо от постороннего «оскверняющего» взгляда, — они пока еще не носят, но фотообъектива уже боятся.

Медленно бродим по триполйскому суку. С подносами в руках ловко снуют в базарной толпе продавцы чая и кофе. Лихо проносятся, лавируя между повозками и, как ни странно, никого не сшибая, мотороллеры. Тут же, в пыли и грязи играют босоногие оборванные ребятишки — их так много, что просто удивляешься: как же прокормит такую ораву вот этот ремесленник или вот тот продавец фруктов?

Многое напоминает в Триполи о том, что Ливия лишь после второй мировой войны избавилась от господства итальянских колонизаторов. Одна из центральных улиц, сверкающих зеркальными витринами магазинов, ведет прямо к морю, на уже знакомую нам набережную. Улица заканчивается двумя белыми, выше палым, колоннами. «Лицом к лицу» на них два символа, два герба двух столиц: римская волчица, вскормившая Ромула и Рема, и финикийская ладья с упругими парусами — герб Триполи.

Эти колонны воздвигнуты в тридцатых годах нынешнего века в честь торжественного посещения ливийской столицы итальянским «дуче» Бенито Муссолини. Вот с этой крепостной стены он произносил напыщенную речь, упиваясь собственным величием и хвастливо называя все Средиземное море «нашим» («Mare Nostrum»).

Колонны и поныне возвышаются у выезда из центра на набережную. Их по-прежнему стараются «втиснуть» в объектив своих фотокамер туристы. Но воспринимаются эти «символы» сегодня иначе. Всматриваешься в них, и

кажется, что легендарная волчица с каким-то удивлением поглядывает на вольный парусник, а тот уверенно мчится вперед, преодолевая пенистые морские волны...

НЕ «ПЕЩЕРНЫЕ» — ПРОСТО ЛЮДИ!

Определить в Триполи, когда кончается вечер, когда начинается ночь, можно по звону бубенчиков пролеток: вечером их перезвон на какое-то время слышится чаще, а к ночи совсем умолкает — седоков мало.

Пустынной, безлюдной становится набережная. В десять часов вечера жизнь на улицах замирает. Редко-редко встретишь прохожего. Только проносятся малолитражки с открытым верхом да около ярко освещенных подъездов ночных клубов и ресторанов царит оживление.

Пустеет холл «Мехари». На экране телевизора продолжают мелькать кадры какого-то длинного и довольно скучного американского ковбойского фильма. Туристы, сидевшие в глубоких удобных креслах, один за другим направляются к выходу.

— Завтра утром мы едем к «троглодитам».

— К «троглодитам»?

Это сообщение звучит несколько загадочно и интригующе. В словаре иностранных слов слово «троглодиты» объясняется так: «Дикие люди, не умевшие еще строить жилищ и находившие убежище в пещерах; пещерные люди».

«Пещерные люди»... Откуда они сегодня в Ливии? Почему продолжают жить в земле в наше удивительное время покорения космоса и укрощения энергии расщепленного атомного ядра?

Ну конечно же, это обыкновенные люди. И строить жилища они давным-давно научились. Только продолжают они жить не в домах, имеющих двери, окна, лестницы и балконы, а в пещерах, вырытых их собственными руками в земле...

Ливийские хозяева, принимающие туристов из разных уголков земного шара и включающие поездку к «пещерным людям» как непременный пункт знакомства с достопримечательностями своей страны, находят для этого свое объяснение. «У нас, в Ливии, — говорят они, — жарко.

Каменные стены накаляются, и в помещении человеку становится невмоготу. Поэтому люди предпочитают вырыть в земле пещеру и в ней спастись от зноя...».

Но дело, конечно, не в томительном африканском зное. Мы убедились в этом воочию, совершив поездку в Гариан — селение, расположенное в 88 километрах от Триполи. Туда ведет шоссе, петляющее крутыми поворотами: с каждой петлей все выше и выше...

На горной дороге по пути к Гариану пустынно и безлюдно. Можно проехать десятки километров, не встретив ни одной живой души. Лишь изредка вдалеке от шоссе, на вершинах небольших холмов, покажутся белые гробницы или плоские крыши маленького селения. Или неизвестно откуда вдруг появится одинокий верблюд, выскивающий на этой безжизненной земле корм.

Пещеры, расположенные в окрестностях Гариана, это вовсе не древние, давно покинутые, вымершие поселения. Здесь, в подземных жилищах, и теперь обитают сотни ливийских семей. Всего лишь около 100 километров — и такой контраст: в Триполи — белоснежные дворцы, виллы, роскошные отели, а здесь, в 200 метрах от дороги, на невысоком холме, — пещеры с земляными стенами, земляным полом, земляными крышами.

Как строятся эти жилища в земле? В твердой глинистой почве вырывается яма глубиной несколько метров. Ее дно старательно расчищается — образуется небольшой дворик, в центре которого делается углубление для дождевой воды. А в стенах ямы выкапывают «квартиры» для людей, помещения для домашних животных. Ниши довольно просторны — в них свободно может войти верблюд.

Заглядываем в одну из таких жилых «комнат». Глаза не сразу привыкают к темноте. Закопченные, черные голые стены. В глубине — возвышение. Здесь люди спят. Нехитрая домашняя утварь, корзины из пальмовых листьев, кустарные циновки из тростника, затхлый сырой воздух...

Земляное жилище недолговечно. Когда пещера начинает осypаться, семья, а чаще несколько семей, роют новую яму. Показывал нам пещеру жилец такого «дома» — мальчик-проводник. Ему тут знаком каждый уголок, все ходы и выходы. Он суетится, подбегает то к одному, то к другому, что-то объясняет. Когда мы возвращаемся к автобусу, парнишка просительно заглядывает каждому в глаза, протягивает руку за бакшишем...

Единственная причина возникновения подобных пещерных поселений — бедность. У сотен, тысяч семей ливийских арабов нет средств, чтобы возвести себе дом, обрести настоящую прочную крышу над головой. Спасает земля, выручают трудолюбивые руки...

Обратно едем молча, думая о нелегкой судьбе людей, вынужденных замуровываться в землю, не видеть солнечного света, ясного неба, страдать от сыпоти и болезней...

ПО УЛИЦАМ ДРЕВНЕЙ САБРАТЫ

Каждый путешественник, каждый турист чувствует себя в какой-то мере первооткрывателем. Такими «первооткрывателями» стали и мы в Ливии, когда неожиданно очутились в Сабрате — этом поистине изумительном памятнике древней культуры.

Чем объяснить, что слава о Сабрате и Лептис-Магне (Великом Лептисе) — древнеримских городах, погребенных под песками Ливийской пустыни, — распространилась не так широко, как о Карфагене или Помпее?

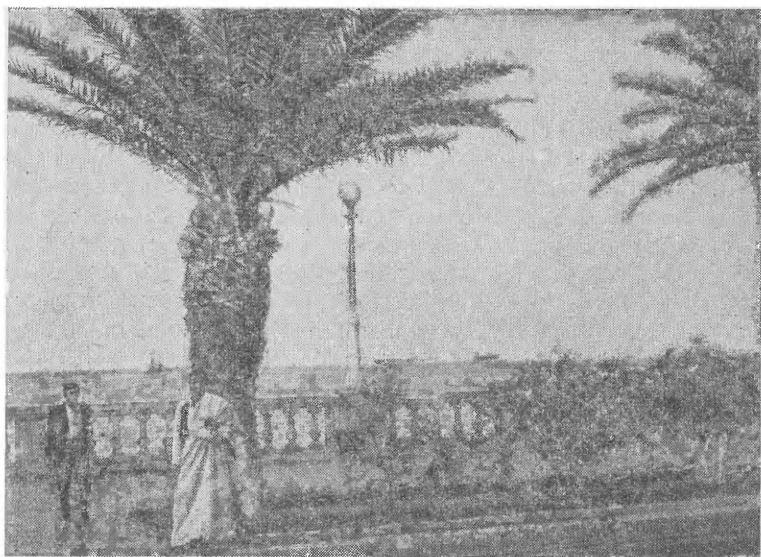
Дело в том, что раскопки Помпеи ведутся с 1768 года почти двести лет! А Сабрату начали освобождать от песка лишь сорок лет назад.

Более двух тысяч лет покоились ее развалины под толстым слоем песка. За четыре десятка лет, учитывая, что половина этого промежутка времени была омрачена господством итальянских колонизаторов, мало кто интересовался результатами раскопок. Да и туристы здесь были весьма редкими гостями.

И только за последние годы (самостоятельным, независимым государством Соединенное Королевство Ливия стало в конце 1951 года) «тайны» этой страны стали постепенно раскрываться. Любознательные туристы, путешественники, историки получили возможность ближе познакомиться с древнейшими памятниками Ливии, сравнить их с другими, чтобы оценить по достоинству...

Триполи, Триполитания, Сабрата...

Путешествуя по Ливии, мы, честно говоря, не задумывались, существует ли какая-нибудь прямая связь между этими названиями. Уточнив же, откуда произошло слово «Триполитания», выяснили, что в дословном переводе

На набережной Триполи.

оно означает: страна трех городов («tre» — «три», а «polis» — «город»).

Первый — Эя, находившийся на том месте, где сейчас стоит Триполи (арка Марка Аврелия подтверждает это). Второй — Лептис-Магна, расположенный близ города Хомса, и третий — Сабрата.

В давние времена они были центром, средоточием торговли на североафриканском побережье Средиземного моря. Оживленные становились караванные тропы, ведущие к ним из пустыни. Росли, поднимались города; искусные архитекторы возводили дворцы и театры, украшали здания и площади арками, колоннадами. Увеличивалось население, и для того чтобы прокормить его, приходилось распахивать новые участки оазисов, растить новые сады. А сколько появилось здесь всевозможных ремесленных мастерских: нужно было обеспечить дома и дворцы хозяйственной утварью, посудой, украшениями, коврами...

Вот и стали называть с незапамятных времен всю территорию между тремя этими городами одним словом: Триполитания.

...Бесстрашием и отвагой отличались финикийские мореплаватели. Они отправлялись в дальние многодневные странствия вдоль побережья Средиземного моря, не теряли самообладания, попадая в штормы, искусно преодолевали опасные рифы. На пути следования с Сирийского побережья они облюбовали несколько удобных якорных стоянок. Эти пристани служили финикийцам опорными пунктами во время длительных плаваний. Здесь пополнялись запасы пресной воды, латались изорванные ветрами паруса, совершались выгодные торговые сделки. Сюда, к якорным стоянкам, из глубинных областей Центральной Африки кратчайшим путем приходили торговые караваны, доставлявшие слоновую кость, золото, дорогие коренья, рабов, а позднее и хищных зверей, которых отправляли по морю в римские цирки.

Первые глинобитные домики, построенные вдоль одной из таких пристаней, и положили начало городу Сабрата.

Раскопки показали, что пристань использовалась моряками-финикийцами примерно за тысячу лет до нашей эры.

Финикийцы называли Триполитанию «берегом Империи». Они ценили ее за природные богатства, приезжали сюда за такими ценными «ходовыми» товарами, как золото и слоновая кость. Не случайно Сабрата начала разрастаться от площади, расчищенной и выровненной под рынок. От нее на юг потянулись домики, затем целые улицы: ведь на востоке, где торговля — там и жизнь!

В путеводителе по Сабрате говорится, что до римского владычества ее история не была записана. По-видимому, после падения Карфагена она перешла, так же как Лептис-Магна и Эя, в руки нумидийского * царя. Вспыхнувшая в Нумидии гражданская война могла привести к полному разрушению Сабраты и Лептис-Магны. Поэтому жители этих городов обратились к римлянам с просьбой взять их под свою защиту. С тех пор начался быстрый рост Сабраты и Лептис-Магны. Старые финикийские селения превратились в типично римские города с храмами, театрами, рынками, библиотеками, банями и благоустроенными домами.

При императоре Каракалле (в 212 году) на всех жителей Сабраты было распространено право римского гражд-

---

* Нумидия — теперешний Алжир.

данства. Такое признание способствовало дальнейшему процветанию города. Он продолжал расти, строиться. Но в IV веке нашей эры его захлестнуло внезапное нашествие берберов, вторгшихся на побережье из внутренних районов Центральной Африки. Вскоре город оправился от нападения, но ненадолго. Сабрату разграбили вандалы, выступившие из Европы. Они ворвались в Северную Африку через Испанию, сметая все на своем пути.

Почти восемьдесят лет (до 533 года нашей эры) о поверженной Сабрате не вспоминали. Затем город попал под власть Византии. На месте развалин были возведены новые дома, примерно на метр выше прежнего уровня проложили дороги. Старую часть города близ гавани обнесли крепостной стеной. Однако крепость не могла сдержать нашествия арабов. Они нанесли Сабрате и Лептис-Магне последний удар.

«Волна фанатического ислама, — записали Ганзелка и Зикмунд, — смела в море высокую культуру хранителей финикийского и римского наследия. Два прославленных города превратились в каменные карьеры, в неисчерпаемые склады мраморных колонн, которые арабы стали увозить за сотни километров, чтобы использовать их для строительства новых мечетей».

Развалины городов пустыня прикрыла своими песками. Они были надолго забыты. Вспомнили о них лишь новые «хозяева» Ливии. По распоряжению итальянского правительства с 1923 года начались раскопки, продолжавшиеся до 1936 года: их прервала война. Сначала была обнаружена часть древнего города с его улицами, домами, общественными зданиями. Затем произвели тщательную реставрацию римского театра...

Мы допустили бы историческую неточность, не сказав, что кое-кто вспоминал о Сабрате и Лептис-Магне и до итальянцев. Вспоминали, правда, не без корыстной цели.

В конце XVII века французский консул в Триполитании долго ломал голову над тем, как снискать расположение своего монарха Людовика XIV. Он принял не столько смелое, сколько авантюрное решение: выкопать, вывезти и подарить королю Франции какие-либо ценности из погибших городов. В результате этой «операции» более шестисот редкостных мраморных колонн навсегда исчезли с освобожденного от песков Форума Лептис-Магны. Их доставили в Париж в качестве дара королевскому двору.

Несмотря на такой грабеж, и в Сабрате, и в Лептис-Магне великолепно сохранились памятники античной архитектуры.

Рухнули стены домов (большинство из них были двухэтажными), но остались фундаменты, мозаичные полы из черного, белого, а иные и из разноцветного мрамора. Сохранились остатки акведука, колодцы — в Сабрате недоставало воды. Дождевую влагу бережно собирали в многочисленных подземных бассейнах, которые находились под каждым зданием...

Но самое большое впечатление произвел на нас великолепный театр Сабраты. На его постройку (он вмещает пять тысяч зрителей!) были израсходованы огромные средства. Это один из самых сохранившихся римских театров, а его трехэтажная фронтальная колоннада не имеет себе равной в мире.

Тщательно восстановленный и реставрированный театр Сабраты дает полное представление о характерных чертах мест массовых зрелищ древнего Рима.

Поражает акустика. Даже в последнем ряду отчетливо слышно каждое слово, произнесенное со сцены. Труппа американских актеров ставила здесь шекспировскую «Двенадцатую ночь». Так через многие столетия каменные скамьи театра Сабраты снова заполнили зрители, а его давно умолкнувшая сцена ожила.

...Солнце клонится к закату. Колоннада на фоне бирюзового моря (оно плещется совсем рядом с улицами Сабраты!), голубоватый и нежно-розовый мрамор на фоне желтого песка, столь долго скрывавшего руины, контрастные, необычные из-за причуд предзакатного освещения блики и тени, — все это отчетливо врезалось в память, помогло яснее представить себе ту далекую пору древности, когда три торговых поселения, зародившихся на месте обыкновенных якорных стоянок, обрели с годами силу и славу, вызвав к жизни целую страну — Триполитанию.

ВЕЛИКИЙ ЛЕПТИС

После Сабраты мы отправились в другой античный город, остатки которого хорошо сохранили пески Ливии, — в Лептис-Магну.

Лептис-Магна больше Сабраты. Это подчеркивает и само название: его стали именовать Великим (Магна) в отличие от другого города, носившего такое же название — Лептис, который находился около города Сус, на территории теперешнего Туниса.

Как и в Сабрате, строительным материалом в Лептис-Магне служил главным образом известняк, легко поддававшийся обработке. Точно так же заботясь об изяществе и роскоши, римляне, жившие в этом городе, охотно использовали разноцветный мрамор. Его доставляли из Италии, Египта, Греции и Малой Азии. Мрамор шел на колонны и облицовку стен. Панельная обшивка прочно ложилась на штукатурную прослойку и прикреплялась к стене бронзовыми зажимами.

Подобно другим римским городам, в Лептис-Магне было много статуй. Некоторые из них мы видели на развалинах театра, в общественных банях. Это копии греческих образцов, изваянных преческими же мастерами. Так же как в Сабрате, со всей тщательностью и старанием в Большом Лептисе была продумана система водоснабжения. Непрерывно били фонтаны, много воды требовали бани — и общественные, и в домах знати.

А источники? Главным из них была река Лебда. Ее запрудили дамбой, и по акведукам вода шла в большие резервуары (их еще и теперь можно увидеть к югу от главной дороги).

Кроме того, дождевую воду бережно собирали в подземные цистерны, от которых по свинцовым трубам она текла к фонтанам.

Здесь до сих пор не раскопаны целые кварталы частных домов и лавок. Поэтому путеводитель по Лептис-Магне рекомендует туристам призвать на помощь свое воображение: «Посмотрите на пространство между общественными зданиями, на запад от театра, и представьте себе, что вся эта часть города заполнена лавками и жилыми домами...».

И мы на какое-то мгновение действительно представляем себе оживленные, шумные улицы, вымощенные много веков назад, с тяжелыми колесницами и повозками, степенных торговцев у раскрытых дверей лавок, горожан, неторопливо шествующих по каменным плитам тротуара...

Память о каких событиях хранят эти плиты, статуи, колонны? Какие ветры и войны прошумели над развали-

нами? Когда расцвел и когда омертвел Лептис-Магна — Великий Лептис?

Историки считают Лептис-Магну одной из самых древних финикийских колоний, возникших примерно в V веке до нашей эры.

От финикийского периода в Лептис-Магне сохранилось только кладбище: под сценой римского театра обнаружены могильные плиты. Тогда город занимал небольшую площадь между устьем реки Лебда и старым Форумом. Быстро разрастаться он стал во времена императора Августа. Дома и улицы протянулись радиусами от Форума. Строители и зодчие спланировали главную улицу, одна из арок которой хорошо сохранилась поныне, возвели красивое здание театра, арку Тиберия, общественные бани.

По мере того как римские легионеры расширяли свои владения в глубь страны, развивалась торговля. Караваны из глубинных районов доходили до Средиземноморского побережья, и в Лептис-Магне на оживленных рыночных площадях не было недостатка в товарах.

В 146 году в Лептис-Магне родился Септимий Север. Став императором, он не забыл своего родного города: при его владычестве Лептис-Магна достигла наивысшего расцвета. В эту пору в устье реки строится гавань, в городе появляются улица из колонн, фонтан нимф, возводится новый Форум. Септимий Север позаботился об укреплении границы, отделяющей от пустыни обрабатываемые земли. Ведь от их сохранности благосостояние жителей города зависело не меньше, чем от торговли.

Благодаря укрепленной городской стене (часть ее сохранилась) жители Лептис-Магны сдерживали набеги кочевников из пустыни, но выдержать нападение вандалов не смогли. Разграбленный и опустошенный город занесли пески. Лишь на короткое время его вновь заняли войска Византии. Вокруг старой части города возвели новую стену, построили церкви, реставрировали некоторые здания. В последний раз упоминание об этом городе встречается в XII веке.

Позднее руины Лептис-Магны использовали как каменоломни. Внимание тех, кто здесь хозяйничал, привлекали прежде всего мраморные и гранитные колонны. Около шестисот из них, как уже говорилось выше, перекочевали в Версаль для украшения дворца Людовика XIV. Другие понравились английскому королю Георгу IV — они исполь-

Триполи. Площадь Семи пальм.

зованы для декоративных руин около бассейна в Виндзоре.

Ливийский Департамент туризма такое «увлечение» древностями называет своим именем. «Только в 1911 году, — записано в проспекте, — этому грабежу был положен конец».

Раскопки и реставрационные работы на территории Лептис-Магны продолжаются. Туристам об этом напоминает обращение в путеводителе: «Администрация Триполитании продолжает работы по раскопкам и просит вашего содействия в охране памятников от поочи и повоеждения».

СНОВА В ТРИПОЛИ

Ганзелка и Зикмунд во время пребывания в Триполи обратили внимание на необычайно колоритное «звучание» города, услышали его «полифонию». «Неповторим звуковой фон Триполи», — писали они.

Еще в Зуаре — пограничном городе Ливии — мы встретили молодого араба-ливийца в традиционной белой одежде до пят. Его не смущало палящее солнце, от которого мы старались по мере возможности спрятаться. Юноша невозмутимо покручивал вариометр карманного радиоприемника на транзисторах, поглядывая то на него, то по сторонам, и улыбался. Из пластмассовой коробочки вырывались американские танцевальные мелодии. Синкопы, барабанная дробь, взвизгивание саксофона...

Эта сцена припомнилась позже, когда товарищи из нашего посольства рассказывали о специфике страны, о нравах местных жителей. Они назвали потрясающую цифру: 85 процентов мужского и 99 процентов женского населения страны — иными словами, девяносто человек из ста — неграмотны*. «Но неумение читать и писать компенсируется умением слушать. Мы часто видим, да и вы увидите не раз обычную картину. Сидит на улице за чашечкой кофе ливиец. Газета ему ни к чему — читать не умеет. Но у него или у соседа по столику — карманный радиоприемник. И он слушает радиостанции мира. А ведь разные радиостанции даже на одном и том же арабском языке вещают по-разному!».

...Обычно в «Мехари» окна плотно закрыты: так прохладнее. И деревянные жалюзи спущены — только в щели проникает свет, в номере полутьма. Но если распахнуть окно, в него врывается многоголосое звучание города, так не похожее на все, к чему мы привыкли у себя дома.

---

* В 1960 году в Ливии было издано всего пять книг.

Поутру и в час заката сюда доносятся истошные вопли. Это муэдзины взывают к Аллаху и верующим: молитесь всемогущему, очистите молитвой и поклонами свои души от грехов земных. Ближайшая мечеть находилась за несколько кварталов от гостиницы, но призывы муэдзинов здесь слышатся отчетливо и ясно. Потом нам объяснили: мусульманская религия не чуждается «дьявольской» техники, так же как католическая (в Риме в соборе святого Петра установлены телевизионные камеры). Чтобы глас муэдзинов слышало как можно больше правоверных, они выкрикивают свои призывы в микрофон.

И вот разносятся эти вопли по городу, с помощью многочисленных громкоговорителей проникают во все уголки, заставляя непосвященных туристов вздрагивать, а верующих в Аллаха — преклонять колена и отбивать поклоны там, где застали их эти заклинания — на улице так на улице, в кафе так в кафе. Особенно большая нагрузка у репродукторов в дни мусульманских праздников.

По утрам и вечерам с муэдзинами соревнуются трипольские ишаки. Скрипуче-голосистые пассажи с подвыванием повторяются без конца. Открывается один ишак — вступает второй, потом третий. Где-то вдалеке эхом отзывается четвертый. Затем короткая пауза — и снова ио-ио-ио!.. Время от времени к ишакам присоединяются собаки или горластые петухи.

Со всеми этими звуками смешиваются и человеческие голоса. Вот неподалеку лавочка. Очевидно, услугами ее пользуются клиенты постоянные, живущие поблизости. Они заглядывают сюда не только для того, чтобы сделать необходимые покупки, но и поболтать с лавочником...

С полудня на улицах становится тихо. Люди прячутся в домах от зноя. Не слышно выкриков ребятишек, голосов торговцев, шлепанья босых ног по асфальту. Умолкают ишаки...

Только один резкий звук нарушает эту тишину. Над «Мехари» то и дело проносятся реактивные самолеты с американскими опознавательными знаками: белые пятиконечные звезды на крыльях. Их «дом» здесь, недалеко от Триполи. Он называется Уилус-Филд.

Бывает еще в мире так: ходит человек по своей родной земле, ухаживает за посевами, гуляет с детьми, выбирает в лавке апельсины посочнее, а над его головой с диким ревом проносятся не принадлежащие его стране реактив-

ные самолеты. Чужие самолеты. С чужими опознавательными знаками. С летчиками, которые не знают его родного языка...

Такое чувство испытывают тысячи ливийцев, когда над их головами, в их родном небе кружат, проносятся на огромных скоростях, оставляя длинный белый шлейф, американские истребители и бомбардировщики.

Находясь в Триполи, мы не раз наблюдали эти полеты. Американцы летают здесь с каким-то вызывающим нахальством почти над самыми кровлями домов.

Как случилось, что в ливийском небе безнаказанно хозяйничают летчики военно-воздушных сил США? От Триполи до Вашингтона — тысячи километров. За всю многовековую историю страны американцы никогда не владели ею.

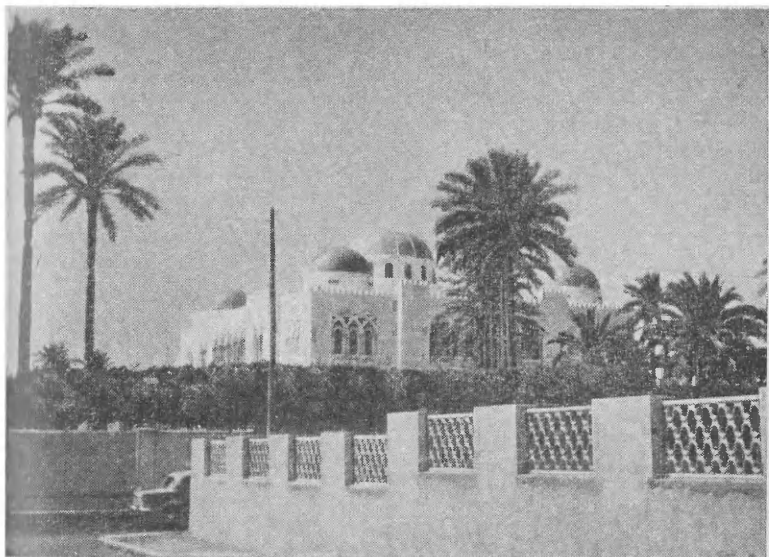
В 1954 году, пользуясь затруднительным экономическим положением Ливии, США навязали ей кабальный договор, согласно которому в их распоряжение предоставлялась территория для военно-воздушной базы Уилус-Филд. Она расположена почти на окраине Триполи.

Громадным многоугольником территория этой базы втиснулась в арабский пригород ливийской столицы, разрезая улицы, отсекая своими глухими стенами один жилой квартал от другого. Когда ее строили, тысячи феллахов были согнаны с принадлежавшей им земли. В договоре значилась немалая сумма за аренду: 3,5 миллиона ливийских фунтов*, что придавало этому акту характер деловой сделки: молодому государству, ставшему на путь независимости, арендная плата могла послужить подспорьем для становления собственной экономики.

Ливийцы рассчитывали, что смогут использовать эти миллионы фунтов на развитие народного хозяйства. Однако американцы переложили деньги из одного своего кармана в другой. Арендная плата фактически поступала в распоряжение организаций, подконтрольных Соединенным Штатам Америки, и шла на строительство стратегических объектов (в них заинтересовано не столько правительство Ливии, провозгласившее политику мира и невмешательства в дела других государств, сколько США),

---

* Ливия входит в так называемую стерлинговую зону. В августе 1960 года заключены новые условия: за аренду базы США выплачивали ежегодно по 1964 год 10 миллионов долларов, а также представляли 50 тысяч тонн пшеницы на 7 миллионов долларов.

Когда король Ливии Идрис I приезжает в Триполи, он останавливается в этом дворце.

на жалованье многочисленному штату американских советников...

Понятие «американская военная база» становится достаточно реальным и осязаемым, когда узнаешь о численности личного состава Уилус-Филда. От призыва до призыва этот состав, разумеется, меняется. К тому же на этой базе американцы стажируют летчиков и из других стран. Но в общей сложности в казармах и офицерских коттеджах Уилус-Филда обычно находится до двенадцати тысяч человек: летчики, солдаты аэродромной команды, механики, чиновники... Живут они на ливийской земле, но правилу Ливии не подчиняются: база исключена из-под его юрисдикции. На ее территорию без американского разрешения не может пройти ни один «посторонний» человек. «Не суйте свой нос! — высокомерно цедят сквозь зубы „арендаторы“. — Нами руководит Пентагон...».

Через равные промежутки времени в ливийское небо измывают с бетонных дорожек Уилуса реактивные истребители. И не только истребители. Именно отсюда была

осуществлена переброска бельгийских парашютистов в Конго, тех самых, что спасли от падения марионеточный режим Чомбе...

Часто случались здесь авиационные катастрофы: бесславно гибли вдали от дома, на чужой земле «бравые парни» из Штатов... * Большой материальный ущерб от последствий этих катастроф несет ливийский народ. Кто может возместить ему этот ущерб?

«Причиной катастроф являются фокусы американских летчиков, которым ударяет в голову выпитое виски, — гневно писала газета „Аз-Заман“. — Американцы меньше всего думают о правах и жизни граждан Ливии. Урон, который мы несем, огромен. База игнорирует права жителей и заставляет их жить под непрерывную симфонию рева реактивных самолетов... Только по счастливой случайности в эту симфонию еще не ворвался гром атомного взрыва».

Весной и летом 1964 года по Ливии прокатилась широкая волна протестов: народ требовал ликвидации американских и английских военных баз. Хотя до истечения срока договора времени оставалось еще много (заключенный в июле 1953 года договор с англичанами, например, рассчитан на 20 лет, то есть до 1973 года), ливийское правительство под давлением общественности повело переговоры с «хозяевами» баз. Однако окончательное соглашение о судьбе военно-воздушной базы США Уилус-Филд так и не заключено. Не по вине правительства Ливии. Из-за упорства «арендаторов».

НЕОБЫЧНЫЙ СУВЕНИР

Несколько наших товарищей привезли домой из Триполи не совсем обычный сувенир. Это была не какая-то экзотическая безделушка, а книга, но не с печатным текстом, а с образцами бумаги самых различных сортов. Нам подарил ее один из владельцев бумажной фабрики «Картьера дела Триполитаниа», сеньор Бениамино Флавиани.

---

* 26 августа 1963 года в печати была опубликована телеграмма: «Во время тренировочного полета разбился американский истребитель Ф-100 с авиабазы США в Ливии Уилус-Филд. Самолет упал на расстоянии 300 метров от главной магистрали Триполи...».

В кратких справочниках о Соединенном Королевстве Ливии говорится, что промышленность здесь развита слабо: кроме легкой и пищевой отраслей да ремесел ничего не обнаружишь. Но даже при столь отсталом уровне развития экономики страна испытывает острую нехватку кадров специалистов. В декабре 1951 года, то есть тогда, когда Ливия обрела самостоятельность, среди коренных жителей насчитывалось всего-навсего... четырнадцать человек с университетским образованием. Первый национальный университет был основан в 1956 году. К 1963 году он выпустил четыреста специалистов...

За несколько последних лет в Ливии открылось школ больше, чем за целые десятилетия чужеземного господства. Но их все-таки очень и очень мало.

С помещениями проще — школы создаются повсюду, где это возможно, а вот учителей не хватает. В Ливии можно встретить преподавателей из всех арабских стран. Согласно закону, принятому в конце 1964 года, каждый ливиец, за исключением врачей и технических специалистов, обязан по окончании курса обучения проработать минимум два года учителем...

Однажды по пути на очередную экскурсию мы заехали на небольшую бумажную фабрику. Находится она на окраине Триполи. У нее три хозяина — два итальянца и ливиец. Один из них — вежливый, подтянутый итальянец Бениамино Флавиани, заранее предупрежденный об этом визите, — провел нас по цехам, давая объяснения и отвечая на вопросы. Правда, он старался посвящать нас главным образом в «секреты» бумагоделательного производства, рассказывал о назначении тех или иных машин, прессов, автоматов. Нас же, естественно, интересовало и многое другое. Короче говоря, сеньор Флавиани отвечал далеко не на все вопросы, которые мы задавали. Впрочем, кое-что мы увидели и сами.

К сожалению, на этой фабрике мы не смогли посмотреть, как из знакомой нам травы альфы получается белоснежная писчая бумага. Сырье здесь — обычная макулатура, и готовая продукция — всего-навсего пакеты различных форматов да оберточная бумага, основные потребители которой — иностранные торговые фирмы и магазины.

На фабрике занято около семидесяти рабочих, из них две женщины-арабки. Нам их показали: они были заняты уборкой цеха, перетаскивали тюки с бумагой, — по-

казали потому, что это редкость — ливийские женщины с открытыми лицами, работающие среди мужчин! Правда, завидев нас, посторонних да еще европейцев, работницы прикрыли часть лица платками и поглядывали в нашу сторону настороженно, исподлобья.

Рабочий день на этой фабрике длится минимум восемь часов. На вопрос же, какова его максимальная продолжительность, последовал не очень определенный ответ, смысл которого — это как захотят те, кто здесь трудится. Оплата, мол, почасовая, каждому хочется заработать как можно больше... Профсоюзной организации тут, конечно, нет.

Спрашивать, применяется ли детский труд, нам не пришлось. В одном из цехов мы сами увидели двух мальчуганов — двенадцатилетнего Солемана и десятилетнего Амора. Закон запрещает нанимать на работу несовершеннолетних, но если родители не возражают, их берут. Работают они наравне со взрослыми, то есть как минимум восемь часов...

Пройдут месяцы, годы, но, очевидно, я так же отчетливо, как сейчас, буду вспоминать одного из мальчуганов — его лицо, покрытое капельками пота, чуть приоткрытый рот, обнажающий белые зубы (душно!), его размеренные, почти механические движения: взял из кипы посильную для ноши стопу бумаги, положил на стол, согнул, схватил деревянную до блеска отполированную палку и суженным ребром провел с нажимом по изгибу вперед и назад, вперед и назад...

Он смотрел на нас чуть испуганно, настороженно, прекращая работы и даже, как нам показалось, ускорив темп. Еще одна стопа, еще усиленное движение палкой. Он смотрел, не понимая, кто мы, откуда и почему с такой грустью и с сожалением смотрим именно на него, на эту нехитрую операцию, вместо того чтобы наблюдать за действием громоздкой паровой машины, установленной в этом же цехе.

«Если разрешат родители...», — пишется в официальных правилах. Не то это слово — «разрешат», совсем не то!

Заставляет нужда, заставляет голод. Неужели Амору и Солеману не хотелось бы выбежать стремглав из этого душного, полутемного цеха за ворота, порезвиться на воле, сыграть в футбол, отправиться в порт, искупаться в мо-

ре?.. Разве не завидуют они своим сверстникам, у которых есть такая возможность, есть такое право?

Мы машем ребятам рукой, улыбаемся им на прощание. Что-то отдаленно напоминающее улыбку появляется на лице Солемана. Он устало утирает взмокший лоб и снова, тяжело согнувшись, поднимает с пола кипу желтой оберточной бумаги...

Той самой бумаги, образец которой вклеен в книжку-сувенир, которую подарил нам Бениамино Флавиани.

НЕФТЬ И ПЕСОК

В один из декабрьских дней 1962 года грузовая автомашина, за рулем которой сидел молодой ливиец Белькасем Амор — шофер иностранной компании, добывающей нефть в глубинных районах Сиртики, — отправилась в дальний путь. Ей предстояло пересечь пустыню от небольшой полевой стоянки до порта Марса-Брега, к которому протянулся недавно проложенный нефтепровод.

Ливийца не очень страшило одиночество. Если даже что-нибудь и случится в пути с машиной, компания гарантирует розыски. К тому же на всякий случай Амор приватил с собой пятидневный запас провизии.

Пески, кругом пески... Урчит мотор, крутится колесико спидометра, отсчитывая километр за километром. Солнце только что висело над головой, потом оно стало медленно плыть к горизонту, а конца дороги не видно...

Только когда тень от грузовика стала уползать за гребни дюн, а стрелка уровня горючего начала приближаться к нулю, Амор понял, что сбился с пути.

Вскоре мотор заглох — бензин кончился.

Оставалось одно — ждать помощи. «Грузовик окрашен яркой краской, — успокаивал себя шофер, — его легко увидеть и с воздуха, и издалека. Это облегчит розыски. Найдут!».

Но компания с розысками не спешила: ее руководителям было не до спасения какого-то «туземного» шофера. Они лезли вон из кожи, чтобы выполнить срочный заказ, который должен был принести их хозяевам миллион с лишним долларов прибыли...

Останки Амора случайно обнаружили в пустыне только три месяца спустя...

Этот трагический случай, сообщение о котором промелькнуло в ливийских газетах, каким бы страшным он нам ни казался, — всего лишь маленький эпизод в полной драматизма истории ливийской «нефтяной лихорадки».

В 1953 году в Ливии начались первые поисковые геологоразведочные работы. Результаты оказались неожиданными. Выводам геологов, правда предварительным, что в недрах Ливии хранятся по меньшей мере два миллиарда тонн нефти, поверили далеко не все.

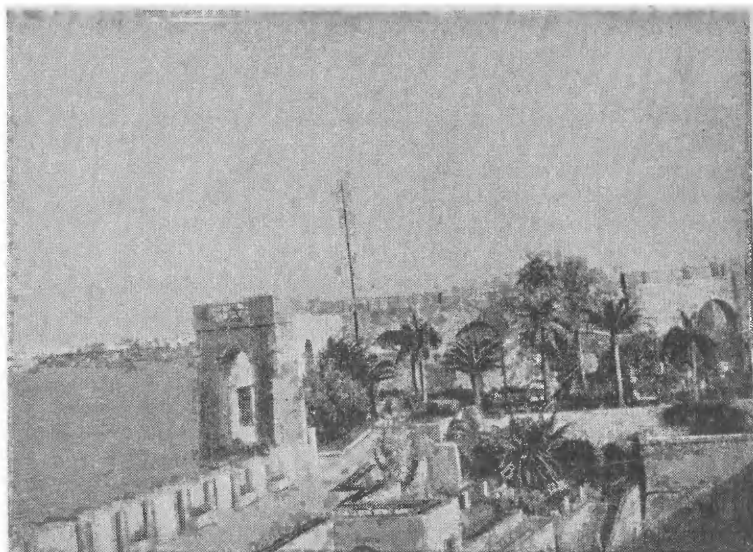
Тем не менее охотников «рискнуть», попытать счастья немало нашлось среди заокеанских бизнесменов, никогда не упускающих возможности поживиться. Американские, английские, итальянские, французские, западногерманские, голландские дельцы налетели на ливийскую землю, как мухи на сладкий кусок пирога. Около 49 компаний и 114 компаний-подрядчиков получили от ливийского правительства концессии на разведку нефти. Шестьдесят процентов из них были американскими.

Известие об огромных запасах жидкого «черного золота», хранящихся под землей, облетело всю Ливию, вселило надежды в сердца людей. Радость ливийцев легко понять. Десятилетия итальянского колониального господства обрекли население страны на нищету и голод. Огромная по территории Ливия не может прокормить собственное население. По официальным данным ООН, на душу населения в Ливии в год приходится 7 килограммов мяса — в четыре раза меньше, чем в Италии, фруктов — 6 килограммов, тогда как в Италии 53!

Сельское хозяйство страны находится на очень низком уровне, промышленность по существу не развивалась (самостоятельно ливийцы добывают только соль), а денег на подъем экономики после завоевания свободы взять негде. «Нефть спасет нас. Ведь это золото...», — считали и в Триполи, и в Бенгази, и в Себхе. Надежда на возрождение страны прямо связывалась с нефтяными озерами и реками, обнаруженными геологами.

Почему же ливийские власти сами не взялись за разведку и эксплуатацию нефтяных месторождений? Почему они пошли на заключение концессионных договоров с иностранцами?

В середине пятидесятых годов Ливия не имела ни необходимой техники для разведки недр и бурения скважин, ни своих специалистов, которые могли бы заняться изыс-

Кастелло — древняя крепость в Триполи.

каниями. Поэтому правительство королевства вынуждено было торговать землей оптом и в розницу. Достаточно сказать, что к декабрю 1961 года иностранным компаниям, ведущим на ливийских просторах разведку нефти, была сдана в концессию территория, равная 1 миллиону 23 тысячам квадратных километров.

Пядь за пядью прощупывали чужеземные геологоразведчики землю. И вот в апреле 1959 года в районе Зельтен ударил первый мощный фонтан. И опять крепла в сердцах ливийцев надежда: «Ничего, что сами добывать и продавать нефть за пределы страны мы не можем. Ничего, что мы уступили это право иностранным концессиям. Зато мы получим много денег...».

Так думали не только простые люди. Редактор газеты «Иль джорнале де Триполи» Мухаммед Мурабет заявил: «Нефть будет питать всю экономику Ливии. Добыча ее поможет развивать и сельское хозяйство. У нас немало плодородных земель, но при традиционных способах обработки мелких участков, при отсутствии техники сельское хозяйство не в состоянии обеспечить возросших нужд страны. Нам нужна не только техника, нужны люди, уме-

ющие применять ее. Значит, понадобятся большие средства. Вот нефть и станет основным источником доходов государства...».

Оправдались ли эти надежды и чаяния? К сожалению, нет.

Более двух десятков нефтяных монополий (тринадцать из них — американские) контролируют почти две трети территории Ливии. Лучшие нефтеносные участки захватили американские монополии «Эссо стандарт ойл компани» и «Оазис ойл компани». На их долю приходится более 90 процентов общей добычи нефти в стране.

В сентябре 1962 года «Эссо стандарт ойл компани» подарила королю Идрису золотую баночку с первой экспортированной из Ливии нефтью. За два года концессионеры проложили через пески пустыни 175-километровый нефтепровод со всеми необходимыми сооружениями.

Поспешность и настойчивость нефтедобытчиков из США легко объяснимы. «Доходы от ливийской нефти, — писала в декабре 1962 года газета „Нью-Йорк таймс“, — больше не являются для нас только свержающим миражом пустыни».

Какой уж тут мираж, если по подсчетам журнала «Петролеум аутлук» компании получают 42 процента чистой прибыли с каждого барреля * «черного золота», извлекаемого из недр Ливии.

А что получает от богатства собственных недр ливийский народ? «Пока только запах от нефти», — с горечью заметила 12 ноября 1962 года газета «Аль-Амаль».

В карманы иностранцев в 1962 году, например, попало 50 миллионов фунтов стерлингов, а в казну ливийского государства отчислено всего-навсего 7 миллионов. Почему так? Не каждый даже получивший образование ливиец сможет разобраться в тонкостях финансовых махинаций, на которые пускаются американские дельцы. Тем не менее подобное распределение доходов не может не привести ливийцев на грустные размышления.

А происходит в расчетах вот что.

Есть у бизнесменов выражение «фифти-фифти», означающее деление прибылей пополам. На этом принципе и заключали компании США договор с Ливией: за продажу сырой нефти 50 процентов получает ливийское прави-

---

* Баррель равен, примерно, $\frac{1}{7}$ тонны.

тельство и 50 процентов компании. «На таких же условиях, — убеждали дельцы, — мы ведем добычу и в других арабских странах».

Договор был подписан. Однако тресты и монополии думали только о том, как прикарманить львиную долю прибылей. И придумали. В расчет бралась цена на сырую нефть, то есть пополам делились только те доходы, которые выручали компании от ее продажи. Чем ниже была цена за каждый баррель, тем, стало быть, меньше и половинная доля.

Казалось бы, что за выгода монополиям сбывать нефть по дешевке? Весь вопрос в том, кому сбывать? Ливийскую сырую нефть иностранные компании сдавали своим же филиалам, владеющим нефтеперерабатывающими заводами. Иными словами, продавали как бы самим себе. Кому, спрашивается, это выгодно? Конечно же, не ливийцам.

Но это не все. Монополии отчисляют часть прибылей под видом возмещения затрат, связанных с изыскательскими работами и прочими накладными расходами, которые определяются ими весьма произвольно и, как правило, завышаются. Короче говоря, нефтяные боссы отказались платить Ливии за добытую нефть, пока не покроют свои собственные издержки по разведке. Насколько же велики эти издержки и когда они будут покрыты — никому не известно. Ведь даже друг от друга компании держат в секрете все данные геологоразведки...

Таким образом, в течение почти трех лет после открытия нефти, на которую в стране возлагались столь большие надежды, ливийское правительство фактически не могло приступить к выполнению широко задуманных планов экономического возрождения страны.

Недвусмысленно заявляли ливийцы об истинных целях американских бизнесменов, прикрывающих свои пиратские действия разглагольствованиями о «гуманной» помощи слаборазвитым странам. Один из служащих Триполи, Ахмед Зикр, с горечью и досадой сделал справедливый вывод:

— У американцев слова сладки, а дела гадки. Американские бизнесмены спешат, торопятся добывать нашу нефть. Они обещают отчислять Ливии значительную долю доходов от добытой нефти. Но наше горькое прошлое кое-чему научило нас. Мы знаем, что американские монополии

вторглись в Ливию вовсе не для того, чтобы осчастливить арабов. Они стремятся потуже набить свои карманы.

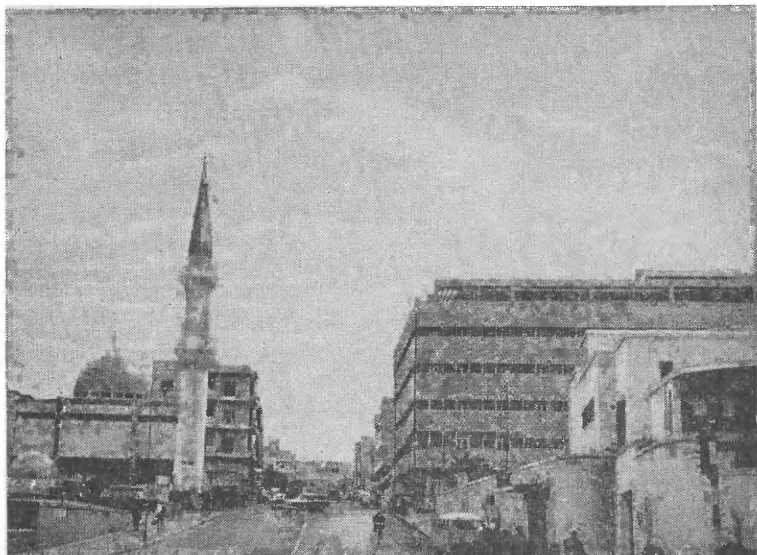
В «Закон о нефти», принятый в 1961 году, правительство Ливии внесло некоторые поправки. Оно делало попытки восстановить справедливость, повысить арендную плату за концессии, исключить из расчетов компенсацию за работы по изысканию (они составляли до того четвертую часть выручки концессионных компаний). Хотя поправки к ранее принятым законам и соглашениям юридически не имеют обратной силы, правительство Ливии обратилось к нефтяным компаниям, ведущим разведку, с просьбой подать заявки на новые концессии, надеясь получить возможность привести их контракты в соответствие с положениями исправленного закона.

О кабальных условиях, диктуемых молодому независимому государству, свидетельствует такой факт. Американская компания «Эссо стандарт ойл компани» взялась построить в Ливии нефтеперерабатывающий завод. Казалось бы, это гуманно и вполне разумно: зачем возить за тридевять земель сырую нефть (за экспортируемым сырьем в порты Сидра и Марса-Брега приходят многотонные танкеры), выгоднее перерабатывать ее на месте. Тогда исходные нефтяные продукты можно дороже продавать, исключив немалые транспортные расходы. Но выгода при заключении этого договора достается опять не Ливии. Рассчитав по-своему затраты на строительство, компания заявила, что в собственность правительства Ливии этот завод перейдет... через сорок пять лет.

...Нефть в Ливийской пустыне и американская военно-воздушная база Уилус-Филд неподалеку от Триполи. Казалось бы, какая между ними связь? Какое отношение имеют нечистоплотные махинации алчных владельцев нефтяных монополий США к аренде Уилус-Филда?

Оказывается, самое прямое. Вот что писала об этом американская газета «Уолл-Стрит джорнэл»: «Право содержать авиабазу Уилус-Филд с 12-тысячным персоналом близ Триполи предоставлено Соединенным Штатам Америки в обмен на экономическую помощь. Но что будет, если доход от нефти ликвидирует необходимость для Ливии опираться на эту помощь? Эта база и так не популярна в Ливии...».

Значит, своекорыстная политика монополий, правдами и неправдами пытающихся скостить доходы ливийского

Минарет этой современной мечети напоминает
трехступенчатую ракету...

государства от эксплуатации нефтяных скважин, совпадает с планами Пентагона! Ведь если нефть принесет Ливии достаточно высокий доход, правительство может попросить американцев прикрыть базу (так это и случилось в 1964 году! *). А такие «вольности» со стороны слабой и беззащитной Ливии никак не входили в планы агрессивно настроенных кругов Америки.

По доброй воле отказаться от такой «нефтеносной жилы», как Ливия, американцев и англичан вряд ли заставишь. Самым пристальным образом следят они за «кривой» добычи «черного золота» в стране. Январский выпуск английского бюллетеня «Петролеум пресс сервис» за 1964 год сообщил, что в последние десять лет добыча

---

* В 1964 году, будучи вынужденными вступить в переговоры с правительством Ливии относительно ликвидации базы Уилус-Филд, американские дипломаты прибегли к испытанному трюку. На словах они согласились эвакуировать базу, фактически же все остается без изменений.

нефти в Ливии возросла с 8,5 тысячи до 21 миллиона тонн.

Вот цифры: 1961 год — 700 тысяч тонн, 1962 год — 8 миллионов 420 тысяч тонн, 1963 год — 24 миллиона тонн. Столь стремительный рост не может не волновать английских «компаньонов». Ведь уже в 1963 году в Ливийской пустыне было добыто нефти больше, чем во всех странах Западной Европы, вместе взятых.

...Путешествуя по дорогам Ливии, мы не смогли побывать в районах, где из недр этой древней страны бьют нефтяные фонтаны. Не наша в том вина и не вина принявших нас хозяев. Не только туристов, но и самих ливийцев не очень-то охотно допускают туда концессионеры. Они боятся даже друг друга, остерегаясь, как бы кто-нибудь из конкурирующих компаний не узнал геофизических данных нефтеразведки или результатов анализов полученной нефти.

Но мы видели в Триполи сверкающие на солнце зеркальные вывески чужеземных нефтяных компаний, целые городки американского персонала с коттеджами в стиле ультрамодерн. Мы слышали, с какой надеждой и одновременно горечью говорят простые ливийцы о своем нефтяном богатстве, которым они не могут распоряжаться. И слушая их, думали о шофере Белькасеме Аморе, чью жизнь поглотили не только пески Сиртики, но и алчность пришлых дельцов, их корысть, которые в конце концов могут оказаться и оказываются на самом деле куда страшнее и беспощаднее, чем неоглядные сыпучие пески суровой Ливийской пустыни.

В СТОРОНЕ ОТ АСФАЛЬТА ШОССЕ

Дороги нынешних путешественников по Африке не всегда перекрещиваются с караванными тропами, с глубинными, неасфальтированными африканскими проселками. Туристские маршруты — тем более. Они пересекают главным образом цивилизованные районы, оставляя в стороне небольшие селения, лишенные достопримечательностей.

Так было и в Ливии. «Фасад» страны, ее «парадный подъезд», каким справедливо считается Триполи, нам по-

казывали охотно, а вот заглянуть в глубь страны, ненароком «сбиться» с проторенных маршрутов мы не имели возможности.

Возвращаясь из Гариана в Триполи, мы должны были сделать остановку в небольшом городке, чтобы пообедать. Экскурсий тут никаких не намечалось, но нам пришлось в нем задержаться несколько дольше, чем предполагалось. У нас неожиданно оказалось свободное время, и мы, не мешкая, отправились изучать окрестности.

Дорога не пересекает это селение, а огибает его. Ресторанчик, где мы должны были обедать, находится на окраине, вблизи шоссе. Справа, за входом на кухню, сразу же начинается каменистая пустыня, а слева расположен поселок, как бы захлестнутый петлей шоссе. Ярусами тесно прилепились друг к другу серо-белые домики, безлюдны тесные улочки. Не слышно ни голосов детей, ни крика домашних животных. Словно уснуло вокруг все живое, прячась от палящих лучей солнца.

По каменным ступеням взбираемся на невысокую крепостную башню, с площадки которой видно все селение. Характерные арабские постройки в виде ровных прямоугольников, плоские кровли. Квадраты дворишков, куда выходят все помещения, отделены друг от друга глинобитными стенами, и тишина, безмолвие вокруг...

Вымершим, заброшенным казалось это селение. Да и не только это. Столь же безлюдными выглядели и другие, мимо которых проезжал, не задерживаясь, наш автобус. Глубинные районы Ливии действительно малонаселенны. За последние годы тысячи семей оставили родные, населенные места и переселились поближе к морю, в крупные города.

«Никто не задает вопроса, — писал ливийский журналист, — почему люди покидают места своего детства, уходят в города, оставляя свои семьи и родных. Ливийский крестьянин делает это потому, что земля отказалась его кормить. В западных районах Ливии нет ни учителей, ни врачей, ни больниц, ни школ, ни аптек. Крестьяне уходят отсюда потому, что все, что связывало их с землей, исчезло. Даже простая вода, и та продается за деньги. В некоторых местах она стала дороже, чем прохладительные напитки. Нет воды даже в таких крупных населенных пунктах, как Мизда, Гариан и Джефрен. Их жителям угрожает гибель от жажды...

Предотвратить гибель людей от жажды, очевидно, могло бы строительство артезианских колодцев, прокладка водопровода. Но никаких планов на этот счет пока не существует. Газета «Ар-Раид» («Пионер») писала: «В скором времени населенные пункты на западе Ливии окажутся мертвыми...».

Но может быть, лучше живется ливийцам в нефтеносных районах страны? Ведь там, прежде чем пробурить нефтяную скважину, непременно ищут воду. К тому же экспедиции разведчиков «черного золота» оснащаются всем необходимым вплоть до кондиционированных установок в домиках-вагончиках...

Нет, оказывается, ливийцам и тут не лучше. Точно так же, как отделены друг от друга в Триполи «европейские» районы и старая, арабская часть города, где обитает трудовой люд, и здесь, в нефтеносных районах Ливийской пустыни, не стирается грань между «белыми» иностранцами и «черной» подсобной силой.

Сошлемся на свидетельство той же газеты «Ар-Раид». «Всякий, кто побывает в пустыне и посетит жилища ливийских рабочих, — говорится в статье, опубликованной осенью 1965 года, — увидит жалкие лачуги, наскоро сооруженные из ржавых листов жести». На каждом шагу — следы нищеты, лишений, болезней. Рабочие разлучены со своими семьями, живут в тяжелых климатических условиях пустыни. Летом — зной и жгучие ветры, зимой — пронизывающий холод (температура колеблется от 7 градусов зимой до 50—58 градусов летом).

Совсем другие условия созданы для иностранных специалистов. Они располагают современными домами со всеми удобствами, обеспечены хорошим питанием и могут не экономить воду.

Это — не единственное свидетельство. Выходящий в Бенгази еженедельник «Аль-Хакика» также выражает тревогу: «Ливийцы, живущие вокруг нефтеносных районов, нуждаются в том, чтобы о них срочно позаботились, так как они ведут тяжелейшую жизнь. Они страдают от непогоды, пьют неочищенную воду и питаются так, как питались их предки в самые трудные годы нашей истории...».

В самые трудные годы... А были ли «легкие» времена для обитателей Сахары?

Некоторые современные исследователи утверждают, что были. По их предположениям, много тысяч лет назад

Сахара не была «царством песков». Одну из таких версий выдвинул итальянский ученый Фабрицио Мори. На протяжении длительного времени он ведет исследования на юго-западе Ливийской пустыни, неподалеку от оазиса Гат.

Здесь, на высоте 700—1400 метров над уровнем моря, между серыми зубчатыми хребтами лежат долины красноватых или рыжеватых дюн, тянутся высохшие русла горных рек. Дожди выпадают здесь редко и нерегулярно. Вода быстро уходит в землю, задерживаясь лишь кое-где во впадинах, которые упорно отыскивают кочевники-скотоводы.

Сейчас, утверждают ученые, жить в этом районе почти невозможно. Но много тысяч лет назад все было иначе. Рисунки на стенах пещер, сделанные тогдашними жителями, говорят о том, что когда-то Сахара была зеленой и плодородной землей. Воды хватало, развивалось скотоводство.

Экспедиция Мори обнаружила сотни наскальных рисунков и картин. Рисунки-петроглифы нацарапаны затесанными камнями резцами. Картины-фрески написаны охрой, смешанной с клеящим веществом из молока и яиц.

Чтобы установить, когда были сделаны эти рисунки, итальянский ученый прибег к помощи новейших радиационных методов. Экспедиция обследовала угли, оставшиеся от костров и очагов, и пришла к выводу, что древнейшие из этих рисунков созданы охотничьими племенами за 6000—1500 лет до нашей эры.

Интересно отметить, что на рисунках часто встречалось изображение лошади, изображение же верблюда появилось лишь в начале нашей эры.

На некоторых рисунках можно увидеть сценки из охотничьей жизни, стада быков. Ученые полагают, что соплеменники первых ливийских живописцев занимались охотой на крупных диких зверей, исчезнувших ныне из этих районов. Четкими линиями выведены на камнях силуэты носорогов, слонов, жираф.

С изменением климатических условий в Сахаре менялись и характер рисунков, и их содержание. Появление изображения «корабля пустыни» — верблюда говорит о том, что там, где раньше бурлила жизнь, остались лишь одинокие кочевники.

В гротах Сахары исследователи находят древние предметы быта — изделия из кости, каменные жернова и ступ-

ки, гончарные поделки. Найдены человеческие кости, мумия ребенка. Все находки отправляются в Триполи. Существует договоренность, согласно которой часть находок остается в распоряжении ливийских властей, а часть становится собственностью итальянских ученых...

АРИФМОМЕТРЫ В ОАЗИСЕ

Экономические обзоры ряда последних лет, в частности бюллетень «Куотерли экономик ревью» за 1964 год, характеризуют сельское хозяйство Ливии как «примитивное и отсталое, если не считать нескольких современных сельскохозяйственных ферм, большинство которых было создано итальянскими поселенцами в период между 1925—1939 годами».

В глубинных районах страны ведется натуральное хозяйство. Феллах владеет небольшим участком земли или арендует его. По традиции поле каждого «хозяина» огораживается невысокой глинобитной стеной либо особого рода изгородью из густого колючего кустарника, напоминающего акацию, или из кактусов. Главные, да, пожалуй, и единственные, орудия обработки земли в таких хозяйствах — деревянная соха и мотыга...

Орошение здесь и поныне ведется так же, как в далеком прошлом: глубокий артезианский колодец, через деревянный вал перекинута длинная веревка, один конец которой привязан к большой кожаной бадье, а другой тянет верблюд или ишак. Медленно движется животное взад и вперед по протоптанной тропинке, то опуская, то поднимая бадью с драгоценной водой.

В некоторых районах страны для орошения служат фоггара. Это глубокие подземные галереи, заполненные водой. С поверхностью земли они сообщаются при помощи колодцев.

Журналисты, побывавшие в Ливии вскоре после провозглашения независимости, сообщали, что в иных местах здесь фактически еще оставались рабы. Не лучше рабов жили и так называемые джеббады — черпальщики воды, приставленные к колодцам. С раннего утра и до позднего вечера джеббады таскали воду, поливали растения, ухаживали за финиковыми пальмами. Из возвращенного и со-

Герб Триполи — ладья с упругими парусами.

бранного ими урожая джеббадам полагалась четвертая часть. Но, находясь в постоянном долгу у хозяина, они годами не могли вырваться из кабалы.

По данным 1960 года, сельскохозяйственная площадь Ливии составляла 3,87 миллиона гектаров, из них лишь 2,37 миллиона — пахотные земли, остальные — луга и пастбища. В год страна собирает 23—45 тысяч тонн пшеницы, от 50 тысяч до 116 тысяч тонн ячменя. Это во много раз меньше, чем в Тунисе, где сбор пшеницы в 1960 году составил 439 тысяч тонн.

Правительство Ливии приступило к упорядочению землепользования. В конце декабря 1963 года в населенном пункте Таджура, в 18 километрах от Триполи, премьер-министр вручил документы на пользование землей тридцати девяти крестьянам из близлежащих деревень: Сукулы, Джумай, Гарабули. Это мероприятие предусматривалось проектом сельскохозяйственного заселения, принятым в 1961 году и вошедшим затем в пятилетний план развития страны. Заселением руководит созданная правительством организация — консорциум сельскохозяйственного развития, призванная оказывать помощь земледельцам.

Безземельным крестьянам на льготных условиях в рассрочку продаются усадьбы площадью четыре-пять гектаров с домом и приусадебными постройками. На каждые четыре фермы имеется один колодезь.

До конца 1963 года правительство продало крестьянам двести девять ферм и участков на заброшенных землях и в деревнях Саадия и Маамура, южнее Триполи, и в районе населенного пункта Завия.

Документы на пользование землей вручаются только тем крестьянам, которые в течение годовичного испытательного срока доказали, что они способны эффективно вести хозяйство. Правительство и в дальнейшем намерено продолжать распределение земель на таких условиях. Во время церемонии вручения документов на землю премьер-министр выступил с речью, в которой подчеркнул намерение правительства поднять жизненный уровень народа, изменить лицо деревни и сельскохозяйственных поселков. Он отметил, что правительство будет поощрять кооперативное движение в стране и оказывать ему помощь, заимствуя опыт создания таких хозяйств у развитых в сельскохозяйственном отношении стран.

...Наш автобус свернул с асфальта шоссе на грунтовую дорогу. Проезжаем плантации и поля, где выращивают ячмень и кукурузу, арахис и табак, миндаль и оливки. Так же как в Тунисе, здесь наиболее распространены финиковые пальмы и оливковые деревья.

Мы направляемся в одно из сельских учебных заведений, о котором до завоевания независимости ливийцы не могли и думать.

Учебный год еще не начался. Пусто в классах, тихо на территории. Нас встречают руководители школы. Они гостеприимно приглашают заглянуть в комнаты для занятий, познакомиться с «материальной базой»: на каждом столе — пишущие и счетные машины. Оказалось, что эта школа готовит не агрономов, не зоотехников, а... управляющих-бухгалтеров, которые должны уметь вести хозяйство прежде всего с точки зрения экономики и финансов.

Желающих поступить в эту школу и овладеть специальностью бухгалтера-аграрника очень много. «Все решает конкурс — ведь требуется сдать экзамен».

Значит, попадают в школу не по имущественному положению, а по уровню знаний, хотя это почти одно и то же. Конечно, лучше сдает экзамен тот, кто получил достаточное образование. А такие среди феллахов вряд ли найдутся...

И все-таки здесь готовят свои, ливийские, кадры экономистов-аграрников. Правда, не совсем отчетливо (может, в этом вина переводчиков?) отвечают руководители школы о принципе распределения выпускников. Мы поняли, что государство в этом участия не принимает. В школу поступают заявки от крупных хозяйств, поместий. Задача руководителей — удовлетворить эти заявки разумно, на правах молодых управляющих, прошедших курс обучения, туда, где их знания особенно нужны.

Во всяком случае эта школа — добрый знак!

ЕДИНСТВЕННО ВЕРНЫЙ ПУТЬ

В те дни, когда мы находились в Ливии, страна еще делилась на три самостоятельные провинции — Триполитанию, Киренаику и Феццан. Такая раздробленность от-

рицательно сказывалась на ее развитии. Длительное время все три провинции были в какой-то степени обособлены друг от друга. В то время как в Триполитании, находившейся в более выгодных природных условиях, жизнь постепенно налаживалась, в Киренаике и Феццане, лишенных благ прибрежных оазисов, продолжала царить нищета.

Конституцией Ливии официально установлено, что в стране имеются две столицы — Триполи и Бенгази. Через каждые два года правительство меняло свою резиденцию, переезжая то в столицу Триполитании, то в главный город Киренаики. Потом король Идрис I решил построить еще одну — третью столицу — в небольшом городе Бейда, расположенном в горах Киренаики. Влиятельные семьи Триполитании, где проживали две трети населения страны, выразили свое недовольство по поводу перенесения официальной столицы королевства в Киренаику. Им показалось это обидой, ущемлением авторитета.

Местнические тенденции, соперничество, корни которого лежат в веками складывавшейся племенной структуре, усиленно подогревались колонизаторами, вовсе не заинтересованными в сплочении и консолидации сил ливийского народа. И вот через одиннадцать лет после завоевания независимости страна стала на путь объединения.

Четырнадцатого апреля 1963 года на заседании парламента премьер-министр предложил внести ряд поправок в конституцию Соединенного Королевства Ливии. Одна из основных поправок предусматривала, что раздел страны на три провинции — Триполитанию, Киренаику и Феццан — аннулируется. После единодушного принятия парламентом этой поправки Ливия стала не федерацией, а единым государством.

Через несколько дней радио передало речь короля Идриса I по поводу ликвидации федеральной системы. Король подчеркнул, что достижение полного единства Ливии — это великая национальная победа, которой так долго и упорно добивался ливийский народ.

«Народ искренне приветствует единство», — писала 30 апреля 1963 года газета «Ар-Раид», отмечая, что период федерации принес Ливии много вреда, привел к ущемлению ее авторитета на международной арене. При федеральном строе правительство совершенно не опиралось на народ, игнорировало существование народных

Триполи. Уголок города.

организаций, не имело никакой связи с рабочими, молодежью и т. д. Эта ошибка, подчеркивала «Ар-Раид», должна быть исправлена в период единства. Только опора на народные слои принесет реальные успехи.

Осенью 1964 года королевским указом была законодательно закреплена новая административная структура Ливии. Согласно этому указу территория страны делится на провинции, уезды и муниципалитеты. В Ливии образовано десять провинций: Триполи, Бенгази, Себха, Мисурата, Джебель аль-Гарби, Джебель аль-Ахдар, Завия, Дерна, Хомс и Абари.

Во главе каждой провинции стоит губернатор, которого назначает Совет министров (губернатор — представитель правительства и подчинен министру внутренних дел).

Хотя проблема укрепления единства, становления собственной экономики для Ливии продолжает оставаться решающей и главной (за период итальянского господства здесь не было построено ни одного промышленного пред-

приятия), на очереди еще немало и других проблем, от решениях которых зависит будущее этой страны.

Остро стоит, например, вопрос о борьбе за равноправие женщин. Сила вековых традиций, усугубляемая законами и догмами мусульманской религии, все еще держит ливийскую женщину в полном бесправии. Тщетно было бы искать хотя бы один пример активного участия ливийской женщины в общественной деятельности.

Интеллигенция страны, в частности общество «Ливийская мысль», понимает всю нелепость сохранения традиционных мусульманских представлений о женщине как существе, полностью лишенном прав и свобод (ее гражданские права согласно законам защищаются мужчиной: мужем, отцом, братом или опекуном). Ведь половина населения страны — это женщины, а трудятся они лишь в кустарных текстильных или ремесленных мастерских или в лучшем случае (и то единицы) выполняют черную работу в частных клиниках и больницах.

А о полном бесправии ливийской женщины в быту, в семье (в стране разрешено и поныне многоженство), в повседневной жизни и говорить нечего. Она не имеет права появляться в общественных местах: ни в кино, ни на собраниях, ни в кафе; она продолжает носить хаули, скрывающее ее лицо; ее удел — сидеть в четырех стенах.

Весной 1963 года ливийский парламент сделал первый шаг к решению женского вопроса: им одобрена поправка к конституции, говорящая о том, что женщины получают право голоса. В знак благодарности правительству сотни ливиек вышли на улицы Триполи. Учащиеся женских школ, педагогического коллежа и студентки университета прошли по центральным улицам города до королевского дворца, а затем к резиденции правительства. Шествие организовала созданная незадолго до этого Ассоциация возрождения женщин Триполитании.

Одиннадцатого октября 1964 года в выборах в палату депутатов ливийского парламента впервые в истории страны вместе с мужчинами участвовали женщины.

В Ливии не хватает врачей, больниц, госпиталей. Больные, пришедшие из дальних селений, по нескольку дней ждут очереди, чтобы попасть на прием к врачу. В стране распространены трахома, туберкулез, желудочно-кишечные заболевания. Более трети новорожденных (350 из 1000) умирают, не дожив до года.

С благодарностью узнали ливийцы о том, что Советское правительство решило построить в дар государству два госпиталя — в Тархуне и Мердже. Они расценили это как акт истинной дружбы.

Чтобы лучше понять, почему советские люди, приезжающие в Ливию, довольно часто слышат слово «шукран» («спасибо») от самых разных людей — от торговца или портового грузчика в Триполи, крестьянина-феллаха или обитателя «троглодитской» пещеры, — надо припомнить прошлое. Надо вспомнить, что Ливия — первое государство Африканского континента, сбросившее после второй мировой войны цепи колониализма, а Советский Союз — одна из первых держав мира, которая горячо поддержала решение Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о провозглашении *независимого* Соединенного Королевства Ливии.

Провозгласив принципом своей политики нейтралитет и неучастие в блоках, ливийское правительство последовательно выступает против колониализма, за укрепление мира между народами. Ливийский сенат поддержал требования СССР о разоружении. В числе других государств Ливия поставила свою подпись под Московским договором о запрещении ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Подписав этот исторический документ, временный поверенный в делах Соединенного Королевства Ливии в СССР Эль-Хади Омар эль-Харик заявил, что правительство его страны рассматривает договор как важный шаг к миру.

В 1961 году в Советском Союзе впервые гостила парламентская делегация Ливии. Глава посланцев Рафик Махдави заявил: «Визит нашей делегации — это доказательство дружественных отношений между нашими народами».

Жители Триполи имели возможность увидеть и сердечно приветствовать первого космонавта мира Юрия Гагарина, сделавшего здесь в феврале 1962 года краткую остановку на пути из Центральной Африки в ОАР.

В начале 1963 года в районе ливийского города Барка произошло сильное землетрясение — погибло около трехсот человек, двадцать пять тысяч остались без крова. Одной из первых на помощь пострадавшим пришла наша страна: из СССР жителям Барки были направлены медикаменты, одежда и продовольствие.

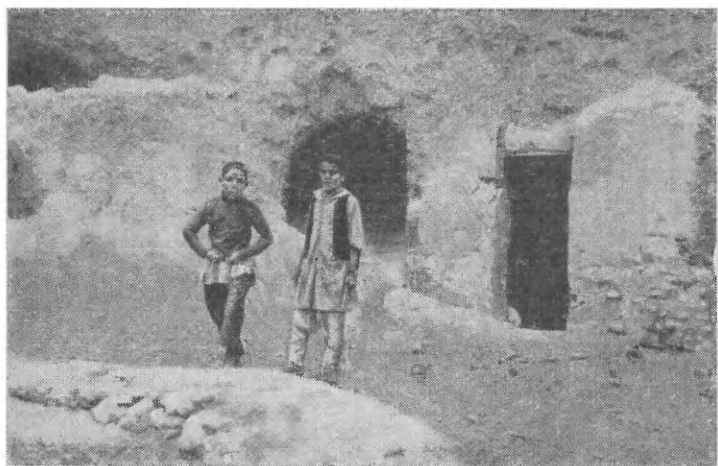
В Триполи в культурном центре советского посольства раз в неделю демонстрируются документальные и художественные фильмы. Двери этого клуба широко открыты для всех ливийцев. Большой успех имел, например, фильм «Мы из Кронштадта». С интересом смотрят триполитанцы документальные ленты о жизни, труде и отдыхе советских людей.

Дважды Советский Союз принимал участие в международных ярмарках в Триполи. Последний раз — в конце февраля 1965 года. «Советский павильон, — писали „Известия“, — расположен на главной магистрали ярмарочного городка... Снаружи его украшают фотопортреты советских людей различных национальностей. Возле них невольно замедляют шаг посетители: уж очень живы и выразительны лица русского рабочего, украинской колхозницы, белоруса, грузина, туркмена, эстонки... Они словно говорят: „Входите, мы рады гостям. Все, что здесь увидите, сделано нашими руками, руками тружеников и хозяев своей великой Родины. Входите...“».

От стенда к стенду переходили ливийские крестьяне в красных и белых шапочках, рабочие в цветных рубашках, учителя, студенты, торговцы, журналисты... Один из посетителей — ливийский инженер — на вопрос, что ему больше всего понравилось на ярмарке, ответил:

— Павильоны Ливии и Советского Союза. Почему первый — это понятно, в нем — моя родина. Павильон Советского Союза — самый насыщенный и поучительный. В некоторых павильонах я просто гулял. Они эффектные, но пусты... Меня больше всего заинтересовала выставленная в советском павильоне установка разведочного нефтяного бурения и стенд, который рассказывает об освоении пустынных земель. А как далеко шагнул Советский Союз в мирном использовании атомной энергии! В наше время это особенно отрадно. Хорошо показаны у вас дело народного здравоохранения, рост культуры общества, равноправное положение женщин. Тут есть чему поучиться. Советский павильон большой, но в действительности он гораздо больше. Понимаете?

Да, понимаем. Встречая не в павильоне ярмарки, а на нашей земле ливийских граждан, мы понимаем, чему они удивляются и радуются. Депутат ливийского парламента Мухаммед Бунувейра при посещении Московского государственного университета заметил: «В стенах вашего

Пещера современных «троглодитов»
близ города Гариан

университета, который является прочной базой развития науки, растут люди будущего — надежда наций. В то время как в других государствах создают базы, чтобы уничтожать, у вас строятся базы, чтобы обеспечить счастье для человечества...».

В апреле 1963 года по Ливии совершил поездку дипломатический корреспондент западногерманской газеты «Ди вельт» Петер Груббе. Что привлекло его внимание в стране, что порадовало?

Отметив в своем первом очерке, озаглавленном «Когда речь идет о нефти, Коран молчит», что в Триполи, на первый взгляд, почти ничего не изменилось, Груббе не скрывает радости, обнаружив «плоды» бесцеремонной пропаганды прелестей так называемого свободного мира, распространяемой его глашатаями с помощью радио, кино, телевидения. (Кстати, своего телевидения в Ливии пока нет. Передачи ведет станция, принадлежащая все той же американской базе Уилус-Филд. Есть у базы и своя радиостанция, вещающая с утра до вечера). «На окраине Триполи, — пишет Груббе, — по-прежнему стоят черные палатки кочевников, однако менее чем в полукилометре от них появились современные магазины, в которых торгуют

шотландским виски, французским коньяком, итальянскими ликерами, хотя Коран запрещает употребление алкоголя. Лучшие отели Триполи и Бенгази открыли казино с рулеткой, а в барах вновь можно встретить людей в пестрых рубашках и в больших шляпах, которые похожи на ковбоев из американских фильмов. Здесь сквозь тщательно закрытые двери пробивается чужой мир...».

Кого же ливийцам называть своими друзьями? Тех, кто протягивает руку помощи, или тех, кто завозит виски и открывает казино?

Важный шаг в советско-ливийских дружеских отношениях был сделан в мае 1963 года. Прибывшая в Триполи советская торговая делегация успешно провела переговоры и заключила взаимовыгодный договор, скрепляющий деловые узы между нашими государствами. Глава ливийской делегации заместитель министра национальной экономики Ахмед Суидег заявил: «Ливийское правительство желает расширения экономических и торговых отношений с Советским Союзом, а также укрепления дружественных контактов между нашими обеими странами...».

Теперь ливийцы увидят советские машины и товары не только на стендах ярмарочных павильонов. Из СССР морскими путями плывут на ливийскую землю дорожно-строительные и сельскохозяйственные машины, тракторы и автомобили, насосы и дизели, горношахтное и буровое оборудование, прокат черных металлов и строительные материалы, удобрения и химические товары *... А навстречу советским судам идут транспорты с ливийской шерстью, оливковым маслом, цитрусовыми плодами, миндалем и табаком.

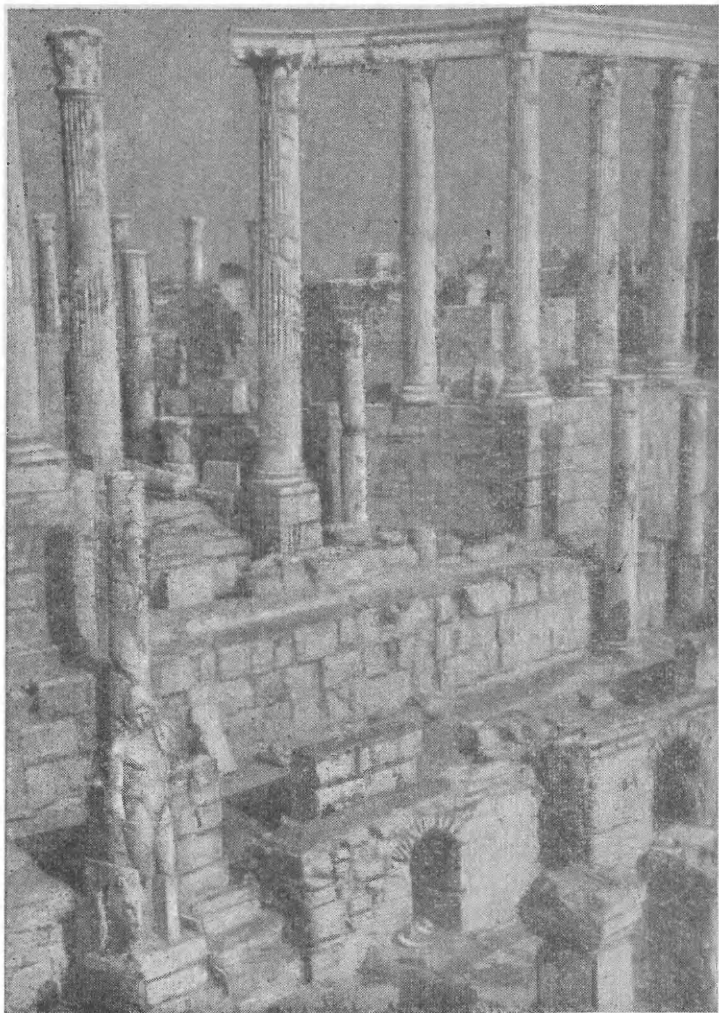
Что отличает это торговое соглашение от всякого рода других сделок, в которые вступала прежде Ливия?

Взаимоуважение интересов, справедливость, честность. Ливийская общественность после заключения договора особенно подчеркивала, что Советский Союз хочет не только продавать, но и покупать.

По сравнению с 1962 годом закупки Советским Союзом ливийских товаров увеличились в 1963 году в четыре с половиной раза. Товарооборот между двумя странами вырос за это время более чем в полтора раза.

---

* Тридцать торговых кораблей под флагом СССР бросили якоря в морских портах Триполи и Бенгази за первое полугодие 1965 года.

**Древний город Лептис-Магна был занесен
песками Сахары**

«Шукран» — спасибо! Это слово, обращенное к советским людям, звучит в Ливии искренне и сердечно. Ведь оно адресовано представителям великой страны, которая от чистого сердца говорит: «В добрый час!» всем государствам и странам, познавшим радость свободы и независимости.

* * *

...Рано утром, сдав портье тяжелые ключи от своих номеров в гостинице «Мехари», мы поднялись по ступенькам столь знакомого нам автобуса. И снова плывет за окнами триполийская набережная. Уже примелькались лавры, сомкнувшие кроны-зонтики. Едем мимо построенной недавно мечети, мимо резиденции Хасана Рида — преемника короля Идриса, мимо арабского кинотеатра.

Потом поворот. Справа остается старый город и шумный сук.

Аэропорт Идрис аль-Авваль находится за городом. Может быть, поэтому оформление перед отлетом из Триполи происходит не в самом аэропорту, а неподалеку от центра. Здесь автобус туристской компании «выгружает» нас и отправляется в гараж. Нам же предстоит взвесить багаж, прикрепить бирки на ручную кладь и поджидать остальных пассажиров. Потом мы садимся в тесноватый, выдавший виды автобус и минут сорок мчим по окраинам Триполи.

И опять, в который раз, нам приходится лицезреть плоды бесцеремонности пришлых, но ведущих себя в Ливии как дома, гостей. Ближе к городу, за оградой, утопают в зелени и цветах ярко раскрашенные коттеджи американских и английских офицеров. На шоссе, связывающем Триполи с аэропортом, находятся английские военные казармы — мрачные, тюремного вида приземистые бараки, обращенные к дороге длинной глухой стеной, без окон и дверей. А дальше — резким контрастом с загородными виллами офицеров — бедные хижинки, небольшие огородики по соседству с мусорными свалками...

В аэропорту Идрис тесно. Сесть негде. Душно. Наконец объявляют посадку. Самолет линии «Аль-Италия» набит до отказа. Правда, лететь нам недолго — менее двух часов...

...Потом был Рим, взбудораженный Вселенским собором, потом Прага, даже в ненастный осенний день оправдавшая в наших глазах эпитет «Злата». Но нам еще здесь, в аэропорту Триполи, мосящем имя короля Ливии, захотелось домой, в Москву...

У писателя К. Г. Паустовского на этот счет есть очень правильные строки: «Чужое небо и чужие страны радуют нас только на очень короткое время...».

Через некоторое время после нашей поездки по Тунису и Ливии совершили путешествие по тому же маршруту советские писатели. Генеральный директор министерства информации и ориентации Ливии Ахмед Фахми Хаммали устроил в их честь торжественный ужин, пригласив на него редакторов ведущих ливийских газет и представителей радио.

— Ливия — небольшая страна, — сказал господин Хаммали, — и она находится далеко от вас. Но мы бы очень хотели, чтобы в вашей стране о нас знали больше...

Не знаю, удалось ли мне в беглых заметках рассказать, что за страны — Тунис и Ливия, какими дорогами и куда идут эти государства Северной Африки, какие трудности стоят перед ними. Но я буду удовлетворен, если мой рассказ хотя бы в какой-то степени поможет яснее представить финиковые рощи под Сфаксом и красивый город Триполи, остров Джербу и дороги, пересекающие безмолвные пустыни, замечательные памятники древности и звездное-звездное африканское небо, которое так не похоже на небо нашей любимой Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Парижский врач удивляется	5
Тунис — столица Туниса	9
Здесь стоял Карфаген	18
Несколько тунисских встреч	25
Кайруан — Мекка тунисских мусульман	29
Мир под оливами	36
Через Сус в Монастир	42
Эль-Джем — Сфакс	47
Сахара рядом	52
На острове лотофагов	56
Племя голубых халатиков	61
Слово берет маримба	65
Добро пожаловать, господин Мольер!.. . . .	70
Дорога	73
Арабская фата-морганна	79
Триполи сквозь века	83
Не «пещерные» — просто люди!	86
По улицам древней Сабраты	88
Великий Лептис	92
Снова в Триполи	96
Необычный сувенир	100
Нефть и песок	103
В стороне от асфальта шоссе	110
Арифмометры в оазисе	114
Единственно верный путь	117

Цена 35 коп.